

ЦЕНА ВРЕМЕНИ



Книга III

Сокрушив врагов страны и личных недоброжелателей, Александр смог заявить о себе так, что даже в верхах зашептались. Вернувшись в Новгород победителем, главный герой продолжает обустраивать свою жизнь, попутно внося всё новые и новые изменения в прижившиеся местные устои. Одному в прошлом плохо, а вдвоём уже не так критично. Собрав вокруг себя единомышленников и соратников и заручившись помощью нового друга-попаданца, Александр сделает всё возможное уже не просто чтобы выжить, но и чтобы сделать свою жизнь и жизнь своих подопечных гораздо лучше.

Цена времени. Книга 3

Роман Шайх

Глава 1. «Дом, милый дом»

Темно. Как-то даже слишком. Неужели я умер? Тогда что это, такое тёмное? Рай? Ад? Или вообще чистилище? Хотя нет. Не помню, чтобы в Библии говорилось о противном скрипе колёс, фыркание лошадей и древнерусском мате, несильно отличающимся от мне известного, которые в обязательном порядке должны присутствовать в мире мёртвых. Ой, а запах-то, запах! Если это ад, то мне откровенно жаль дьявола. Нет, такое можно увидеть только в процессе земной жизни.

Хотя, вот как раз-таки с «увидеть» наблюдались чертовски крупные проблемы. Никогда бы не подумал, что испытаю на себе состояние, когда буквально каждая клеточка тела, каждый его сантиметр отзывается тянущей, сковывающей болью. Казалось, что даже такое простое действие, как открытие глаз, вызвало у меня невероятное желание снова отключиться. А уж когда я осмелился приподняться на локтях, тогда организм и вовсе отказался воспринимать окружающие факторы и самого себя...

В общем, не знаю, сколько я вот так пролежал, размышляя над бренностью бытия, над уязвимостью земной плоти и ещё над десятком других, безусловно, не менее высоких мыслей. Вдруг сквозь привычный монотонный шум окружения, недвусмысленно говорящий о том, что я лежу в активно движущейся повозке, послышались шаги. Я почувствовал, как некто неизвестный застыл буквально в полуметре от меня. Я слышал его дыхание, скрип досок под его весом. Воображение стало рисовать самые страшные картины. А вдруг это убийца, стоит надо мной с ножом в руке и неизвестно от чего медлит? Наконец я набрался сил и смелости приоткрыть один глаз. Помогло это не сильно, поскольку лица разглядеть я по прежнему не мог. Зато, как оказалось, в руках его был вовсе не нож, а небольшая деревянная миска. Силуэт присел на рядом стоящий ящик и я облегченно выдохнул. На поясе мелькнула знакомая кобура, а в лице человека я узнал Максима.

— Макс... — Еле слышно прохрипел я. Только сейчас понял, что во рту и горле царит самая настоящая засуха. Максим же, услышав, что я подаю признаки жизни, вздрогнул и даже подпрыгнул на месте. Когда мой взгляд теперь уже обоих глаз сфокусировался, я увидел, как широко он улыбался и как сверкали его глаза. — Пить... — Вновь просипел я. Максим снова подскочил на месте, пару раз выскиваяще обернулся, но после опомнился, что вообще-то его руки не пусты.

— Да-да, сейчас! — Он медленно влил в меня содержимое миски. К счастью, там была такая нужная мне вода, а не какой-нибудь бульон. Я с облегчением почувствовал, как живительная влага растекалась по моему телу. Ещё с пол минуты я прислушивался к своему организму и с удивлением заметил, что двигаться стало заметно легче.

— Как наши дела? — Задал я интересующий меня больше всего вопрос.

— В целом — неплохо. — Уклончиво ответил он. — Армия перешла под командование царя, нас отправили домой. — Я аж приподнялся, силясь возразить о нарастающей несправедливости. — Не бойся, трофеями нас не обделили. — Среагировал Максим на мою реакцию. — За нами тащатся пол дюжины повозок, груженных самым разным железом и пять десятков лошадей. Самых хороших, я сам выбирал. — Он с некой гордостью поднял подбородок.

— А ты у нас, значит, потомственный коневод? — Хохотнул я. Однако стоило мне вспомнить, как чуть было не закончился последний бой, улыбка буквально сползла с моего

лица. — Что по потерям? — Макс тоже понурил голову и глубоко вздохнул.

— Проще сказать, кто выжил. — Сухо буркнул он. — Иван, Елисей, Мурат, Бьёрн, Илья, Лаврентий.

— И всё? — Почти шёпотом просипел я. Короткий кивок стал мне ответом.

— Елисею серьёзно досталось, пришлось оперировать. Ну это, конечно, громко сказано. В общем... Ногу мы ему не спасли. — В голове всплыли воспоминания того, как здоровый топорник буквально срубил его одним ударом по ногам. — Слишком многочисленные повреждения, риск заражения... Прости.

— Ничего. — Я стиснул зубы. — Ничего, Макс. Ты сделал всё, что мог. Спасибо тебе. — Я помолчал ещё пол минуты. — Остальные как?

— В основном лёгкие раны и контузии. — Отчитался он.

— Хорошо. В смысле, ничего хорошего, но... Всё равно спасибо. — Ещё минуту мы помолчали, отдавая честь тем пацанам, ещё совсем юным ребятам, которых я хоть и знал совсем недавно, но всё никак не мог принять, что они могут погибнуть. Семь пацанов, от пятнадцати до семнадцати лет. Конечно, по местным меркам и это призывной возраст, однако... Для меня, похоже, местные мерки ещё не являются привычными.

— Слушай, Макс. — Наконец прервал я эту траурную тишину. — Эти ребята... В общем, они погибали не для того, чтобы мы скорбили, понимаешь? Ну не для этого они жизни отдавали. Ради нас, ради родины, но не ради скорби.

— Понимаю. Но к чему это ты?

— Я сейчас даже встать не могу нормально. В общем, просьба у меня к тебе. — Я уже увереннее приподнялся на локтях. — Пока я не оклемаюсь, можешь отряд в тонусе держать? Для них это ещё большая потеря, чем для меня, они ведь, считай, дети. Нельзя их вот так, с этими мыслями оставлять.

— Да не вопрос! Меня даже учили этому, как его... Поддержанию психологического здоровья личного состава в случае потерь. — Он ближе пододвинулся ко мне. — Сань, ты не переживай, всё ровно будет. Лежи, отдыхай, ребята не пропадут. Им, кстати, лейтёха твой уже начал политинформацию зачитывать.

— Серьёзно? Ваня? — Я с сомнением поднял бровь.

— Ну да. Не политрук заправский, конечно, но заливает тоже неплохо. В общем, парень головастый, у тебя таких он, да Лаврентий. Только второй больше теоретик, а первый практик. Но вдвоём они тебе там такой боевой дух строят! — Максим на эмоциях даже перешёл на активную жестикуляцию, стараясь меня убедить.

— Да ладно? Вот уж не думал. — Я задумчиво отвёл взгляд. — Ну, тогда ладно. — Всё же улыбнулся я. — А где наш французский друг с его чертежами?

— А, этот. — Максим раздражённо дёрнул щекой. — Оспаривать наше право на пленника никто не стал, но честно говоря, я б его на месте пристрелил.

— Чего так? — Хохотнул я. В грудь кольнула острая боль. Я стиснул зубы и прикрыл глаза.

— Да истеричка, честно говоря, ещё та. Генрих по началу переводил его бред про варварское обхождение русских дикарей с военнопленными, о том, какое отношение он имеет к французской короне и бла-бла-бла... В общем, теперь он катается исключительно в отдельной повозке вместе с фуражом для лошадей.

— Это ты ещё по-божески с ним, — Заметил я. — А что с бумагами?

— А вот чертежи его, возможно, чего-то даже стоят. — Максим порывлся в рядом

стоящем сундуке и выудил оттуда знакомые мне желтоватые свёртки. — Мужик явно шарит в механике и что-то понимает в физике. Я, конечно, не спец в этом, но механизмы наверняка рабочие.

— Бинго... — Прошептал я. — Кадры решают всё.

— Этого чудо-инженера доставить к тебе? — Спросил Макс, передавая мне бумаги одну за одной.

— Нет, спасибо, — Отмахнулся я, погружаясь в подробное изучение изложенного на одном из чертежей. Я, как и Максим, не особо в этом разбираюсь, однако с уверенностью могу сказать, что технологии, которые изобразил Жак Бернард, хоть и не являются чем-то из ряда вон выходящим, однако определённо способны многое изменить в этом мире. На самом большом листе множество шестерёнок, пружин и прочих, не знакомых мне деталей объединялись в сложное и, без сомнения величественное и дорогое устройство. Совершенно точно утверждать, для чего оно нужно, я, наверное, не решусь, но наверняка эта вундервафля проектировалась как нечто, способное по максимуму использовать человеческую силу. Какой-то станок или... Сложно сказать. На чертеже проглядывались блоки, рычаги, противовесы, способные приумножить усилия человека при грамотном использовании. Но реализация подобного агрегата даже в одном экземпляре мне влетит в неприятную копеечку. Хотя денег у меня теперь, совершенно точно, более чем достаточно. Нет, я совершенно точно знаю, что реализую эту задумку во что бы то ни стало.

— Кстати, скорость наша раза в два выше той, что была, когда мы шли со всей армией, — Констатировал Макс. — Так что, я думаю, через неделю уже в Новгороде будем. — Он собирался уходить, но в последний момент обернулся. — Кстати, а сколько там сейчас населения? Тысяч пятьдесят?

— Да не, думаю поменьше. — Пожал я плечами.

— Тьфу ты! Чуть больше моего родного пгт получается. — Смешно проворчал он. — А, чуть не забыл. Люди говорили, что тебе там вроде даже что-то лично от царя перепало.

— Да ладно? — В который раз встрепенулся я. — Что?

— Да я сам без понятия. — Разочарованно вздохнул Макс. — Что-то про дарственную говорили, но пока без конкретики.

— Подождём, — Обнадёжил я друга. — тут такие вещи обычно на бумаге излагают. — Макс кивнул и, улыбнувшись, прыгнул с кормы повозки. А дарственная — это хорошо. Я даже прикрыл глаза, представляя, на что мог расщедриться сам царь. И кстати, почему это он царь? Разве до Грозного в России были не великие князья? Хотя, это ведь не тот мир, что я знал... Эх, жаль я его в живую не увидел! Но, с другой стороны, домой тоже уж очень хочется. Всё, хватит с меня, навоевался!

Ещё восемь дней я пролежал на одном единственном месте, медленно и планомерно восстанавливаясь и набираясь сил. В Гатчине мы надолго не задержались и, забрав с собой плотника Тихона со всем его небольшим скрабом, вскоре вновь направились на юг. За это время мне довелось услышать много чего интересного. Разговоры в основном велись позитивные, а в последние дни я даже невольно стал слушателем импровизированного концерта, главным лицом которого стал, разумеется Максим. Навык его обращения с подобием гитары оставлял желать лучшего, но пару блатных-дворовых песенок, сыгранных с чуть ли не регулярными ошибками, режущими мой, пусть и непрофессиональный, но всё же что-то, да стоящий слух, с лихвой утолили невеликую культурную жажду гвардейцев.

Каждый из ребят посчитал своим долгом как минимум один раз в день навещать меня, а

Ваня с Лаврентием и вовсе делали это на каждом привале. Конечно, такая забота, безусловно, приятна, но уж больно утомительна. От части из-за этого я старался как можно быстрее встать на ноги или хотя бы сесть в седло.

К слову, называть Лаврентия как-то по-другому, то есть не полным именем, я, хоть убей, не могу. Вот как вспомню его пронзительный и чуткий взгляд, эту холодность и краткость слов, сухой расчёт, абсолютно не свойственный его возрасту, так сразу хочется не то что по полному имени его назвать, а то и вовсе: Лаврентий Павлович. Или вообще: товарищ Берия. Я, конечно, лично с этим наркомом внутренних дел не знаком, но начитался в своё время о нём достаточно. Но за столь острый ум парень был обделён природой всякого мужественного телосложения. Нет, конечно, компенсировал силу умом он с лихвой, однако воин из него получится едва ли.

И вот, спустя неделю и один день я впервые, подобно медведю весной, вышел из своей берлоги. Слегка пошатываясь, прихрамывая на одну ногу, подошёл к парусиновому навесу и отодвинул его рукой. Слепляющий луч солнца ударил мне в лицо. Однако тепла я не почувствовал. Вместо этого по телу прошёлся пронизывающий холодок. М-да, зима, как говорится, близко. И куда царь попёрся с целой армией? Знает же, какой в это время климат в этих широтах.

Я присел на корму повозки, свесив вниз затёкшие ноги. Мои ступни совсем немного не доставали до пыльной земли. Хоть и холодно уже, но всё равно хорошо. Красиво, птицы поют, желтеющие деревья медленно проплывают мимо. Вот. Вот за что мы сражались. За эту землю, ставшую мне вначале временным пристанищем, а после и домом. Говорят, что Родина — место, где родился человек. Я тоже так считал, когда жил в будущем. Всё ведь, казалось бы, очевидно, что тут ещё гадать? Но сейчас я понимаю, что Родина может и не быть одной единственной на всю жизнь. Особенно когда обстоятельства меняются с такой пугающей быстротой, как у меня.

Наконец конвой остановился на привал. Послышались привычные, но от того не менее чёткие и звонкие команды, распоряжения и указания Ивана. Немногочисленный отряд охватила бытовая суета. Когда я впервые за столько дней ступил на твёрдую землю и вздохнул полной грудью, сразу как-то стало легко. Не сразу конечно, вначале меня чуток пошатало от переизбытка кислорода. Но в общем и целом я ощутил, как писал классик: «Бодрость духа, грацию и пластику». Я сделал ещё пару шагов в сторону. Как удачно — вдаль чуть виднелись кривые улочки посада и светлая стена Новгородской крепости. Дом, мать его, милый дом! А хотя дом ли? А, к чёрту всю логику! Сейчас мне хотелось лишь издать пронзительный клич и на своих двоих рвануть к давшему мне кров городу.

Однако долго стоять, глупо улыбаясь горизонту, я не смог. Неожиданно две пары рук, одни явно сильнее других, с двух сторон подхватили меня и с явным перевесом в одну из сторон, попытались удержать, хотя я, вроде как, падать вовсе не собирался.

— Тише, тише, командир! — Взволнованно затараторил с несколько приятным акцентом Мурат. Русский он знал неплохо, однако от определённых звуков, присущих татарским наречиям, избавиться не мог. Впрочем, меня это не то чтобы беспокоило. Всё же отменный всадник, ему простительно.

— Ты как? Всё хорошо?! — Абсолютно неумело, но всё так же волнительно ощупал меня Бьёрн, то ли стараясь понять, куда меня клонит, то ли просто судорожно выискивая раны, которых и не было. Скандинав не отличался манерами, но когда дело доходило до драки или, как это должны называть гвардейцы, до спаринга, ему равных нет. Да и верности ему не

занимать. Он всегда смотрел мне в рот, даже когда я молчал, команды все сначала выполнял, а только потом думал. Причём это относилось только ко мне — приказы Ивана или своего покойного сержанта он не раз грозился обжаловать до выполнения. Впрочем, никаких угроз он не посылал и в душе был парнем хоть и глуповатым, но добрым. Вообще не понятно, как два столь разных человека и воина, как Бьёрн и Мурат, могли так сдружиться. Наверное, лучшей связи между двумя гвардейцами нет ни у кого. Сейчас нет. Фёдор и Елисей могли бы оспорить их титул лучшей пары и регулярно это делали. Раньше. Так было раньше.

— Спокойно, ребята, всё хорошо! — Выдавил из себя я. — По-крайней мере во мне врагов нет, можете не пытаться их выдавить. — Друзья опомнились и синхронно отцепились от меня. Оба виновато потупили взгляд. — Благодарю за заботу! — Встал смиренно я, напоминая им, что они в первую очередь солдаты и только потом — дети.

— Служим Отечеству! — Рывкнули оба, хотя Бьёрн с громкостью явно перестарался. С другой стороны колонны стали выглядывать другие бойцы и, завидев меня, с радостными криками бросились в мою сторону. Вот вроде виделись со всеми только вчера, а такая реакция на то, что я закономерно встал на ноги.

Успокоив и порадовав всех обеспокоенных моим состоянием бойцов, я вместе со всеми направился к наскоро разбитому лагерю. Бьёрн и Мурат, вспомнив, что встретив меня, выполнили хворост, за которым их, вообще-то, и отправили, вдруг ретировались. Так же я среди встречающих не наблюдал Елисея. По словам Макса, бедняга лишился ноги то, что его сейчас нигде не видно вполне понятно.

Однако когда мы всё же подошли к костру с висящим над ним чаном для общего обеда, я заметил и сержанта. Последнего живого сержанта на данный момент. Обязанности павшего смертью храбрых Фёдора временно взял на себя Максим. Никто возражать не стал.

Некогда неунывающий Елисей сейчас с серьёзным лицом сидел на старом пне с арбалетом в руках. Рядом с ним торчала напоминавшая по форме костыль палка. Небольшой сук, отходящий от неё наверняка удобно лежит в руке. Левая нога бравого сержанта, чуть больше недели назад самоотверженно бросившегося в нервный бой с превосходящим и, вполне возможно, чем-то обкуренным противником, заканчивалась в районе колена. Болевой порог у тех бугаев явно был занижен, а перед атакой, как мне недавно донёс наблюдательный Лаврентий, их строй окутался лёгким дымком.

Когда я подошёл уже почти в упор, Елисей наконец заметил меня и рванулся было к трости, чтобы встать.

— Сиди, сержант, — опередил его я, так же взявшись за самодельный костыль. — Как ты вообще? — Неожиданно для себя задал я столь глупый, но, как мне показалось, очень важный вопрос.

— Я... — Сержант сначала хотел было что-то ответить, но вдруг замаялся и опустил взгляд. — Я уже не воин, — Совсем по-детски шмыгнул носом он.

— Может быть, в бою ты уже не годишься. — Не стал врать я. — Но от этого ты не менее полезен!

— Это как? — Елисей поднял полный наивного интереса взгляд.

— Поверь, ты мне будешь очень полезен. И мне, и остальным гвардейцам.

— Но... — Сержант, вероятно, хотел спросить что-то ещё, но вовремя вспомнил, кто он есть. — Так точно!

— Практикуешься в стрельбе? — Указал я на взведённый арбалет в руках Елисея.

— А, это, — Он резким движением вскинул оружие и через секунду послал болт,

казалось бы, в никуда. Но это мне так показалось. На самом же деле метрах в десяти дальше, на ветке, прислонившись к сосне, стояла маленькая, почти незаметная тарелочка. Болт пробил её на вылет и на излёте вонзился в дерево. — Тонковаты у свеев тарелки, — Хмыкнул он. — Хоть и из металла, а не чета нашим. — В три ловких движения сержант снова привёл своё оружие в боевую готовность. Момент. И в уже поражённой мишени появилось новое отверстие. Я в ответ на такое мастерство лишь поаплодировал в совершенстве освоившему оружие, не побоюсь этого слова, мастеру.

— Bravo! И часто ты вот так вот, тренируешься?

— На каждом привале десять выстрелов и не меньше. — Чётко отрапортовал он. Что ж, похоже, у меня появился первоклассный инструктор по стрелковой подготовке для новобранцев.

— Молодец, Елисей, хвалю! Да не дёргайся ты, у тебя теперь в гвардии особое положение! — Я протянул экс-сержанту его костыль. — Пойдём, нас ждут великие дела! — Произнёс я. «Но для начала — сытный обед и банька по-белому» — Добавил я уже про себя.

Глава 2. «С корабля на бал»

Глубокий вдох. Потом такой же глубокий выдох. Так, сейчас главное никого не прибить ненароком. Я ещё раз набрал воздуха в грудь и прикрыл глаза.

— А это что, нахрен, такое?! — С каждым словом голос мой повышался, а на последнем слоге и вовсе сорвался на крик. Ну надо же — оставил трёх, аж целых трёх женщин на хозяйство. Меньше, чем на месяц. А я ещё сначала думаю: мой ли это вообще двор? И какого дьявола всё поле для тренингов заросло по колёно? — Я вас спрашиваю, хозяйки вы, мля, недоделанные! — В сторону зарослей полетело пустое ведро, запущенное мною на манер футбольного мяча. Желтоватая листва покорно приняла снаряд, так, что тот даже не коснулся земли.

— Так как же, барин... — Все трое испуганно залепетали что-то нечленораздельное.

— Так тихо! — Рывкнул я. — Ты, — Я указал на старшую из троицы, повидавшую женщину лет сорока. — Говори.

— Так ведь озимые посадили, командир. — Женщина переняла у гвардейцев обращения ко мне. В принципе, я не против того, чтобы все подчинённые обращались ко мне так. Есть в этом милитаризме что-то... Так, стоп! Озимые?!

— Не понял. — Уже спокойно констатировал я. — Это как это?

— Ну так вот же: горох, рожь, ячмень, репа. — Женщина виновато улыбнулась и опустила взгляд. М-да, такого я точно не ожидал. И ведь указаний никаких я не давал. Да и вообще как-то не удосужился узнать, сажают ли сейчас вообще в этих широтах что-то под зиму. А оказалось вон какой спектр посадок большой.

— Ну, значит так. — Я прошёлся до поля и обратно быстрым шагом. — То, что вы без указа это всё высадили — плохо. — Вся троица сжалась ещё сильнее. — Но вот то, что вы инициативу проявили — это хорошо. Конечно, всех ртов наш огородик при всём желании не прокормит, но всё же спасибо. — Хозяйки, не веря в свою удачу, даже не сразу поняли, что хвалебные слова высказаны им. А когда поняли, то чуть мне в ноги не бросились. Нет, мне такая покорность, конечно, безумно льстит, но всё же я никогда не был поклонником крепостной зависимости и рабства в целом. А потому не позволил столь находчивым дамам унижаться. — Значит так. Каждой из вас, за верную службу, положена награда. Макс, — Обратился я к своему первому помощнику и, так уж вышло, заведующему всем тем барахлом, что мы везли с собой. Хотя, по правде говоря, самой разной наличности там также было не мало. — Каждой по два рубля лично в руки отсчитай. — От такой щедрости у всех троих даже дар речи вдруг пропал. И хотя я уже не раз убедился, что ценность денег в этой реальности значительно ниже, чем в оригинальной, два рубля здесь продолжали оставаться довольно большими деньгами. — А и ещё вот что: потратить ваши деньги вы можете прямо сейчас, покупая у меня трофеи с похода. А можете и не тратить, это ваше право. — На последнем слове я сделал отдельный акцент, закрепляя его в свой постоянный обиход.

Однако, предложение всех троих явно заинтересовало и уже через десять минут одну шестую часть выданных денег девушки мне «вернули», выкупив у меня по цене, специально заниженной, разного рода бытовых товары. Металлические тарелки, коих после тренировок Елисея стало лишь не на много меньше, кастрюли, ножи, которые до них прежние владельцы использовали не только и не столько на кухне. В общем, по-тихоньку приносил я в их жизнь немного автономии. Ну и возвращал назад свою наличность, конечно.

После решения всех организационных вопросов, я вдруг вспомнил про посаженный мною картофельный куст. Та самая корзина с лучшей, как мне показалось, землёй в округе всё так же стояла на том же самом месте. За месяц нашего отсутствия куст вырос чуть ли не до метровой высоты, а на верхушке распустились маленькие цветочки. Думаю, ещё пару недель можно подождать, а потом уже собрать первый в этом мире картофельный урожай. Ну, может, не в мире, но в стране уж точно.

Теперь осталось понять, куда скинуть всё то барахло, что тянулось за нами доброй дюжиной перегруженных повозок и с десятками лошадей. Если оружие и одежда до последнего клинка и последней рубахи шло на склад, где аккуратно ложилось дожидаться своего часа, то вот что делать с остальными, безусловно, ценными вещами, я пока не представлял. Продать бы всё это, по-хорошему. Вот только как бы у лавочников наличность не закончилась, ведь для торговли от этого может настать непродолжительный, но неприятный застой. А вот если скинуть всё какому-нибудь крупному скупщику... Ну конечно! Как я мог забыть про этого старого еврея Мстислава! И хоть на самом деле знатный Новгородский купец был вовсе не старым и уж тем более не евреем, но описание это ему подходило как нельзя кстати.

Не знаю, может ли человек вдруг скончаться от чрезмерно округлившихся глаз, но после того, как мне явилось выражение лица моего торгового друга, я всерьёз стал беспокоиться о его здоровье.

— Ну, Саша... Ну ты... — Мстислав робким шёпотом причитал мне, не сводя глаз со всё нарастающей кучи, которая уже битый час увеличивается возле его дома. На здоровенном участке купца было место и под просторный склад, но сейчас даже я стал сомневаться в том, что он сдюжит и вместит в себя всю эту всячину, которую бросило отступающее шведское войско. Как ни странно, везли они с собой не только военные, но и целую массу гражданских товаров. Наверняка, когда-то все эти вещи принадлежали немногочисленным поселениям и острогам, через которое прошло войско короля Олафа. Они ведь только людей старались жалеть. А вот про имущество этого самого местного населения разговора не было. Впрочем, чья вся эта куча была изначально, меня не сильно волновало. Как же я скучал по этому прекрасному чувству приближающейся выгодной сделки! Эх, это ж сколько у меня появится лишних средств! Да я теперь в этом вашем средневековье такое отстрою, такое наизобретаю! От грядущих перспектив даже холодок пробежал по коже.

Учёт привезённого мы совместными усилиями вели до позднего вечера. Генрих удалился, как только осознал все перспективы этой бюрократической работы. Майер человек хоть и не глупый, но, зачастую, предпочитает не думать, если есть такая возможность. Впрочем, предлог для того, чтобы ретироваться, он подобрал козырной. Сказал, что займётся приготовлениями к сегодняшнему празднеству в честь возвращения из похода. И, что интересно, пообещал при формировании гостевых мест «случайно» посадить меня рядом с Анной. Не знаю, как он собирается перекроить традиции в угоду мне, но как только он заговорил о ней, в груди у меня что-то тоскливо кольнуло. Неприятно так, разом заткнув и почувявшего скорое озолочение внутреннего хомяка и неугосающего уже столько дней бойца, в котором до сих пор кипел лихой адреналин.

По итогам подсчётов, которые общими усилиями вели я, Мстислав и Лаврентий получилось, что выручка моя составила... Вот чёрт, много. Очень-очень много. Мстиславу пришлось напрячь, возможно, все свои доступные резервы, чтобы наконец закрыть эту сделку. И это при том, что он напрочь отказался брать лошадей! Однако не стоит считать,

что Мстислав с этой сделки ушёл в минус. Отнюдь! Он всё это барахло в розницу продаст и, возможно, в полтора-два раза больше выручит. Уж чего-чего, а меркантилизма у первого торговца города не занимать. Мне же просто не хотелось возиться с розничной продажей. Да и не факт, что я смог бы сбавить это всё так же выгодно, как это делает Мстислав.

Часов в восемь вечера, когда гвардейцы после относительно нетрудного дня были отправлены на ранний отбой(коему они были несказанно рады), я направился в имение Майеров, на званый ужин. Парадный красный сюртук, безусловно весьма элегантный по местным меркам, не вызывал у меня ничего, кроме чувства жуткого неудобства. А потому я принял, возможно, судьбоносное решение. Впервые за всё времени я достал из дальнего ящика свои синие джинсы. В принципе синий цвет сейчас один из самых редких в мире, а классического красителя, которыми были покрашены мои и, в общем-то, все джинсы моего времени, сейчас не существовало и в помине.

Благодаря этому решению я смог отказаться от злосчастного и неудобного сюртука в пользу полюбившегося мне за время похода коричневого жилета без рукавов в комплекте белоснежной рубашкой. Получилось что-то экстравагантное, но, определённо, приемлемое и, что главное, удобное.

За то время, пока мы с Генрихом были в походе, его мать, оставшаяся за главную, сильно постаралась, дабы привести почти русский помещичий двор в привычное ей поместье на западный манер. Стены главного, барского дома покрылись тёмным лаком, забор, изрядно изменившийся в сторону резного богатства, вырос раза в полтора. Внутри же вовсе царило непривычное убранство. Никогда бы не подумал, что строгого и беспринципного порядка может быть слишком много. Как оказалось — может. Воплотить всё это в жизнь европейке до мозга костей помогла вдвое увеличенная прислуга. Пожалуй, это единственное, за что Генрих, возможно, не высказал ей своё недовольство.

Стоило мне шагнуть за порог, как из хлева, что стоял слева от входа, раздалось сдвоенное утробное рычаний. Я рефлекторно согнул ноги в коленях, готовясь отпрыгнуть в случае опасности и побить все рекорды по прыжкам с места. Однако, оглядевшись, я понял, что никакой видимой угрозы не наблюдается. Однако очень отчётливо слышится. Действительно, за дощатой стеной кто-то очень недружелюбно рычал. Да при том не в одиночку. Когда же рык сменился лаем, на шум из дома выбежали двое холопов, максимально скромно одетых и, размашисто поклонившись мне, рванули в хлев, успокаивать разбушевавшуюся живность. А ведь когда мы уезжали, собак Генрих не держал. Да и вообще он их, как мне известно, терпеть не может. Вслед за холопами в дверном проёме показалась низенькая фигура элегантно одетого мужчины. Ну, по местным меркам, конечно. Уж не знаю, как правильно назвать то, что он на себя надел, но от многочисленных маленьких пёстрых элементов у меня зарябило в глазах. Сам он явно не молод, однако в глазах читается спокойствие и уверенность опытного дворецкого. Впрочем, ему нужно отдать должное, осанку мужик держит дворянскую, вот только что-то я не помню у Майера в слуг благородных кровей.

Спустившись, или правильно сказать «спорхнув» с порога, он, держа левую руку за спиной, а правую согнутую на уровне живота, он, подойдя ко мне, щёлкнул каблуками чёрных туфель и, склонив голову, заговорил на ужасно ломаном русском.

— Моё почтение, сударь. Ви, должно быть, Александр? — Моё имя он произнёс с непередаваемым облегчением, поскольку лишь оно ему было привычно во всём коротком предложении.

— Точно так, — Кивнул я, едва сдержавшись, чтобы не подать руку для рукопожатия.

— Меня звать Густав, милорд. — Он с любопытством просканировал меня цепким взглядом. — Вам очень идти ваш наряд.

— Данке шон, — С улыбкой кивнул я, чем вызвал хорошо скрываемое удивление у дворецкого.

— Прошу следовать за мной. — Немец лихо развернулся на месте, так, что его непривычно длинная русая шевелюра на мгновение поднялась с плеч и столь же грациозно двинулся обратно в дом.

К гостиной, наверняка преобразившейся так же сильно, как и остальное поместье, мы с Густавом проследовали в гнетущей тишине. Благо дом Генриха пока только лишь размерами не напоминал дворец, а потому шли мы не долго.

Планировку дома я помнил прекрасно. Тем не менее, я, пожалуй, легко пропустил бы сильно изменившийся проход с массивной резной дверью, если бы учтивый дворецкий не открыл её передо мной. Внутри эта комната, как ни странно, изменилась не сильно. Посреди большого помещения стоял длинный прямоугольный стол, заставленный не очень разнообразно, но весьма богато. Хозяева ждали лишь меня. Четыре места — два напротив друг друга с меньших сторон прямоугольника и два других, с большей и, что необычно, находящихся рядом.

Генрих и его властолюбивая матушка сидели напротив друг друга, а Анна занимала одно из двух мест с широкой стороны стола. Однако, стоило мне войти в освещаемую множеством ламп комнату, как последовало три абсолютно непохожих друг на друга реакций. Генрих вскочил с места и поспешил ко мне. Как будто мы давно не виделись. Анна сначала подняла на меня прожигающий взгляд и только когда мы встретились глазами, смущённо отвела его. Экс-хозяйка этого дома же лишь холодно бросила на меня взгляд, но вскоре наигранно улыбнулся и почтённо кивнула.

— Саша, ну наконец-то! — Генрих пожал мне руку и хотел уже было проводить за стол. Но я его остановил.

— Ты забыл? — Абсолютно серьёзно спросил я.

— Ах, ну да, куда же без гигиены! — Без доли сарказма ответил он. Мы удалились в соседнюю комнату с умывальником. Само собой, отошли мы не только для того, чтобы помыть руки.

— А неплохой из твоей матушки управленец. — Хохотнул я, когда Генрих закрыл за собой дверь.

— И не говори! — Раздражённо бросил он. — Не для того я покинул фатерлянд, чтобы вновь увидеть знакомые черты здесь, в России.

— Ты говорил с ней об этом?

— Честно говоря, я рассчитывал на твою поддержку в этом разговоре. — Замялся Майер.

— Серьёзно? Я думал, твоя мать меня в счёт не ставит.

— Вообще вроде бы и так, но... — Он прошёлся из одного конца небольшой комнатки в другой. — Она же приверженка старых традиций. Ей много о тебе донесли, а у в Германских землях очень чтят боевые заслуги.

— Но ведь фактически ты — глава рода Майеров, не так ли? — Задал я резонный вопрос.

— Да, это так. И вообще-то я могу просто приказать ей. Но ты знаешь, Саша... — Он

опечаленно опустил взгляд. — Мы не виделись много лет, с тех пор, как я переехал в Новгород. А теперь семья наконец воссоединилась. Я просто не хочу портить с ней отношения.

— Понимаю. — Я положил руку на плечо друга. — Не волнуйся, я тебя поддержу.

Мы с Генрихом вернулись в гостинную как раз вовремя. Трое слуг разносили основные блюда, когда все наконец заняли свои места. Генрих напротив матери, а я — рядом с Анной. Хоть та и не смотрела на меня, я даже через пол метра чувствовал её глубокое прерывистое дыхание.

— Александр, не желаете рассказать побольше о последнем походе? — Прервала тишину мать семейства вопросом на немецком. Я скосился на Генриха. Тот недовольно дёрнул бровью, но всё же кивнул мне.

— Мне самому не терпится поведать вам об этом. — Осторожно начал я, вспоминая подзабытый язык. — Но, боюсь, нам придётся говорить на русском.

— Почему же? — Абсолютно спокойно возразила она. — Насколько мне известно, за этим столом все прекрасно владеют германским наречием.

— Позвольте поинтересоваться, госпожа Майер. Как ваши успехи в изучении русского языка? — Вопрос поставил женщину в ступор.

— Я... — Она собралась с мыслями. — Я пока что решила не утруждать себя. Тем более, что не так давно мне удалось нанять на службу великолепного дворецкого, который неплохо владеет местным языком.

— А, вы про Густава? — Усмехнулся я.

— Этому германцу не место в русском поместье, мама. — Сдерживая порыв ярости, процедил Генрих.

— Густав в разные времена прислуживал при дворах Французских, Голландских и Итальянских вельмож. А к нам он добрался напрямик из Испании. — Приверженка старины начала закипать.

— Раз он так востребован в Европе, что он забыл здесь? — Поймал я женщину на логической ошибке. — Ведь вы считаете нас, русских, недостойными европейского внимания. — Оponentка сжала губы, не зная, что ответить. Я же решил, что на сегодня хватит с меня немецкого. — Анна, а как твои успехи в изучении русского языка? — Девушка испуганно зыркнула на меня, но, поняв, о чем я спросил, довольно быстро сформулировала мысль.

— Густав говорит, я делаю успехи. — Коротко прожурчала она. После гавкающей мамаша, речь Анны звучала на редкость нежно.

— Густав учит тебя русскому? — Я решил продолжить диалог.

— Да. Меня и Ганса. Но он не очень хорошо стараться. — Она смущённо опустила взгляд.

— Старается. Правильно сказать: «он не очень хорошо старается.» — Я добродушно улыбнулся девушке, чем вызвал у неё очередной приступ смущения.

— А эти псы? Мам, ну скажи, зачем было тратить деньги на двух грейхаундов? — Всё не унимался Генрих.

— Каждый уважающий себя дворянин ходит на охоту. — Пожала плечами она.

— В России не обязательно иметь псов, чтобы успешно охотиться. Наши леса просто кишат дичью. — Я продолжал говорить на русском. Мать Генриха предсказуемо не поняла ни слова. Впрочем, дворецкий оказался парнем смышлёным и тут же выступил в роли

переводчика. — Однако, на сколько мне известно, грейхаунды собаки не только дорогие, но и весьма сильные. Они способны обогнать лошадь с наездником, но дольше, чем пол минуты они эту скорость не продержат.

— Я слышала, их выпускают в охоте на зайца. — Вставила свои пять копеек Анна, чем немало меня удивила.

Так, за активными разговорами и редкими спорами то на русском, то на немецком и прошёл званый ужин. Когда же я собрался уходить, Анна предложила проводить меня до порога. Я не смог ей отказать. Правда, порог как-то незаметно растянулся до моего дома, а потом и обратно. Причём обратно мы шли как заправская средневековая пара, ведь я не постеснялся предложить даме руку. Пока без сердца, но за мной, наверное, не заржавеет. Мы говорили обо всём. И на русском и на немецком. Хотя на русском всё же больше, так настояла сама Анна. А ещё она очень просила исправлять её, если она допустит ошибку. Ошибалась она не часто или это я просто забывался, слушая её журчащую речь.

— А сколько человек тебе пришлось убить? — Выдернула она меня из размышлений. Вот так вопрос.

— Ну... Я даже не помню. — И дело было вовсе не в том, что мне было трудно сложить четырнадцать засечек на арбалете и пять на сабле. Дело было скорее в неожиданности вопроса и в том, что убивать мне приходилось не только установив с противником визуальный контакт. Ведь когда мы применили газ, я тоже записал на счёт своей кармы не один десяток жизней. И когда я отдал приказ взорвать высоту со шведскими артиллеристами. А можно ли это считать за личные убийства? И вообще, не признак ли это сумасшествия, считать убитых тобой людей? — Ты знаешь, я как-то не считал их.

— Понятно. — Она замолчала и явно о чём-то задумалась. — Знаешь, — Она сделала длинную паузу. — Отец рассказывал, что его отец, ну, то есть мой дед, тоже был воином.

— Да ну? — Я старался сохранять самообладание, а сам в уме производил несложные вычисления, которые вовсе не добавляли мне оптимизма.

— Да. Говорит, это была величайшая война его страны. Но они проиграли. Я уже не помню кому, он говорил про каких-то красных и янки... Это, наверное, раньше такие народы были. Хотя я изучала старые книги. Не церковные, а другие. Так вот, там про них ничего не было.

— Так, а что дальше с дедом было? — Мне нетерпелось узнать хоть что-то о судьбе одного из пощаданцев.

— Он сбежал на маленьком корабле. Далеко. За много морей. — Анна мечтательно посмотрела в даль. — А потом его сын, то есть мой отец, вернулся обратно в свою страну. Он говорит, что был священником. Это странно, ведь хоть он и знал много, но вот читал плохо и обрядов католических почти не знал. От деда только крест странный остался. Большой, чёрный. И не христианский. Там распятия не было и все четыре стороны равные были, но к концам расширялись. — Во рту резко пересохло от описания Анной одной из известнейших наград тёмного прошлого Германии моей истории.

— А что с отцом было, когда он вернулся на родину?

— Он об этом не много рассказывал. — Анна глубоко вздохнула. — Просто однажды он решил отправиться в далёкое путешествие, приехал в Берлин и встретил маму. Так и остался там жить, а после и в Кёльн переехал. Уже вместе с мамой.

Пока Анна рассказывала, а я с нескрываемым интересом слушал, мы уже подошли обратно к дому Майеров. Вновь залаяли охотничьи псы. Вновь засуетилась во дворе

прислуга. Мы с Анной не сговариваясь взяли за руки. Я сделал шаг к ней на встречу. Так, что между нами осталось совсем немного места.

— Ну, до встречи? — Улыбнулся я.

— Надеюсь, до скорой встречи. — Прошептала она.

Будь я в веке двадцать первом, дальнейшее развитие событий было бы весьма предсказуемым. Но я давно усвоил, что нравы в этом времени далеки от мне привычных. А потому я решил не рисковать и, слегка наклонившись, лишь поцеловал руку своей спутнице. Лучше не заниматься прогрессорством там, где не следует, ведь репутация для меня сейчас — всё. Анна скромно улыбнулась и, буркнув смущённое «спасибо за вечер» или что-то вроде того, удалилась за высокий забор. И что это было?

Глава 3. «Дворянин»

— Ставки сделаны, господа! Ставок больше нет! — Я с трудом перекрывал бескрайнюю очередь людей самого разного уровня обеспечения. — Прошу всех занять свои места, матч скоро начнётся! — Рядом могли стоять как сотник и богатый купец, имеющие возможность поставить пол кило серебра, так и последний оборванец, желающий из копейки сделать две. Причём никто не возмущался подобному равенству, не требовал пустить вперёд сначала самых зажиточных ставочников. Вообще, конечно, по уму нужно дать возможность сначала сделать самые большие ставки. Но ведь это лишний организационный труд, а народ, знаете ли, очень быстро стынет.

Места на трибунах сегодня улетали по три копейки за «билет». И хотя цена эта откровенно красная, она позволила без проблем заполнить трёхъярусные скамейки четырьмя сотнями фанатов новомодного ногомяча. Остальным желающим, которых оказалось раза в два больше тех, кто сидит на трибунах, пришлось смотреть матч через забор. Впрочем, интереса к матчу у них этот факт отнюдь не убавил.

Как таковых билетов, конечно, не существовало. Просто на трибуны был лишь один вход, он же и выход, в который пропускали лишь за плату. Выпускали, к сожалению, бесплатно, но иначе всё мероприятие превратилось бы в исключительно единоразовую акцию с непредсказуемыми последствиями.

Я расслаблено откинулся на своё место рядом с Генрихом и Мстиславом. Те тоже изрядно вымотались, хотя ставки делались лишь пятнадцать минут. Сегодняшний матч носил характер исторического. Впервые официально встречались две независимые команды. И пусть та ребятня, что сегодня встала против гвардейцев, попала сюда лишь благодаря мне. Это не важно. Играют то они за себя. Хотя и за участие им заплатил я. Полновесный рубль вызвал немалый восторг у пацанов, когда я озвучил им их гонорар. Ещё больше они удивились, когда я сказал, что за победу они получают столько же. Какая мне разница? Я всё равно в плюсе при любом раскладе.

— Что там по деньгам? — Спросил я у Мстислава. Тот заканчивал пересчёт последней кучки монет.

— Тридцать три рубля и сорок одна копейка. — Задумчиво пробубнил он. Неплохо, учитывая, что коэффициенты для начала я выставил скромные, лишь с небольшим перевесом в сторону гвардейцев. Плюс будет и второй этап ставок в перыве между таймами. И там я уже по новой запущу поток желающих, подняв предварительно множитель выигрыша исходя из итогов первой половины матча. Кстати, сами игроки так же не постеснялись сделать ставки. Конечно, речь идёт о гвардейцах, получивших на днях своё жалование за последний месяц.

Итак, звучит свисток, мало похожий на оригинальный футбольный и матч начинается. Используя недавно полученные средства и кадры я наконец смог добиться выделки мало-мальски стоящего футбольного мяча. Точнее говоря, мяча для игры в ногомяч. Хотя, конечно, звучит не так пафосно, как первый вариант. Но мы смогли накачать мяч воздухом! Да, без насоса и иглы этот процесс стал тем ещё удовольствием. Всё приходилось делать в ручную, а к разработке были привлечены все мои специалисты. И француз Жак, вначале долго непонимающий, что от него хотят, и плотник Тихон, которому хоть и пришлось размышлять над вовсе непрофильной задачей, смог таки направить ход общих мыслей в

нужное русло.

Так или иначе, но с появлением нормального мяча игра преобразилась. Ребяшня, ранее гонявшая набитые тряпьем кожаные шары сначала с непривычки била по мячу очень сильно, но вскоре они адаптировались и началась настоящая спортивная мясорубка. Арбитром матча уж очень хотел стать Максим и я ему эту возможность дал. Конечно, для начала пришлось объяснить и пацанам и большинству зрителей, что ногомеч — это вам не кулачные бои и играть нужно чисто. Люди сначала непонимающе ворчали, но суть, вроде как, уловили.

Вот уже три минуты то одна, то другая команда перехватывает владение, но до удара дело всё никак не доходит.

— Я слышал, вы с Анной неплохо общаетесь. — Оторвал меня от просмотра игры Генрих.

— Ну да, а что? — Я решил не подавать виду и ответил максимально сдержанно.

— Да нет, я даже вроде как рад. — На последнем слове уличная команда пропихнула непокорный снаряд сначала в штрафную площадь гвардейцев, а после и в сами ворота. Трибуны взвыли то ли от восторга, то ли от досады. А может и от всего разом.

— Рад? — Переспросил я.

— Да. — Генрих ухмыльнулся. — Как бы мне не нравилась эта земля, здесь не так много действительно подходящих мужей, достойных её.

— И ты считаешь меня таковым? — Мои последние слова растаяли в свистке к возобновлению игры. Генрих молчал, наверное, ещё пол минуты. Непонятно, думает он над ответом или просто пристально следит за игрой. Ведь атака Гвардейцев и правда выглядит перспективно. Массивный бьёрн корпусом оттесняет долговязого паренька и посылает мяч от всей души на другой конец поля, где его лихо обрабатывает Мурат. Татарин идёт в дриблинг, хотя слова такого он точно не знает. Перед ним встаёт низкорослый паренёк, автор первого гола и, вроде как, заводила команды. Привыкший к уличным стычкам, пацан грубо срубает Мурата, когда тот уже почти обошёл его, предварительно умело качнув в сторону. Всё бы ничего, но фол пришёлся очевидно в штрафной площади. Звучит свисток и трибуны в непонимании замолкают. В правилах, которые и сейчас висят на входе стадиона, прописаны и моменты нарушений и наказания за них. Вот только люди явно подзабыли про столь, как им показалось, незначительную вещь. Макс же невозмутимо подбежал к пареньку и, вынув из кармана маленький кусок жёлтой материи, поднял над головой. Трибуны зашуршали. Похоже, мало кто понимал смысл происходящего.

Я схватил рупор и, встав с места, пояснил непонятный момент.

— Игрок команды отроков получает жёлтую карточку — предупреждение за грубое нарушение правил. За следующее нарушение этот игрок покинет поле и не сможет более выйти на него сегодня. — Мгновение тишины. И толпа начала обсуждать что-то с новой силой. — Так как нарушение игрок совершил внутри своей штрафной площади, — Максим догадался показать всем, где эти самые границы штрафной находятся, — В ворота команды отроков назначается пенальти. — Твою ж мать, теперь ещё про пенальти объяснять. Благо Макс уже стал и объяснять и отодвигать лишних игроков с линии мяча. Вратарь отроков тоже хотел было уйти, но Макс его придержал, объяснив суть происходящего. Надо было видеть лицо бедного голкипера.

— Да, Саша, я думаю ты более чем достоин. — Сказал Майер, когда всеобщий гомон наконец стих. — Анна, разумеется, не останется старой девой в любом случае. Но я бы предпочёл видеть на месте её мужа тебя. — Надо же, в ответственные моменты Генрих

напрочь перенимает мой лексикон.

— Но ты же понимаешь, что это не решается очень быстро. — Постарался всё же временно соскочить с темы я. — В этот момент потерпевший Мурат уверенно реализовал свой шанс. Счёт стал один: один.

— Конечно, — Кивнул Майер, когда шум после забитого гола утих.

Вплоть до конца первого тайма ничего особенного не происходило, однако уже под самый конец, когда Максим собирался давать свисток на перерыв, отроки начали опасную атаку. Капитан их команды, висевший на жёлтой карточке, получил мяч и рванул было к воротам, как путь ему преградил Иван. Паренёк попытался пропихнуть мяч и уйти от лейтенанта на скорости, но тот кончиком носка дотянулся до мяча и удачно завладел им. Разъярённый отрок кинулся в отбор и опрометчиво стал прессинговать Ваню. Тот в очередной раз убедил меня в своём потенциально офицерском уме, когда, подгадав момент, сделал встречное движение к отроку и тем самым спровоцировал столкновение. Мяч достался пацану только после свистка Максима. Арбитр вынул из кармана уже красную материю и всё всем стало понятно. И удалённому игроку тоже. Заводила понуро побрёл к скамейке, где ему и предстояло сидеть до конца игры.

И вновь рутина, волнами приносящая нам ещё больше денег. Ведь коэффициент на команду, играющую в меньшинстве значительно выше чем на оставшуюся в полном составе. И люди клюнули. Взвинченный в несколько раз множитель выигрыша вскружил головы даже самым скупым скрягам и те протянули мне свои монеты. Эх, бедолаги. Впрочем, дело это добровольное, никто никого не заставляет и уж тем более не обманывает.

Не нужно быть экстрасенсом, чтобы понять, насколько малы были шансы новичков на победу или хотя бы ничью. Правда, последняя в принципе не предусматривалась и в случае равного результата игра продолжилась бы до первого гола, а в крайнем случае ввели бы серию пенальти. Народ примет, я уверен. Однако, подобные меры не потребовались. Во втором тайме гвардейцы без труда дважды поразили ворота шпаны, от чего та последние минуты матча находилась мягко говоря в ауте.

— Пятьдесят девять рублей сорок четыре копейки, — Подвёл я итог сегодняшнего дня.

— Солидно, — В привычной для себя манере потёр руки Мстислав. Я не скупясь отсчитал по пятнадцать рублей обоими моим соратникам по непростому делу.

— Ваша доля. — Подвинул я к ним здоровенные мешочки, с трудом выдерживающие вес серебра.

— Когда повторим? — Мечтательно спросил Мстислав.

— Думаю, не скоро. Народ сегодня неслабо обеднел, да и у меня ещё немало дел.

— Добро. — Кивнул купец и, трепетно забрав свои деньги, пожав нам руки, удалился. Генрих, бросив на меня многозначительный взгляд, вскоре так же последовал к выходу.

Тут к нам передо мной, как из под земли появилась вся команда шпаны, с треском проигравшей сегодня гвардейцам. Нам были неизвестны их намерения, а потому бойцы оперативно обступили меня, готовясь отразить нападение.

— Чего вам, ребят? — Задал наконец я вопрос.

— Ну мы это, — Капитан шмыгнул носом. — Спросить хотели, барин.

— Ну так спрашайте, — Пожал плечами я. Гвардейцы отпрянули, но всё ещё находились на низком старте.

— А можно мы сюда играть приходите будем? — После вопроса вдруг повисла звенящая тишина.

— Да какие проблемы, конечно приходите! — Парни заулыбались. — А вы знаете что? А хотите, я вас найму?

— Чего это? — После недолгих раздумий спросил капитан, почесав затылок. — Ежели рабочие нужны, то тебе, барин, в немецкую артель лучше. Какой с нас, отроков, толк будет?

— Вы не поняли. Я хочу нанять вас, как игроков. Сейчас в Новгороде лучше вас играют только мои парни, а они мне и в других местах нужны. Так что я вам предлагаю вот что: я вас кормлю ежедневно в обед, в неделю плачу рубль на команду, а вы играете и тренируетесь под моим началом.

— Тре-ни-руемся? — Переспросил он, выразив непонимание всей команды.

— Ну, то есть упражняйтесь. — Постарался объяснить я. Парни переглянулись, как бы мысленно совещаясь и через пол минуты каждый член команды незаметно кивнул лидеру. А не слабые у них коммуникации!

— Мы согласны. — Утвердительно кивнул автор единственного забитого его командой сегодня гола.

Я в сопровождении гвардейцев вышел со стадиона последним. Нести такую внушительную сумму невероятно рискованно, а потому я решил перестраховаться. Хотя не принято богатым людям здесь ходить пешком, но уж очень смехотворным было расстояние от рынка, близ которого мы и отстроили футбольное поле, до моего дома. Да и, откровенно говоря, уж очень приелся мне цокот копыт за последний месяц.

Однако, стоило нам выйти за забор, ограждающий территорию первого в мире стадиона, как к нам тут же направились трое. Их лошади стояли на привязи, а они, спешившись, похоже, всё это время ждали меня. Одеты все трое были весьма не бедно, но, что самое интересное, на всех троих как влитые сидели бордовые кафтаны и серые металлические шлема. На поясах у каждого по сабле, а в сёдлах я разглядел чехлы для луков и колчаны, наполненные стрелами. Своим видом они сильно напоминали известных стрельцов. Вот только самого главного стрелецкого элемента — пищали — не наблюдалось.

Один из тройки, тот, что шёл по центру, заметно отличался от двух других. Те двое, как под копирку имели и усы и небольшую бородку. Третий же шёл гладко выбритым, однако по взгляду я сразу понял, что главный среди них именно он.

— Здрав будь, помещик Новгородский, — коротко поклонился мне командир этой странной тройки.

— И тебе привет, служивый. — Кивнул я.

— Мне велено вручить Александру, в последнем походе взявшемся вести полк Новгородский и отбившему напор свейский, дарственную грамоту, самим царём подписанную. — Он вынул из кафтана небольшую, свёрнутую в трубочку бумагу.

— Читай. — Максимально уверенно сказал я, вовремя вспомнив, что понимать местный язык письменно я могу уж очень условно. Гонец трепетно распечатал письмо, развернул его и набрал воздуха в грудь.

— «Сей дарственной повелеваю Александру, помещику Новгородскому, передать во владение село Борки, за подвиги ратные и спасение полка Новгородского.» И печать царская, вот. — Он указал на большую красную и витиеватую печать. Ну ничего себе новости! Нет, я, конечно, ожидал чего-то подобного, но чтобы вот так официально... Гонец вновь протянул мне листок. Я принял желтоватую бумагу и, пробежавшись глазами по тексту, понял, что навряд-ли что-то там разобрал бы.

— Спасибо за добрую весть. — Хлопнул я по плечу долговязого гонца. Тот лишь

серьёзно кивнул и, лихо крутанувшись на месте, вместе со своей охраной зашагал обратно к лошадям. Только сейчас я заметил, как выдохнули гвардейцы, до этого находившиеся в полнейшем напряжении. Ну не любят они, когда ко мне кто-то вот так непонятно зачем подходит.

Как выяснилось, село это аж на три с лишним сотни душ находилось более чем в двадцати верстах от Новгорода. Если на двух лошадях идти, то это пару часов ходу. А вот если с обозом, то чуть ли не целый день придётся топтать. Поэтому, дабы не утруждать себя лишним раз, я решил поступить следующим образом: мы с половиной гвардейцев рванём туда прямо сейчас отриконь, а остальная часть возьмёт две повозки всякого скраба и потенциально нужных вещей и выйдет следом за нами. По моим подсчётам, поздно вечером они должны добраться. За их безопасность я не беспокоился, поскольку непосредственно близ города разбойного люда практически не было, а тут ещё и армия прошла недавно. Так что все немногочисленные разбойники лежат сейчас тише воды и ниже травы.

После двухчасовой, безусловно, очень увлекательной, тряски в седле само село не вызвало восторженных эмоций. Небольшое, округлое селение, с трёх сторон окружённое лесом с протекающей совсем рядом рекой, шириной метров пятнадцать. Самым высоким и, по совместительству, единственным не одноэтажным зданием в деревне оказалась церковь (Даже поместье бывшего дворянина имело всего один-единственный этаж). Хотя правильнее, пожалуй, будет сказать церквушка. Полностью из дерева, даже она не могла внушить ничего, кроме жалости.

Какое же тут поле непаханое для работы! К слову о полях. Они здесь имелись. По другую сторону от реки чернела распаханная земля, которая начиналась чуть ли не от единственного через реку мостика. Кстати, водные ресурсы местные почему-то на полную не используют. Вот в Новгороде я видел водяные мельницы, а здесь таковых не наблюдается. А течение тут довольно-таки не слабое.

Когда мы проезжали по кривым улочкам села, изрытыми колеями, жители смотрели на нас с некоторой опаской, но заговорить никто не решался. Люди лишь бросали косые непонимающие взгляды, которые тут же отводили, и возвращались к своей работе, стоило мне посмотреть на них в ответ.

Когда мы свернули на право под почти прямым углом, мне на глаза бросился тот самый дом бывшего помещика. Выглядел он весьма ухоженно и богато, хоть размерами и не впечатлял.

Буквально после поворота, прямо на дороге стояла девочка лет десяти с соломенной куклой в руках и замороженно смотрела в нашу сторону. Солнце светило нам в спины, а ей, соответственно, в лицо, от чего она жмурилась и прикрывала рукой глаза, лишь бы разглядеть таинственных всадников.

Вдруг, когда я уже собирался притормозить перед девочкой, на дорогу выскочила женщина и, схватив её, отнесла к обочине. Та от неожиданности выронила куклу и игрушка удачно упала между двух луж.

— Отряд, стоять. — Негромко сказал я. Гвардейцы натянули узды лошадей.

Я притормозил в паре метрах от выпавшей игрушки и спешил. Всё это время и девочка и её, вероятно, мама, продолжали наблюдать за мной. К ситуации заметно проявили интерес и другие жители. Я аккуратно переступил через все небольшие лужицы и, наклонившись, поднял с земли куклу. Обычная соломенная игрушка, сделанная из, собственно, пучка соломы в нужных местах перевязанного тонкими веревочками.

Я подошёл к девочке, которую прижимала к себе мать. Наклонившись, я протянул ей игрушку.

— Держи. Больше не теряй. — Я подмигнул девочке, от чего страх из её глаз тут же испарился, а губы сложились в скромной улыбке.

— Благодарствую. — Тихо пискнула она в ответ.

Возле самого богатого дома в этой деревеньке, который ранее принадлежал моему предшественнику, на лавочке одиноко сидел низенький старичок с очень цепким и даже живым взглядом. Он неуклонно выбивался из общей быстротечности сельской жизни. Это в двадцать первом веке жизнь в городе кипит в разы быстрее, чем в сельской местности. Здесь же всё наоборот.

— Здрав будь, отец, — Поприветствовал я необычного старика.

— И тебе не хворать, — Стрельнул хитрым взглядом он.

— Не подсказешь, где местного старосту найти? — Озираясь, спросил я.

— Так перед тобой он, господин. — Улыбнулся мой собеседник. Я серьёзно зыркнул на него с высоты своего седла, от чего он мигом стал серьёзнее некуда. — Чем могу услужить?

— Ну, похоже теперь этот домишко мне переходит. И Борки с ним же. — Я протянул старосте документ, подтверждающий мои слова. Он с минуту сверлил взглядом твёрдую жёлтую бумажку, после чего почтено вернул её мне и поклонился в пояс.

— Прости, барин, меня, старика. Не признал я тебя.

— То пустое. Ты не мог знать. — Старик вновь поклонился, от чего я лишь скривился. И для чего всё это? — Отставить лизоблюдство! — Рывкнул я. Староста от неожиданности вытянулся в струнку. — Имя, возраст, должность?

— Так ведь... — Он запнулся, но довольно быстро очухался. — Ефимом кличут. Пять десятков и семь годов от роду мне. Староста я в селе этом.

— Молодец, Ефим, быстро соображаешь. — Похвалил я своего нового подчинённого. Мы спешили — Пойдём в дом, у нас с тобой много дел.

Внутреннее убранство дома одновременно и впечатляло и огорчало. С одной стороны, я раньше нигде не видел такого. Даже сильно модернизированное поместье Майеров не шло ни в какое сравнение с богатством этого небольшого, но очень дорогого поместья. Венцом всего баснословного по стоимости жилища стала печка, вовсе не коптившая и топившаяся исключительно по белому, которую я, как увидел, был готов просто расцеловать. Вот никак не ожидал в таком захолустье такого подарка. Тем не менее, никакими санитарными благами здесь и не пахло. Точнее, пахло, конечно, но не очень хорошо. Вот что-что, а сантехнику нужно внедрять и делать это как можно быстрее.

Мы с Ефимом прошли в просторную комнату с круглым дубовым столом и пусть и простенькими, но весьма удобными стульями.

— Присаживайся, — Кивнул я старосте.

— Это как же, — Засмутился он. — В барской зале, да я...

— Это не просьба, Ефим, это приказ. — Сурово процедил я, от чего незадачливый старичок послушно плюхнулся за стол. — Теперь всё будет иначе Ефим. Я — не прошлый ваш барин и жить при мне вы будете так, как ранее и не думали. — Ефим огляделся.

— Мы? — Переспросил он, указывая на себя.

— И ты, Ефим, и все, кто здесь, в Борках, живёт. Ты сейчас — мой мост ко всему народу. Так что слушай и запоминай.

Интерлюдия.

Народ, оторванный от работы, гудел и недоумевал. Ефим откровенно нервничал. Александр, оставив ему целую массу поручений, с горящими глазами уехал в Новгород. Даже не так. Он улетел пулей. Хотя, что такое «пуля», Ефим представлял очень посредственно. Сначала он было проклинал этого нового помещика с его непонятными идеями. Однако когда до него дошло то, что пытался донести Александр, Ефим сильно задумался. Он всё искал подвох, помещичью уловку, которая была призвана обмануть простой люд. Но не смог. Уж больно всё гладко звучало из уст новоявленного помещика.

Сейчас же он стоял на главной площади небольшой деревеньки, а перед ним, в ожидании, толпились чуть более сотни взрослых мужчин. Они недовольно гомонили и ворчали. Ещё бы, их ведь оторвали от работы.

— Ну, Ефим, чего ты людей собрал, да от дел отвлѣк? — Возмутился молодой кузнец, сын старого мастера. Народ уверенно поддержал его.

— Постой, Астафий, не бузи. — Начал староста. — К селу нашему нового помещика приставили. Вы его, возможно, уже видели. Ратник он добрый, да воевода святым знаменем осенѣнный. Хоть и молод Александр, а голова у него светлая.

— А где же он сейчас? — Спросил кто-то из толпы.

— Сам он в Новгород отлучился, по делам вельми важным. — Уверенно ответил Ефим. — Однако ж поручил он мне до люда простого мысли его донести. — Народ резко затих, ожидая, что скажет староста. — Ну, значит, во-первых барщина теперь полностью отменяется, то бишь все сборы теперь будут только продуктами и деньгами, оброком называемым. — Людей такой расклад не сильно впечатлил. — Однако ж это ещё не всё. Во-вторых оброк этот самый платят все по-разному, от зажиточности. — Толпа с новой силой загудела, обсуждая сказанное. — Это значит, — Перекрикивал толпу Ефим, — Что чем богаче крестьянин, тем больше оброка он платит. Те же, кто концы с концами еле сводят и кому зерна до урожая не хватает, от оброка освобождаются. К тому же, «малоимущие», — С трудом прочитал староста, — Помощь барскую получают. — Толпа захлебнулась в обсуждениях и остановить её уже не представлялось возможным.

Глава 4. «Мечи на орала»

Стук молотков, звук монотонной работы массивных двуручных пил и, конечно, целая масса разных голосов. Всё это, в той или иной степени, сопровождало многодневную стройку, в которую я вложил уже очень значительно.

Другой помещик этого времени на моём месте наверняка сэкономил бы и, оторвав своих крестьян от земли, использовал бы бесплатную рабочую силу. Я же, ещё когда узнал о свалившемся на меня даре, принял судьбоносное решение: в рамках своего владения отменить крепостное право. Сделать это не сразу, конечно. Ведь крестьяне здесь хоть и относительно глупы, но всё же не простофили. Я просто не могу дать им всем полную свободу официально, ведь тогда значительная часть из них разбежится, а остальные просто перестанут меня слушать. Сейчас же я владею ими абсолютно законно и жизнь их делаю лучше так же не выходя за рамки своих прав.

Введённая мною система налогообложения, подсмотренная, на сколько мне известно, у какой-то скандинавской страны моего времени, своей структурой была призвана облегчить жизнь моих подчинённых и выровнять социальное положение. Причём не за счёт обеднения богатых. Точнее сказать не совсем за их счёт, а просто напросто помогая бедным. Ведь почему считается, что крестьяне на Руси вечно голодали? Потому что их помещик забирал значительную часть собственного дохода этих самых крестьян, оставляя лишь минимальный прожиточный минимум, который, естественно, нигде не прописан и, как это часто бывало, остатка этого людям могло не хватать. Конечно, первый год, по моим подсчётам, должен сильно ударить по моему кошельку, ведь малоимущих, которых я решил поднимать до среднего уровня, было значительно больше зажиточных.

Хотя основную часть рабочих и составляли нанятые мною артели, были среди них и местные крестьяне, разумеется работавшие за фиксированную заработную плату. Такая неслыханная щедрость настолько вскружила головы местному населению, что после первого рабочего дня от желающих не было отбоя. Я же объяснил людям, что сейчас у них на первом месте должен быть сбор урожая, а не лишний заработок, который едва ли покрывал ежедневные расходы одного, даже не очень привередливого человека.

Мы с Генрихом стояли на единственном в округе пригорке, любуясь завершающейся стройкой. Длинное, метров пятьдесят, сплошное двухэтажное здание, напоминающее огромный барак смотрелось уж очень внушительно на фоне остальной деревни. Я не жалел средств ни на материалы, ни на рабочих.

— И всё же я не понимаю, — Начал Генрих, который впервые составил мне компанию в визите в Борки. — На кой чёрт тебе это? Ты себе никак дворец строишь? — Усмехнулся он.

— Скажи, мне друг мой, знакомо ли тебе слово «мануфактура»? — Хитро улыбнувшись, спросил я. Ответить Майер не успел, потому как сразу после моего вопроса сзади раздался сначала прерывистый топот, потом тяжёлое дыхание и, наконец, запыхавшийся голос одного из селян.

— Командир! Командир! — Радостно причитал он. — Немец ваш приехал. Ну этот, которого Жаком кличут.

— Привёз? — Спросил я, хотя по его лицу ответ был понятен.

— Точно так, командир, аж на трёх повозках, одвуконь каждая!

— Вот же французская морда! Я же сказал экономить! — Мы быстрым шагом двинулись

к северному въезду в деревню.

Все повозки, с которыми приехал французский инженер, были наглухо закрыты со всех сторон парусиной. Хоть здесь Жак меня не подвёл и правильно понял слово «секретность». С ним же приехал и Тихон, старый плотник, который только вчера уезжал в Новгород за своими немногочисленными вещами, чтобы сегодня же вернуться и продолжить работу над масштабным проектом.

— Жак, лягушатник ты эдакий! Я ж тебе говорил не транжирить валюту! — Мой визави закономерно почти ничего не понял, от чего Генриху пришлось подбирать слова, дабы донести до него всю суть сказанного.

— Но сир, ведь этот лошади ваш лично! А ещё я сильно торопиться, ведь ваш заказ наконец закончиться. — Жак удивил меня активными попытками говорить по-русски.

— Хорошо, мой католический друг. — Отсмеявшись, выдавил из себя я. — Испытаем это чудо?

На установку сооружённого Жаком проекта в уже законченном основном помещении, которое должно было стать главным цехом, у нас ушёл весь вечер и добрая часть ночи. Однако когда всё было готово и я дал отмашку, все, кто так или иначе принимал участие в этом, затаили дыхание. В отдельной комнате по кругу двинулись двое массивных быков и черед механизмов под редкие щелчки и скрипы, заработала. Тридцатиметровая дорожка шириной около полуметра и установленная на метровую высоту, задвигалась, обозначив первое успешное применение простейшего конвейера. Не знаю, есть ли сейчас где-то что-то подобное, но для России мы совершаем самый настоящий прорыв. Конечно, для успешного использования конвейера нужны как минимум работающие производственные цепочки. Но таковые у нас есть. Точнее сказать — будут.

Для последнего теста я поставил в начало конвейера тяжелый ящик с инструментами. Кожаная материя слегка просела под весом, для неё непредназначенным, однако с лёгкостью продолжила движение и уже через минуту ящик приняли на другом конце. Примерно пол метра в секунду. А это очень даже неплохо! Я на радостях обнял своего ведущего инженера.

— У нас получилось, Жак! Черт возьми, у нас получилось! — И правда, десять дней проб и ошибок не прошли в пустую.

— Я сильно рад ваш милость, сир. — С улыбкой пробормотал он, поправляя маленькие круглые очки.

— Как и обещал, выделяю тебе твою личную мастерскую на втором этаже мануфактуры. — Опомнился я. — Можешь завтра же приступать к работе над своими чертежами. Я изучил их, там много хороших идей. — Когда Жак услышал перевод моих слов, он буквально расплылся в улыбке и, на смеси русского и французского, стал выражать мне безмерную благодарность.

В свой второй в этом мире дом я вернулся уже глубокой ночью. Нужно было расставить охрану стратегически важного для меня объекта, рассчитать оставшихся рабочих и сделать ещё очень много мелкой работы.

— И всё-таки, Саш, — Завёл старую песню Максим, когда мы уже подъезжали к поместью. — Что ты собираешься производить здесь? — Странно, ведь этот вопрос уже был решён, но подобные разговоры неизменно велись с моим главным сподвижником.

— Ну, — Я глубоко вздохнул. — Давай подумаем. Промышленность делится на тяжёлую и лёгкую, так?

— Так. — Кивнул Максим.

— Для тяжёлой, то есть для, например, металлургии, нужны, загибай пальцы, технологии — раз, оборудование — два, опытные кадры — три. Ничего из этого у нас нет и не скоро ещё будет.

— Окей, тогда ставку делаем на лёгкую? — Закономерно спросил он.

— Получается так. Что мы знаем о лёгкой промышленности? Пищевая и текстильная в основе своей.

— Ну пища сразу нет. — Протянул Макс, — Её тут выращивают, так что что-то нормальное придумать вряд-ли получится.

— Согласен. — Сонно кивнул я. — Значит остаётся текстиль. Идея, по сути, хорошая, но вот хлопка я тут что-то не наблюдаю.

— Зато есть кожа, войлок и шерсть. — Заметил он. Мы уже сидели за столом и ночь грозила вновь перерасти в одну большую бессонную дискуссию. Странно, ведь по сути решение об использовании мануфактуры было принято мной ещё за неделю до сегодняшнего дня, а на складе ждали своего часа десятки стальных дуг и деревянных основ. Кузнец вот уже пятый день циклично куёт странные заказы помещика и, к своему удивлению, за каждую штуку получает по копейке. По сути разговоры эти бессмысленны, но ведь именно так и рождаются гениальные идеи.

— Уже завтра, мой друг, мы вступим в новую, ранее невиданную жизнь.

— Мечи на орала? — С улыбкой спросил Макс.

— И копья на серпы! — Я резко встал из-за стола, переводя взгляд на окно, которое уже заливалось предрассветными лучами солнца. — Да будет так. — Иронично, учитывая то, что мы всё же решили производить.

Прошло ещё три дня, прежде чем мануфактура смогла показать хоть какой-то приемлемый результат. Всё началось с дюжины добровольцев, трое из которых были детьми, а двое вообще — женщинами. Три условных цеха проводили самую разную работу. Конвейер при такой скорости был почти без надобности, ибо по нему могло что-то идти разве что раз в час-два. Тем не менее, в первый день результатом усердной работы неопытных крестьян стало аж целых три приемлемых образца. Брака было уж очень много в первый день. А-1 — именно такое название я решил дать первой модели арбалета собственного производства. Да, подобное дело так же требует мастерства. Однако себестоимость арбалетов, по моим подсчётам, значительно ниже той стоимости, за которую я могу их продать. Да и наличие под рукой бывалого плотника и опытного инженера позволяли нивелировать криворукость простых крестьян.

В будущем, конечно, было бы неплохо перейти на производство огнестрельного оружия. Но вот пока ни чертежей, ни понимание устройства таковых у нас нет. А арбалеты вот они, в наличии. Бери и копируй. Ну, не сразу, конечно. Но всё же как проба сил подобная идея показалась мне лучшей из доступных.

На каждом из арбалетов было принято решение высекать на прикладе три основных параметра: на правой стороне производственный номер и название, на левой — изготовитель. А именно: «Оружейная мануфактура Борки». Такой ход, как мне кажется, должен стать поводом для дополнительной, пусть и не очень весомой, наценки и, конечно, рекламы. Ничего сложного в написании этих данных не было, ведь приклад, наличие которого само по себе было уникальным решением, относительно других самострелов, был обит телячьей кожей. Да, лишний пафос, но мы ведь делаем в первую очередь качественный

товар. Сам же арбалет было решено делать несколько меньшим в размерах. Пришлось пожертвовать частью мощности, зато заметно возрасли мобильность и надёжность оружия.

Самым долгими и муторным, но при этом низкоквалифицированным был труд в первом цеху, где из дерева в ручную вытачивались основы для будущих самострелов. Тихон носился по цеху как угорелый и, что интересно, в миг помолодевший, раздавая оплеухи и, значительно реже, устные указания. Хвалить же кого-то он мог лишь в исключительных случаях.

Во втором помещении, под чутким руководством Жака и иногда Генриха, в заготовку вживался спусковой механизм и железная дуга с колодкой. Тут я решил сэкономить и вместо классического спускового крючка указал ставить простой рычажок длиной сантиметров десять. Нажимать на такой нужно сильнее, однако делать этот вариант дешевле, да и лишний предохранитель не помешает.

В третьем цеху выполнялась самая простая, относительно других, работа. Женщины и дети производили тетивы, а мужчины натягивали их на уже фактически готовые арбалеты. За счёт того, что все дуги выполнялись идентичными, тетивы так же производились по стандарту. Вообще стандартизация производства — ключ к успеху. По этой причине сегодня, когда на мануфактуре трудилось уже больше полусотни человек, сорок из них пытели в первом цеху.

Пригодился и конвейер, ведь трафик по нему рос соразмерно опыту и количеству рабочих. Появлялись новые, более удобные инструменты, люди набивали руку. Процент брака неуклонно падал. Сегодня вечером уже целых девятнадцать арбалетов сошли с конвейера. Это при том, что при желании можно расширить штат рабочих как минимум вдвое.

Такой результат был бы недостижим, если бы я не ввёл двенадцатичасовой рабочий день. Людям был доступен лишь получасовой перерыв на обед и три десятиминутных перекура. В остальное время все работали не покладая рук. Но этот ход лишь под призмой гуманизма моего времени кажется жестоким. Здесь же люди были даже благодарны таким условиям. Народ здесь впервые познакомился с вольнонаёмным трудом и с большим удовольствием работал на первой в округе мануфактуре.

Однако и оплата труда не заставляла себя ждать. Дабы не плодить халтурщиков, жалование выдавалось строго соразмерно труду. Закончил единицу товара — отметился у нужного человека — вернулся к работе. Минимум лишних движений, больше работы. А если больше работы, то больше и производство и заработная плата и благосостояние рабочих.

Черт, я начал мыслить как капиталист. А разве это плохо? Ведь о людях я, как ни крути, забочусь. Двенадцать часов по местным меркам, да ещё и за сдельную плату — это невероятно выгодное предложение, а изменённая налоговая система позволяла не волноваться о возможном голоде, который мог возникнуть от того, что крестьяне отрываются от своей земли.

Сегодня, в субботу, было принято решение дать людям выходной. Всё лишь потому, что у нас закончились материалы. Кузнец не успевал ковать дуги и, что более важно и сложно для него — механизмы спуска. Работа не столько сложная, сколько мелкая и долгая. А чтобы убрать эту яму в производстве — нужно кузнеца посадить в мануфактуру, а в идеале не одного, а с помощниками.

С этой целью, загрузив три десятка мало отличимых друг от друга арбалетов, я, с небольшим сопровождением, вновь направился в Новгород. Пришло время получить свой

первый доход от мануфактуры.

Гуляя между ларьками и прилавками, предлагающими огромный ассортимент, я всюду предлагал свой товар. В комплекте к каждому арбалету я прилагал и два болта. В подарок, так сказать. В основном люди отказывались, ведь оружие это, опять же, не в ходу у местных. Однако были и те, кто выкупал у меня то один самострел, а то и целую партию. Вторые все как один удивлялись идентичности арбалетов. Ещё бы, ведь все они сделаны из составных частей. Отдельно приклад, отдельно ложе и так далее по списку.

Половину с трудом вырученных денег с не всегда выгодных сделок, я сразу же отложил. Вторую же половину готов был потратить. Сейчас растущая мануфактура требовала усиления. В первую очередь — в живом ресурсе. По этой причине я направился в самую нелюбимую мною часть рынка. В место, где торговали рабами. Завершающаяся война на севере стимулировала рабский рынок, а потому на нём сейчас можно было найти множество не так давно свободных людей.

— Господина снова интересуют отроки? — Учтиво спросил тот самый низкорослый татарин, блеснув хитрым взглядом. Я серьёзно глянул на него, от чего он инстинктивно отшатнулся и отвёл свой взгляд.

— Нет. — Коротко бросил я. — Сейчас мне нужны взрослые и сильные люди. Лучше из крестьян.

— Для почтенного бека у меня есть всё. — Татарин поклонился и удалился в бесконечную глубину шатров и повозок. Вернулся он через несколько минут, ведя за собой закованных в цепи мужчин среднего возраста. Все они были выходцами с севера, однако на их фоне серьёзно выделялся один. Выше и шире остальных, мужчина производил двойное впечатление. Однако удивили меня не его габариты, а цвет кожи. Вот уж никак не думал увидеть здесь человека с тёмно-коричневым оттенком.

— Среди них есть те, кто может работать с металлом? — Стараясь сохранять самообладание, спросил я.

— Татарин что-то сказал сначала своим помощникам, а потом те стали небрежно задавать заключённым один и тот же вопрос, но на разных языках. Все как один отрицательно мотали головой. Но вот когда очередь дошла до чернокожего, он ответил несколькими короткими фразами на каком-то, отдалённо напоминающем арабский, языке.

— Вот он, бек. — Презрительно указал татарин. — Он говорит, что до того, как попасть сюда, был холопом у большого кузнеца далеко на юге. — Я подошёл к гиганту, что лишь на пару сантиметров был ниже меня, а в ширину и вовсе превосходил.

— Как же ты, такой здоровый, с голодухи то не помер. — Я совсем по-дружески положил ему руку на плечо. — Я Александр, — Ткнул я пальцем себе в грудь. — А ты? — Перевёл я руку на него.

— Минад. — Без капли страха в голосе сказал он.

— Я беру всех. — Повернувшись к продавцу, сказал я.

Когда я проезжал мимо дома Мстислава, то решил, интереса ради, проведать этого скрягу. Узнав, с чем я приехал в город, Мстислав лишь взялся за голову и истерически хохотнул.

— Нет у меня больше лишних денег! — Раздосадовано буркнул он. Впрочем, это было ожидаемо, а потому я и направился на торговую площадь.

— В таком случае я хочу предложить тебе торговое соглашение. — Меркантильно проговорил я. Мстислав сглотнул, зрачки его расширились, а сам он пододвинулся поближе

ко мне.

— Я слушаю. — Сухо прошептал он.

— Ты, должно быть, знаешь, что мне не так давно в дар перешло село одно близ Новгорода.

— А то как же, — Хмыкнул он, — Мне же Генрих в один момент все уши прожужжал про деревеньку эту. Вот я в толк не возьму: на кой ляд ты холопам послабления такие даёшь?

— Это уже моё дело, Мстислав. — Серьёзно пророкотал я.

— Ну, и то верно, — Опустил он глаза. — Так что за предложение?

— Слушай и запоминай...

Интерлюдия. Михаил

— Интересно. — Протянул старый Новгородский воевода, что уже почти оправился от ран. К нему на стол попало два очень похожих друг на друга самострела. Конечно, отличия между ними прослеживались, но вот общее качество работы и идентичность поражали непривыкший к подобному ум старого воина.

Михаил осмотрел арбалеты, хмыкнул, прочитав надписи на прикладах и задумался.

— Слушай, Григорий. — Обратился воевода к десятнику, который и доставил ему эти самострелы. — А стрельни-ка вон в то бревно. — Михаил указал на одиноко стоящий опорный столб. Десятник сначала поколебался, но потом взял самострел, без труда натянул тетиву и, не торопясь, зарядил толстый арбалетный болт.

До бревна было шагов тридцать, а само оно было весьма тонким. Десятник прицелился и аккуратно нажал на рычаг спуска. Болт со свистом улетел, подмигнув оперением. Он прошёл в притирку со столбом, но всё же улетел дальше и через ещё такое же расстояние, почти не потеряв скорости, вонзился в частокол.

— Ранее с самострелом упражнялся? — Серьёзно спросил воевода.

— Единожды, Михаил Димитревич. — Честно признался десятник.

— Очень интересно. — Новгородский воевода, славящийся своим консерватизмом, пожалуй, впервые в жизни так сильно задумался.

Глава 5. «Совет круглого стола»

Порывистый ветер причесал верхушки деревьев смешанного леса, от чего лиственные сбросили очередную порцию жёлто-красной одежды. Один из маленьких листочков волей случая пролетел на крыльях ветра пол сотни метров до пригорка, на котором я стоял, оглядывая территорию деревни, вот уже не помню в который раз. Я не пошевелился, хотя моё немногочисленное сопровождение все как один поёжились, но при этом не оборвали тишины, в которой я так любил размышлять.

В последние дни я думал о многом. О мануфактуре, о гвардии и том, что её следует ещё больше расширять, о своём будущем и... Даже о прошлом. Сейчас, когда всё более или менее устаканилось, я нашёл постоянных скупщиков своего товара, под завязку забил штат всех сотрудников, а те, в свою очередь, ежедневно били рекорды производства. Только сейчас я нашёл время задуматься не только о вопросах своего выживания и благосостояние, но и о том, кто я есть на самом деле. О своей судьбе, в которую я до поры до времени категорически не верил. О воле случая, что забросил меня на пять сотен лет в прошлое. Да ещё и не в моё прошлое, а в другое, имеющее мало общего с тем, что я так воодушевленно изучал на уроках истории и сам для себя. Ведь одинаковы здесь по сути своей лишь самые основы и азы, дух этого времени. Всё остальное же: технический прогресс, личности и события, границы государств, так или иначе разнятся и не оставляют привычному понимаю истории ни единого шанса.

Задумался я и о людях, которые меня окружают. Мне несказанно повезло встретить ещё одного попаданца из моего времени. Мы с Максимом очень быстро нашли общий язык. Парень он в основе своей позитивный и порой может относиться к вещам даже слишком несерьёзно. Но совершенно точно без его помощи мне было бы значительно сложнее не то что жить, но даже выживать.

С Генрихом мне повезло познакомиться в первые дни моего пребывания в шестнадцатом веке и с ним мы так же здорово сдружились, найдя друг друга в философии, науке и, конечно, военном деле.

Немаловажным в моей жизни стал и незаменимый лейтенант, который тащит на себе всю гвардию с самого его формирования. Может, у Ивана и нет мышления будущего, как у Макса и дворянского образования, как у Генриха. Но при этом у него есть огромный умственный потенциал, который он с большим удовольствием реализует и совершенствует день за днём. В поредевшей гвардии Иван почти полностью заменил меня. Теперь мне достаточно каких-то пару часов уделить ему, внося новый материал только лишь в его голову. А уж он донесёт до остальных всё в полном масштабе. Все гвардейцы по уровню доверия смело ставят его со мной в один ряд, в то время как Ваня не признаёт иных авторитетов, кроме меня.

Не смог бы я так быстро развиваться, если бы не привлёк на свою сторону и двух настоящих мастеров своего дела — Тихона и Жака. И хоть мировоззрением и подходом они оба не имели ничего общего, отдельно друг от друга они были незаменимы, а вместе лишь дополняли и приумножали свои навыки. Жак прекрасный теоретик с феноменальными по местным меркам познаниями в физике и механике. Тихон же имеет огромный опыт и по-настоящему золотые руки.

В общем, мне удалось собрать вокруг себя много действительно хороших кадров,

способных значительно облегчить приведение в исполнение моих идей и задумок. Однако, как мне кажется, можно ещё сильнее разогнать их производительность. Они должны работать как коллективный разум.

Разумеется, в конкретных вопросах должны быть ведущие специалисты, ведь не может лейтенант на равных принимать решения с инженером, если речь заходит о механизмах, точно так же как плотник не может дискутировать с командиром орудия запаса из двадцать первого века в вопросах артиллерии. Но вот в решении общих вопросов мне совершенно точно следует полагаться на мнение этих людей из-за их опыта, навыков, талантов и светлых умов. Не хватало ещё заиграться в эпоху абсолютизма и превратиться в нечто, мало отличающееся от классического помещика.

Я продолжал жечь взглядом лес, когда со мной поравнялся Максим, ставший моим постоянным спутником и сподвижником.

— Зима близко, — Без доли иронии заметил он.

— Да, я вижу. — Сухо ответил я. — По нашим подсчётам мы в вопросе продовольствия без проблем протянем до июня без дополнительных вложений. Максим глухо усмехнулся.

— А если в пересчёте на старый налог?

— Едва ли до апреля. — Пожал я плечами. — Здесь ведь как было бы? Те, у кого урожай большой излишки или продали бы, или дали бы бедным в долг. А эти самые бедные, за неимением лишнего продовольствия, вынуждены были бы платить неподъёмный налог безвозмездным трудом. При этом старый помещик вряд-ли озаботился бы состоянием крестьян и всё полученное от них заграбастал бы себе. Я же пока ни копейки налогов не положил в карман. Всё в общий амбар деревни.

— Да-а, повезло с тобой местным. Это что же, мы тут им социализм отгрохаем? — Хохотнул Макс.

— Ну, это вряд-ли. — Заметил я. — Это ведь временная мера, чтобы люди банально с голоду не дошли. А в следующем сезоне подключим новые плуги, запряжём животных, орошение придумаем. В общем, с голоду здесь больше никто не умрёт. — Утвердительно кивнул я.

— И всё же круто местным фартануло. — Вновь заметил вечно весёлый Максим.

— Этот лист. — Поднял я с земли тот самый берёзовый листок золотого цвета. — Он ведь единственный из всех, что донесло сюда из леса.

— Ты это о чём? — Не понял Макс.

— Как думаешь, почему?

— Ну, — Он задумался, — Случайность?

— Знаешь, я в последнее время ловлю себя на мысли, что случайности не случайны. — Я отпустил лист, от чего он, подхваченный порывом ветра улетел дальше.

— Это слова черепахи из мультика или ты сейчас серьёзно? — Макс повернулся ко мне и спрашивал уже без доли иронии.

— Эта черепаха была в пять десятков раз старше нас. — Съязвил я. Максим сначала силился что-то сказать, но после вдруг хмыкнул и вновь посмотрел на лес.

— А может, ты и прав. — Неопределённо мотнул головой мой сподвижник.

— Пойдём, Макс, время не ждёт. — Я развернулся, от чего мой плащ поднялся на уровень головы. Я же в несколько размашистых шагов подлетел к коню и в одно движение запрыгнул в седло.

Мы направились в моё поместье, ставшее временным домом для всех моих

единомышленников. В главном зале крупнейшего после мануфактуры здания в Борках недавно закончился ремонт, о котором я размышлял уже довольно давно. Весь лишний пафос был продан, а на вырученные средства в просторную комнату с высокими потолками был поставлен массивный дубовый стол, сделанный, по моему заказу, круглым. Такое, как я понял, встречается в этих краях крайне не часто, потому как ранее я видел лишь прямоугольные и квадратные столы. Что поделаешь, такие традиции.

К столу же было поставлено шесть идентичных друг другу стульев с высокой спинкой. Такие стульями то назвать язык не поворачивается, скорее уж кресла. Лишь одна вещь нарушала симметрию в этом зале равенства: моё место выделялось от остальных таким образом, что остальные пять были сгруппированы напротив меня. Конечно, вся суть необычной формы стола в таком случае немного теряется, но всё же нужно хоть как-то обозначить, что равенство равенством, а присутствующие здесь всё же имеют статус гостей.

Когда все собрались и, озадаченно озираясь, уселись по своим местам, я, дождавшись тишины, начал свой монолог.

— Вам, наверное, интересно, зачем я вас всех здесь собрал. — Все переглянулись и с разной степенью уверенности кивнули. — Дело в том, что все вы так или иначе причастны к тому, в каком положении я сейчас нахожусь. И я вам за это безмерно благодарен. Однако вместе мы сможем достичь ещё больших успехов. Мне нужна ваша помощь в том, в чем вы больше всего сильны. Если все мы будем действовать сообща и каждый из нас будет вносить в общее дело по своим возможностям, тогда всех нас ждёт светлое и сытое будущее. — Я оглядел лица всех присутствующих. В их глазах и правда промелькнуло нечто, напоминающее интерес. — Есть у кого-то вопросы?

— Я иметь вопрос, — Осторожно поднял руку Жак. — С чем вы связать столь необычный форма стола? Такое даже во Франция встречать сильно редко. — Француз смешно коверкал слова и ставил ударение исключительно на последние слоги. Впрочем, язык он учил довольно быстро.

— Стол круглый, это так, — Заметил я, — Однако я не с проста избрал именно такой вариант. Дело в том, что за круглым столом все равны: нет ведущего, определяющего мнения. Если кто-то из нас внесёт предложение — остальные смогут его обсудить, а после решить, стоит ли оно того.

— О, это же, — Генрих задумался, вспоминая давно забытое слово. — Демократия! — Наконец озвучил он. — Не думал, что встречу её где-то, кроме древних греческих свитков.

— Демократия ужасная форма правления, — Пожал плечами я, — Но лучше пока просто не придумали.

— А я думал ты успел разочароваться в демократии после того, как покинул нашу родину. — Хохотнул Максим.

— Разочаровался в демократах, но не в демократии. — Грустно констатировал я. — Кто считает идею равенства на этом собрании хорошей — прошу поднять руку. — Я сам, поднял ладонь на уровень головы и оглядел остальных. Все безоговорочно со мной согласились. — Впрочем, вернёмся к более важным вопросам. Генрих, как обстоят дела с моим поручением?

— Я объездил все селения в двух десятках вёрст от сюда, как ты и просил. Узнал и о том, чем в них люд простой занимается. В основном, конечно, везде всего понемногу малые кустари делают. Однако ж есть и два больших серебряных рудника, — Эта новость не особо меня удивила, поскольку я уже знал об аномальных залежах в своём регионе и в этой реальности, а также о том, что все серебряные и золотые прииски находятся под полным

контролем государства. — Ещё в одной из деревень недавно копали колодец, да только как в два роста человеческих скопали, так земля сама разошлась и открылась пещера подземная. — А вот это уже интереснее. — Так вот, в пещере той и стены и пол из камня, а на них кусками здоровыми жёлтый налёт и цельные куски, тоже жёлтые, но не золото, это точно. — Я посмотрел на Максима, потом на Жака. Оба находились в глубокой задумчивости.

— Думайте о том же, о чём и я? — Обратился я к ним.

— Скорее всего сера. — Наконец заявил Макс.

— Да, я тоже считать так. — Неуверенно кивнул Жак. — Только я не слышать раньше о таком.

— Да, в мире много всего удивительного, — Согласился я. — Иван, нужно будет отправить людей в ту деревню, переговорить с местным помещиком и узнать, интересно ли ему торговое соглашение. Генрих, проводишь гвардейцев?

— Конечно, нет проблем! — Воодушевлённо кивнул Майер.

— Тихон, как дела в твоей области? — Обратился я к ранее молчавшему плотнику. Старик по-юношески встрепенулся.

— Ну, в общем-то, дела идут хорошо, деревья в достатке, люди работают. — Он мечтательно вздохнул, окунувшись в свои мысли.

— А что Илья? Ну, тот парень, который от тебя не отлипает. В нём есть потенциал?

— О, конечно, конечно! Илья хоть и отрок пока совсем, но и головой и руками он работает вельми хорошо! И ест, конечно, неплохо, — Улыбнулся старый плотник, — Однако ж за всё время уже не раз здравые мысли предлагал, а вот недавно мы и вовсе стали места для спуска самострельного по его задумке делать. Так, что места раза в два меньше уходит. — Я вспомнил, как недавно с конвейера сошёл первый А-2, с изменённой и упрощённой конструкцией спуска, который к тому же теперь стал надёжнее, легче и дешевле. Конечно, заслуга здесь основная принадлежит Жаку, но вот идея его витала в воздухе уже давно, но всё никак не могли придумать, как разместить новый спуск в арбалете, не делая его слишком массивным и тяжёлым. Но благодаря Илье эта проблема была решена и сейчас производство арбалетов грозило принести ещё больший доход.

— А ты, Жак, нашёл себе подопечных? — Спросил я у французского инженера.

— Господин, эта есть проблема. Люди здесь не глупы, но я, извините, не привык учить селян. — Он искал себе оправдание в пока плохо знакомом ему языке.

— Я понимаю, Жак. — Успокоил я его. — Не торопись и найди подходящих кандидатов.

Мы ещё около часа просидели за этим круглым столом, обсуждая совершенно разные вопросы. От нужды в подготовке ополчения до нехватки железа для кузницы. От вопроса жалования рабочим до проектов Жака. В общем, выходили из поместья все уставшие, но довольные тем, что их мнение было услышано и принято в расчёт.

Я попрощался со всеми своими сподвижниками и, когда все разошлись, мы с Иваном остались вдвоём, продолжая обсуждать вопросы гвардии, как подразделения. Я не так давно расширил штат гвардейцев, однако Иван, как лейтенант, сомневается в целесообразности этого действия. Он считает, что новичкам будет очень непросто влиться в состав гвардейцев, хотя и они за всё это время хоть и прогрессировали, однако, я бы не сказал, что ушли недостижимо далеко. Так или иначе, но на прошлой неделе восемь человек присоединились к отряду гвардейцев. Я старался выбирать самых крепких и, преимущественно, не самых глупых. Благо ассортимент у работорговца в последнее время огромен. В будущем я

планирую оторвать от гвардии ещё и Лаврентия и постараюсь использовать его природную чуйку на всё нехорошее максимально эффективно. Бьёрн и Мурат же сейчас — по сути состоявшиеся офицеры. Сержанты как минимум. Набрать бы ещё побольше толковых ребят и можно не волноваться за судьбу элитного подразделения.

Через пять минут из-за леса показался и сам небольшой отряд. С началом работы мануфактуры гвардию покинул и Илья, по моему указанию став подопечным Тихона. После трёх километрового пешего марш броска в полной боевой загрузке гвардейцы выглядели хоть и потрепано, но весьма боевито.

Единственный всадник в отряде — Елисей, который не может присоединиться к остальным при всём желании. Сержант подбадривал рядовых, хотя те и без того выглядели неплохо. Их лошади следовали за ними, ведь тренировка сегодня направлена на развитие их выносливости. Но вот уже завтра ребятам придётся почти весь день провести в седле, оттачивая свой навык верховой езды. Что поделать, такова насыщенная жизнь гвардейцев, которых таковыми, наверное, можно назвать уже не только формально.

Когда весь десяток во главе с сержантом добрался до нас, мне уже практически удалось убедить Ивана, что расширяться отряду так или иначе придётся. Я осмотрел построившийся в шеренгу десяток. Только два тела из десяти не дышали как в последний раз тяжело. Всё же Бьёрн и Мурат к нагрузкам привыкли, а остальным пацанам ещё пахать и пахать. Ну ничего, это дело наживное.

Елисей не без труда спешил с лошади и, стуча простым деревянным протезом, подошёл к мне. Чуть не потеряв равновесие, он всё же вытянулся и на выдохе доложил об успешном завершении тренировочного дня.

— Молодец, сержант. — Абсолютно искренне сказал я. — Но в следующий раз докладывай так, чтобы с ногой не мучаться.

— Но командир... — Хотел возразить сержант.

— Это приказ. — Уже абсолютно серьёзно сказал я.

— Есть докладывать как удобно! — Отчеканил Елисей.

— Вольно, сержант! Благодарю за службу.

— Служу отчеству! — С недетской гордостью ответил он.

Пока я проявлял интерес ко всему, что происходит в единственном в Борках боевом подразделении, из-за поворота показалась крытая повозка. Я вначале не обратил на неё внимания, но потом опомнился: ведь все крытые телеги принадлежат мануфактуре, а у крестьян они все открытые, этот момент отдельно мною проверялся! Да и мало какой крестьянин может позволить себе запрягать в телегу двух крупных лошадей. Вот повозка уже со скрипом проезжает мимо нас и я замечаю, что колёса её не имеют зарубок для сцепления, которые были поставлены на все местные телеги опять же по моему указанию. Извозчик нервно ударил вожжами и оглянулся в нашу сторону. Мы с ним встретились взглядами, после чего мужчина тут же отвёл взгляд, стараясь как можно быстрее покинуть моё поле зрения. Нет уж, так дело не пойдёт. А здесь помещик или как?

— Эй, любезный! — Окликнул я кучера. Тот же в ответ ещё сильнее ударил вожжами, от чего лошади перешли на рысь. А повозка явно не пустая, иначе так тяжело бы не шла. — Гвардия, по коням! — Выкрикнул я приказ. — Догнать и обезвредить, не убивать! — Я указал на повозку, обозначая цель для цепких взглядов.

Все влетели в сёдла. Елисей хотел последовать за ними, но я его остановил.

— Отставить, сержант. Командование отрядом передаю лейтенанту.

— Есть! — Отозвался Иван и тут же седлал коня Елисея.

Уже через минуту за поворотом, куда завернула повозка, послышался свист, издаваемый десятком свистков разом. Наши лошади к такому привыкли, а вот другие начинают серьёзно нервничать, когда слышат этот раздражающий звук. Я неспешно седлал коня и помог Елисею сесть за мной. Мы не спеша поехали вслед за остальными.

Когда мы завернули в сторону, куда уехала повозка, стало ясно, что погоня закончилась, не успев толком начаться. Преодолев ещё с сотню метров, мы спешили. Кучер лежал связанным на земле и что-то бубнил о прощении. Я улыбнулся Ивану и пошёл к кузову телеги.

— Проверяли, что внутри? — Спросил я.

— Никак нет, — Ответил лейтенант. Я отодвинул плотную ткань кормы и заглянул внутрь. Три человека: подросток, женщина и ещё один мужчина, выглядывали из-за одной из многочисленных бочек.

— Лаврентий, Бьёрн, проверьте. Только аккуратно.

— Есть! — Слитно буркнули они и полезли внутрь.

— Ну что там? — Через минуту спросил я.

— Три человека, — Ответил Лаврентий. — Угрозы не наблюдаю.

— Хорошо, их на выход.

— Так точно!

— А что в бочках? — Опомнился я.

— Мёд, командир. Много мёда. И ещё воск. Его уже не так много. — Я раздосадован и сплюнул и пошёл к кучеру. Одним движением подняв бедолагу, я заметил, что на его теле присутствуют многочисленные волдыри.

— Ну, пасечник, и чего убежал?

— Так ведь... — Мужчина замялся.

— Если спросишь «зачем догоняли?» — Я тебя вместе с телегой сожгу. — Как можно серьёзнее заявил я.

— Так испугался, барин! Ведь ежели узнаешь, что деревню покидаем, да бортничеством промышляем, то головы не сносить! — Бортник испуганно посмотрел по сторонам. — Барин, не вели казнить, ради Христа!

— А ты меня вере не учи. — Огрызнулся я. — Что же до того, что бортничеством промышляешь. — Я задумался. — В общем, должен ты был спросить, да узнать у меня, а не самовольничать. Бортничество — хорошее дело, но от чего же ты пасеку не отстроишь?

— Па... Что, барин? Не понимаю я, — Мужчина испуганно зажмурился.

— Да не шугайся ты, — Наконец отпустил я его. А вот то, что народ тут про пасеки не слышал, конечно странно. Неужели до сих пор люди по лесам за мёдом лазают. Нет уж, это не дело! — Значит, поступим мы вот как. То, что ты сейчас имеешь — твоё по праву, потому как всё же честным трудом заработано. Однако ты скрыть хотел то, сколько имеешь и налога не платить за это. А потому штраф на тебя накладывается в половину от твоего имущества. Это на первый раз. — Кучер задумался, но продолжал нервничать. — Лейтенант, распорядись половину мёда и воска изъять. — Иван стал раздавать команды и гвардейцы спешно принялись за правосудие. — Запомни ты и все, кто слышит меня, — Я заметил, что вокруг всей этой ситуации стали собираться люди. — Закон всемогущ и беспощаден. Он благоволит тем, кто его соблюдает и карает того, кто смеет его нарушить. И ежели ты ещё раз посмеешь наплевать на мои слова, простым штрафом дело не обойдётся! Да будет так,

ибо слова мои и воля моя в этом селении есть правда, закон и благодетель для народа, здесь живущего. — Обвиняемый бросился мне в ноги с нечленораздельными благодарностями за сохранённую жизнь.

— Командир, ровно половина всего имущества нарушителя изъято. — Отрапортовал Иван.

— Можешь ехать. Но помни, ничего непотребного в этом месте не останется безнаказанным.

Глава 6. «Выгорание»

16(30) ноября 1505 года.

Воскресенье! В последние недели я стал ждать этого дня ничуть не меньше крестьян. И дело вовсе не в том, что мне так уж не терпится сходить в местную церковь. Хотя этот процесс при всём желании пропустить нельзя. Просто воскресенье, как ни странно, — день выходной, а значит нет нужды в семь утра бежать на мануфактуру, потом работать над чертежами и механизмами в личной мастерской Жака, не нужно моё присутствие и на тренировках гвардии.

В общем, не день, а сказка. Обычно по воскресеньям я отправлялся в Новгород, где проводил выходной в своё удовольствие. С футбольной командой которая еженедельно делает успехи, за что и получает неплохое жалование, с Генрихом и, конечно же, с Анной. Правда я по своей инициативе не так давно ввёл в этот день «право на крестьянские челобитные», что означает: «Приходи любой оборванец, да спрашивай и говори господину помещику, что душе твоей угодно». Сначала, конечно, мероприятие это особого ажиотажа у местных не вызвало. Ну как же это так — барину говорить, что думаешь?

Однако когда один самый прогрессивный из числа зажиточных решил спросить у меня денег в рост на покупку в Новгороде продвинутого европейского ткацкого станка, все, как мне потом доложили, сначала его жалели, да отговаривали. Думали, не сдержится барин и за наглость холопскую точно прибьёт. Это ладно, если провизией занимать у помещика, но он же для личной выгоды деньги просит! Ну, может с прошлым помещиком так бы всё и было.

Я же не просто дал ему вдвое больше, чем он просил, но и заключил с ним официальный договор: я даю ему денег на два станка, а он же обязуется в течение трёх месяцев вернуть мне ту же сумму, без роста, а после сбывать весь товар либо мне, либо местным. Ну и охрану в пути до города и обратно к нему приставил. Исключительно из соображений безопасности. Его жизни и моих денег, конечно.

В итоге сейчас этот самый крестьянин получил стабильный источник дохода и вот-вот купит третий станок, а я заимел первый в селе объект свободной рыночной экономики, поставляющий местным относительно дешёвую и, что самое главное, доступную ткань, а с недавних пор и одежду. К тому же, после этого инцидента количество заинтересованных в моей помощи крестьян резко выросло. Я, конечно, не оплот социализма, а потому на откровенный бред денег не давал, однако несколько здравых идей мне всё же поступило.

Вот и сегодня с утра к моему подворью выстроилась небольшая очередь, среди которых я заметил и непривычно взволнованного Ефима. Ему, как старосте, остальные крестьяне уступили место в очереди. Староста деревни робко вошёл в ту самую комнату с круглым столом, где я уже ждал его на своём месте. Закрыв за собой дверь в приёмную Ефим почтительно поклонился и осторожно сел в кресло напротив меня.

— Здрав будь, Александр. — Смирно произнёс он.

— И тебе привет, Ефим. — Как можно более благодушно поздоровался я с ним. — Ну, неужто и ты решил своё дело в деревне открыть?

— Да что ты, — Улыбнулся наконец он, — Куда мне, старику! Дело у меня другое, барин. — Вновь перешёл на серьёзный тон староста. — Небось, ведаешь ты, что скоро Юрьев день, то бишь, значит, выход крестьянский. — Я напряг память. Так-так, Юрьев день, Юрьев день... Что-то знакомое, но всё никак не вспомню, что за день это такой.

— Ну так какие вопросы, Ефим? — Наконец решил я разрядить тишину. — Ежели праздник, то конечно выходной организуем рабочим! — Староста сверкнул на меня взглядом, но, похоже, сам вспомнил, что я вроде как не местный и глубоко вздохнул.

— Неужто не знаешь ты, барин, что за праздник это такой? — Не получив ответа, Ефим продолжил. — Ну, значит, издавна повелось, что один день в году, то бишь в Юрьев день, все холопы, что долгов перед барином не имеют, способны от него по воле своей перейти к другому помещику. — В моей памяти всё сразу встало на свои места. Ну конечно! Как я мог забыть про столь значимый праздник?

— Так, это я понял. Но неужто ты решил на старости лет меня покинуть, Ефим? — С искренней и нескрываемой досадой спросил я.

— Да что ты, Александр, упаси господь! — Перекрестился староста. — Тут дело другое. Видишь ли, барин, у меня в соседнем селе шурин с семьёй живёт, младший брат жены моей покойной, царствие ей небесное. Так вот он мужик хороший, на все руки мастер. А тебе, помнится мне, нужны такие.

— Нужны, — Заметно повеселев, согласился я.

— Но вот барин ихний лютует в последние годы. С холопов своих последние нитки сдирает, да оброком облагает непосильным. — Ефим вздохнул и опустил взгляд. — А семья у него большая, ртов вельми много. В общем, прошу я тебя одолжить мне денег, чтобы долги его выплатить. А после уж он в Юрьев день сюда, в Борки, переберётся, да с лихвой всё на самострельной фактуре отработает. — Я для вида задумался, чтобы не казаться совсем уж расщедрившимся человеком. Ведь по сути предложение очень уж вкусное. Но прожжённый староста, похоже, по моей еле заметной улыбке понял, что я не откажу и изрядно просветлел.

— Вот что, Ефим. — Я поудобнее расположился в кресле. — Мы с тобой сделаем вот как: я денег дам тебе на откуп от долгов шурина твоего. И дам я их тебе безвозмездно, потому как прав ты, люди мне сейчас очень нужны. Однако и ты для меня услугу окажешь.

— Всё, что в силах моих, барин, всё для тебя сделаю. — Абсолютно серьёзно проговорил он.

— Всем людям в Борках скажи, что ежели у них какие родичи в деревнях да сёлах соседних имеются, да хотят жизни лучшей для себя, ну то есть, здесь, пусть приходят и спрашивают у меня денег в долг на их откуп. Эти деньги, правда, уже возвращать придётся. Ну или отрабатывать, это уж как кому хочется. Однако с этим я торопить не буду. Всё же прав ты — нужны мне люди.

Передав нужную сумму Ефиму, я проводил достопочтенного старосту деревни и вновь принялся за работу. Ещё с пол часа люди заходили исключительно с бытовыми вопросами, на большинство из которых я уже устал отвечать в черт знает какой раз. Однако вскоре, видимо, сработал эффект снежного кома и всё больше людей приходили ко мне за деньгами, дабы выкупить своих родичей у соседних помещиков. Таковых оказалось довольно много, и хоть абсолютное большинство хотели выкупить далеко не самых близких родственников, я с лёгкостью прощался с не такими уж и большими суммами денег, закрепляя за крестьянами долг документально, разумеется.

— Командир, Мстиславский караван с города пришёл! — Окликнул меня запыхавшийся рядовой гвардеец, бесцеремонно влетевший в поместье, когда я провожал очередного крестьянина. Хотел я сначала отчитать парня, но всё же ожидание очередного еженедельного пополнения моей казны дало мне такой заряд позитивной энергии, что все

мысли о штрафных санкциях в сторону рядового быстро улетучились.

Я вышел на улицу и, вдохнув полной грудью морозного воздуха, по тонкой, но скрипучей полоске снега, засеменял в сторону мануфактуры. Сегодня в Борки за очередной партией арбалетов пожаловал и сам Мстислав. До этого он лишь еженедельно отправлял в деревню пару повозок, которые везли мне серебро, а от меня — самострелы. Но сейчас, по всей видимости, что-то заставило Новгородского купца самостоятельно явиться ко мне в гости. Самого Мстислава я нашёл на дворе мануфактуры. Сейчас само здание закрыто на выходной, после которого у меня в планах капитальные изменения в работе предприятия. Однако даже если бы Мстиславу удалось попасть сюда в рабочий день — в здание его всё равно бы не пустили. Увы, но таковы правила, мною же и введённые: никто, кроме работников, не может находиться внутри.

— Да-а, Саша, дивное ты дело затеял, — Присвистнул Мстислав, осматривая внушительных размеров цех. Мы с купцом обменялись взаимными любезностями.

— Рад, что смог тебя впечатлить. — Скромно ответил я.

— И не только меня! — Опомнился Мстислав. — Вчера первый корабль пришёл, что сотню твоих самострелов в балтию повёз.

— Ну и что же там?

— Так всю эту сотню чуть было в Риге местный воевода крепости не перехватил! Так ежели б ты наказ не давал всё в одни руки не сбавлять, так и выкупил бы. А цену заломил... — Мстислав мечтательно прикрыл глаза. — В общем, заказов поступило уйма. С Ревеля, Киля, Штеттина и ещё с десятков городов хотят купить. А в Копенгагене и вовсе заказ аж на пять сотен штук! — Казалось, прожжённый Новгородский купец вот-вот взлетит от предвкушения.

— Боюсь, это только к весне. — Поспешил огорчить его я.

— Да... — Опомнился он, спустившись наконец на землю. — Но как лёд сойдёт — я тут же целый корабль токмо с самострелами твоими отправлю!

— Добро, Мстислав. — Улыбнулся я купцу. Мы тем временем уже подошли к складу, откуда в повозки грузились ящики с арбалетами внутри. — Кстати, на следующей неделе ты караван не отправляй, не будет самострелов.

— И почему же? — Разочарованно всплеснул руками он.

— Я думаю новое производство начинать. Да и зачем тебе сейчас эти самострелы, когда торговля во льду?

— Местные тоже интерес не дюжий проявляют. — Пожал плечами Мстислав.

— Хм, — Я задумался. Ведь по сути выгоднее будет на самом деле дать Мстиславу свободно торговать моим товаром, потому как до его купеческого влияния в городе мне всё же далеко, чем бы я не пытался торговать. — Ну, раз даже местные заинтересованы. Тогда торгуй. Только цены не заламывай. Всё же здесь тебе не там, а Новгород не Рига. И к арбалетам тут люди как ни крути не привычны.

— Ходят слухи, что сам воевода челобитную царю пишет, дабы тот денег на закупку выделил.

— Да ну? — Искренне удивился я. Раз уж даже наверху задумались о вооружении самострелами моего производства, явно стоит серьёзнее отнестись к этому делу. Хотя казалось бы, куда ещё серьёзнее? — Кстати, как там с воеводой, не слышал?

— Говорят, поправляется от ран, — Пожал плечами Мстислав. — Кстати, когда думаешь игру в ногомяч снова учинять? — В глазах купца вновь мелькнули меркантильные

искорки.

— Пока не знаю, — Вздохнул я, — Работы уж очень много.

Тем временем погрузка самострелов закончилась и повозки были проведены в полную готовность к отправке. Мстислав рассчитался со мной за очередную партию оружия, после чего неохотно покинул деревню.

Вот уж не ожидал я, что мой продукт вызовет такой ажиотаж. Конечно, я примерно понимаю, с чем связан такой успех. Скорее всего, покупателей зацепила непривычная для этого типа оружия мобильность и практичность, при том, что в мощности он не сильно уступал своим более громоздким конкурентам. А вот стоимость их раза в полтора ниже средней стоимости самострела даже здесь, в России, где это оружие мало кому интересно. И даже при такой стоимости я работаю в огромный плюс, ведь по моим подсчётам себестоимость каждого арбалета примерно в пять раз ниже той, за которую я его продаю.

Я рассчитывал, что хоть по дороге домой смогу побыть наедине со своими мыслями. Однако мои надежды разбились в прах, когда я услышал знакомый басовитый голос главного кузнеца Астафия. Он со своей кузницей без проблем переехал поближе к мануфактуре и уже неплохо отстроился здесь. Не без моей помощи, конечно.

— Барин, стой! — Догоняя меня, пробасил он.

— Слушаю тебя, Астафий, — Я взял себя в руки, хотя факт перетекания единственного выходного дня в рабочий постепенно выводил меня из себя.

— Мастер этот твой, Жак, уж больно много всякого разного заказывает. Тут ему отлей чёрти-что, здесь перекуй! Нет, ежели дело годное, то я только рад, но ведь у меня сегодня крица закончилась и уголь вот-вот весь выйдет! — Широченный в плечах кузнец смешно расплылся и жестикулировал, стараясь донести до меня своё искреннее негодование.

— Успокойся, Астафий. — Совершенно спокойно оборвал его я. — Крица с углём завтра с Новгорода придут, ты же знаешь.

— Так мне теперь что, почти весь день без работы сидеть? — Разочарованно всплеснул руками он.

— Считаю я даю тебе выходной, за выслугу лет, — Молодой кузнец задумался, переваривая услышанное и медленно кивнул. — Кстати, как там твои подмастерья?

— Ах, эти обалдуи? Честно, барин, вот те крест — руки у этих мужей как пить дать из задницы растут. Я их доковки едва ли когда допущу. — Астафий на мгновение задумался, а после продолжил уже заметно тише и уже не так уверенно. — Но знаешь, тот арапчонок, вот он точно не от мира сего. — Мне показалось, что в глазах всегда уверенного в себе кузнеца сверкнуло нечто, напоминающее страх.

— Ты о чём это? — Если мгновение назад я хотел поскорее закончить этот разговор, то сейчас мне стало искренне интересно.

— То, что языка он нашенского не понимает, это понятно. — Махнул рукой Астафий. — Но вот как этот парень с молотом работает — только подивиться можно! Да у меня отец так в лучшие годы с инструментом не обходился! Чувствует он металл, не иначе. Да ещё в последние дни всю печь мою ругать навадился. Понимаю я его худо, но как понял, мала она, да жара много не даёт. Уж не ведаю, как у них на юге куют, но отец говорил, что уклад самый добрый издревле от туда идёт. — И снова я вношу заметку в свою голову, одну из множества ранее внесённых. Минад, так звали чернокожего парня, он ведь из Персии, если верить работорговцу. А если он знает что-то о доменных печах, значит нужно выжать из этой информации максимум.

— Спасибо, Астафий, ты мне очень полезные вещи донёс. — Я хлопнул по плечу кузнеца, пожимая тому сильную руку. — А к Минаду прислушивайся, он и вправду кузнец толковый.

Хоть день сегодня и выходной, но тянулся он невероятно долго и мучительно. Казалось, сегодня вся деревня говлрила со мной раза три, не меньше. И все на разные темы. В общем, к концу дня голова нещадно гудела и стоило мне опустить её на кровать, как мозг тут же прожал аварийное выключение и я отправился на внеплановую перезагрузку.

Но даже во сне я видел своё бремя, которое я же так опрометчиво взял на себя. Мне снилось многое, от головокружительного успеха, до полного краха. Не помню, сколько раз я просыпался, но когда мне в голову наконец забралась на первый взгляд гениальная идея, я соскочил как ужаленный и с полными безумством глазами влетел в комнату к Максиму.

— Какого хрена, Саня? Если мы не горим и нас не напали, я не встану! — Уверенно заявил он. Впрочем, это не помешало мне самостоятельно поднять бедолагу и уже через минуту мы вдвоём сидели за столом при свете единственной свечки. Я — безумный и заряженный, он — злой и сонный.

— План капкан, Макс! Смотри: в следующем году берём треть всех крестьянских подворий, им передаём землю на правом берегу, весь скот и всё для хозяйства, проводим аграрную реформу, осваивая и засеивая целину на юге. Таким образом, малая часть, сосредоченная на сельском хозяйстве, формирует колхоз, который кормит производственную массу. — Я, тяжело дыша, опухшими глазами уставился на Максима.

— Это всё чертовски интересно. — Наконец заявил он. — Но напомни мне, почему эта идея не могла подождать до утра?

— Я... — И тут я стал приходить в себя. — Прости, Макс, я не знаю, что со мной. Всё как будто в каком-то тумане.

— Тебе нужно отдохнуть, — Уверенно заявил он. — Езжай в Новгород на неделю, отдохни, проведи пару матчей. Народ соскучился по ногомючу. В конце концов проведи время с Анной.

— Думаешь?

— Я уверен! Да и мне как-то не в кайф третий раз за неделю вот так соскакивать.

— А кто здесь будет всё это разгрести? — Задал я закономерный вопрос.

— Не волнуйся, совет справится, — Подмигнул мне Макс. — Составь список дел, которые нужно закончить на неделе и езжай себе спокойно.

— Да... Да, наверное ты прав. Спасибо, Макс. — Впервые за долгое время я почувствовал какое-то облегчение, как будто душа смогла наконец раскрыться в полной мере.

— И это, — Окликнул меня Максим, когда я уже стоял в дверях его комнаты. — Сестре лейтёхи твоего, Светлане, привет передавай от меня. — Максим смущённо улыбнулся, а я, глубоко вздохнув, прикрыл массивную дверь. Отдохнуть. Да, пожалуй действительно стоит.

Глава 7. «Отпуск»

Семь дней отдыха. Семь дней беззаботного существования. Целая неделя. Вот оказывается, чего мне не хватало всё это время. В понедельник утром я встал привычно рано и, как можно быстрее седлав коня, с глупой и беззаботной улыбкой на лице отправился в город. Мне настолько хотелось побыстрее отрешиться от всей этой монотонной и очень утомляющей работы, что даже завтракал я в седле скромным сухим пайком из походного рациона гвардейцев.

Конечно, двигаться в абсолютном одиночестве я не собирался. Для этого помимо отваги, нужно иметь, наверное, ещё и слабоумие. И пусть уровень преступности в окрестностях Новгорода был относительно низок, это не помешало мне объявить гвардейцам внеплановые учения, в которые главным образом входила организация моего эскорта до города.

Если не торопиться, то в прогулочном темпе до северной столицы России, на данный момент, можно добраться в среднем за час. И хоть это сравнительно не много, от монотонного цокота копыт и качки в седле, которых я вдоволь натерпелся во время летней компании, на меня начало накрывать острое и чертовски неприятное дежавю.

По приезде в Новгород, я первым делом направился в своё первое поместье, которое продолжало неплохо жить своей жизнью в моё отсутствие. Предусмотрительные и хозяйственные слуги, которых я поселил в казармах, некогда принадлежавших гвардейцам, отлично чувствовали себя, питаясь продуктами преимущественно собственного производства. Сами же гвардейцы на время моего сопровождения и охраны в процессе недельного отпуска, поселились в поместье, в котором до их заселения мрачно пустовали множество небольших, но уютных комнаток на первом этаже.

Конечно, держать скот в пусть и не очень плотно застроенном, но всё же городе было несколько накладнее, нежели чем в деревне, однако пара коров и две дюжины кур вполне комфортно ощущали себя на просторном подворье, некогда объединённом аж из трёх средних участков, обеспечивая местных жителей достаточным объёмом молока, которое лишь в небольших количествах употреблялось в изначальном виде, и яиц. Уже довольно давно мои городские крестьяне приловчились делать из молока самые разные продукты. От творога со сметаной, до масла с сыром. Последний стал неплохо получаться только недавно и только после не слабых вложений с моей стороны.

Первый день своего долгожданного отпуска я посвятил себе, просто умиротворённо лежа в мягкой постели, потягивая прохладный квас из ледника и заедая его местными деликатесами, которые хоть и не вызывали восторга, но со своей задачей вполне себе справлялись. Прислуга же получила от меня в тот день одно-единственное указание: не появляться на втором этаже поместья, где я и расположился, без совсем уж уважительного повода. Как оказывается иногда приятно просто побыть в тишине наедине с собой. И совсем нисколько не скучно, ведь именно о таком состоянии я мечтал очень долгое время. Всё же какой бы увлекательной не была игра в помещика и первого на Руси бизнесмена-буржуа, вся эта суматоха ну очень выматывала неподготовленного к таким скоростям меня. Правда, справедливости ради, к концу дня блаженство и умиротворение мне поднадоели, а потому я позволил себе выйти во двор и даже присоединиться к вечерней тренировке гвардейцев. Как говорится: в здоровом теле — здоровый дух.

Второй день моего отпуска впервые за долгое время начался таким образом, что мне пришлось пропустить завтрак. И вовсе не потому, что очередная проблема требовала моего срочного решения, а потому что я банально проспал практически до обеда. Не помню, когда в последний раз спал так долго. Тем не менее, состояние моё мне скорее нравилось. Я неспешно пообедал, после чего так же неспешно прошёлся по двору, наслаждаясь забытой возможностью ничего не делая.

Впрочем, долго сидеть совсем уж без дела я не мог, а потому очень скоро стал задумываться, чем бы себя занять. Однако решение пришло само собой, в виде юного парнишки, что принёс приглашение от Генриха с просьбой как можно скорее явиться к нему в гости. Что ж, не вспомню, когда я отказывался от приглашений Майера. Так зачем же нарушать традицию? И хоть фактически до поместья Генриха было не более пяти сотен метров, статус обязывал меня добраться до него верхом. Да и улицы города в это время года, как впрочем и всегда, чистотой своей не баловали, а потому обязательство ехать верхом я принял скорее как положительное.

Впрочем, я не могу предположить, что именно приготовил для меня Генрих этот раз. Потащит на охоту или на рынок? А может снова званый ужин? Хотя вряд-ли. В таком случае это было бы прописано в приглашении. А может Майер-старший и вовсе наконец собрался с силами и выполнил давно данное хмельное обещание собрать футбольную команду из своей прислуги?

В любом случае, мотаться туда-сюда мне не хотелось, а потому я взял с собой и арбалет, который с недавнего времени удобно хранился в эксклюзивном чехле, пристроенном к седлу, и длинный чёрный плащ, который завязывался в районе шеи, однако оставлял рукам частичную свободу и сделанный из практически непромокаемой ткани, на случай, если моему германскому другу вдруг приспичит покинуть блага цивилизации. Захватил я и кошель с парой тройкой рублей мелочью, который, из-за впечатляющих размеров, так же пришлось привязывать к седлу. Это на случай, если благородный господин, падкий на разного рода ноу-хау вновь потащит меня на торговую площадь. Взял я с собой и удобную обувь из будущего. До сих пор кроссовки в этом времени я надевал лишь пару раз, и те были приурочены к нескольким тренировкам новоявленной команде в ногомач, с которыми я провёл несколько совместных тренировок, так сказать, вспоминая молодость. Вот только у недавно появившегося в Борках портного всё никак не получается создать что-то похожее на продукт фирмы «Найк».

И вновь лай псов, раздражённых чужим духом, зазвучал, стоило мне постучать в ворота поместья Майера. Хотя стоп, сейчас лаяла только лишь один грейхаунд. Что ж, странно. Натренированный к подобному конь лишь презрительно фыркнул паром из широких ноздрей и продолжил меланхолично пощипывать редкую жёлтую траву, скромно выглядывающую из под тонкого слоя снега. Я же ещё пару раз ударил по высокой дубовой калитке. Так, на всякий случай.

— О, Саша, дружище! — Разразился чередой любезностей вечно приветливый мне Генрих. Стоило ему заговорить, как всякие недовольные звуки со стороны собаки резко прекратились. — Проходи, проходи, у меня для тебя есть кое-что. — Мы под весёлые и, вероятно, малость хмельные рассуждения Майера вошли в дом, где мы сначала встретились глазами с его благородной матушкой, которая лишь бросила на меня холодный взгляд и, на удивление, поздоровалась на очень хромом русском языке.

Гораздо приятнее была встреча с Анной, которая вначале смущённо опустила взгляд, но

потом всё же опомнилась и, как велит положение, с почтённым поклоном поприветствовала меня. Натянутая серьёзность и покорность вовсе ей не идут. Но, стоит заметить, что играет эту роль она отнюдь не плохо, и лишь блеснувшие на мгновение глаза дали мне понять, что передо мной всё та же остроумная девушка, которая составляла мне компанию чуть ли не каждый вечер моего пребывания в городе в предыдущие недели.

Мы прошли насквозь почти всё вытянутое здание поместья, пока наконец не вышли к заднему двору, где в небольшой комнате, играющей роль некоего тамбура, остановились. Света здесь было очень мало, лишь пара свеч бессильно трепыхались, борясь за существование. Генрих наклонился куда-то вниз, в тёмный угол. Заглянув ему за плечо, я заметил свернувшееся калачиком, томно дышащее мохнатое тело. Сначала я подумал, что один из грейхаундов заболел, но стоило собаке поднять голову, как мне открылись трое совсем маленьких щенят, с жадностью прилипших к своей матери.

— Очень... — Я старался подобрать слова, чтобы выразить своё искреннее удивление. — Очень мило. — Наконец выдавил я из себя банальную фразу.

— С твоего позволения, Саша, как они подрастут, я подарю парочку тебе. — Вдруг, улыбнувшись, заявил Генрих.

— Что ж, это очень любезно с твоей стороны. — Мы, рассмеявшись, пожали руки и направились в гостиную. Следовало соблюсти формальность и отметить моё появление в городе, которое стало редкостью за последнее время.

Впрочем, долго сидеть мы не планировали, а потому уже через пол часа прогуливались по вдоль и поперёк истоптанной нами торговой площади. Компактный арбалет разместился на левом бедре и вообще не выпирал благодаря широкому плащу. Достать же его можно в одно движение благодаря, опять же, продвинутому универсальному чехлу. Хм, пожалуй стоит начать их массовое производство и добавлять в комплект к самострелу.

Однако, нельзя сказать, что мне подобные прогулки мне докучали. Скорее даже наоборот — во время них мы с Майером могли поговорить, а торговцы очень часто удивляли своим товаром даже меня. Правда, в связи со скорым приходом зимы приток купцов как с технологичного севера, так и с богатого юга очень сильно потух. Однако этот факт не помешал нам пройти по изрядно поредевшей, но все ещё величественной торговой площади.

— Как дела с Анной? — Вновь поднял старую тему Майер.

— Всё так же неплохо, как в прошлый раз, Генрих, — Уклончиво ответил я. — И в позапрошлый. И позапозапрошлый. И...

— Я понял, Саша, я понял! — Усмехнулся он. — Просто мне, как главе дома, это очень важно.

— Хочешь скорее со мной породниться? — Скопился я на Генриха.

— О, а смотри какие сапоги! — В чем в чем, а в смене темы Генрих был столь же хорошо, сколько я в управлении космическим шаттлом. — Эу, хозяйева! — Окликнул он продавца, который куда-то вдруг запропастился. Но стоило нам поднять небольшой кипишь, как из-за парусиновой занавески, укутанный в смешную меховую одежду, вышел наш старый знакомый.

— Мартин! — Разразился радостным криком Генрих, — А дальше шло множество быстрых фраз на немецком, некоторые из которых я с непривычки даже не смог перевести. Однако сам Мартин, как мне показалось, не спешил выражать взаимную радость встрече и на протяжении всего диалога сохранял напряжённость и даже какую-то недосказанность.

— Неужто прославленный датский торговец замёрз в русских землях? — Я указал на уж очень громоздкую накидку, в которую укутался купец.

— И не говори, — Отмахнулся он, — Если у вас так в конце осени, то я боюсь представить, что у вас здесь зимой.

— А что, в Дании разве зимой не холодно? — Удивился я.

— Холодно, конечно. — Нехотя согласился он. — Но я последние две зимы лично посещаю новые земли на западе. Говорят, их стали называть «Америкой».

— Бред! — Возразил Генрих. — Отец лично общался при мне с одним из моряков-первооткрывателей, отец же был одним из спонсоров экспедиции. Я тогда маленький был, но хорошо запомнил, как он уверял всех в том, что их капитан нашёл ни что иное, как золотую Индию! — Я даже имя того паренька запомнил. Как же его... Фриставор. Христор...

— Христофор? — Уточнил я.

— Да, именно! Правда черт его знает, как судьба занесла этого испанца на английский корабль. — Вот же черт! Генрих видел самого Колумба! Правда, вряд-ли это был тот же самый Колумб, который открыл Америку в моей реальности. Скорее история просто старается всеми силами привести себя в порядок после активной деятельности попаданцев и полного переплетения всевозможных континуумов.

— Нет, всё же это не Индия. — Покачал головой Мартин. — О богатстве там и речи не идёт, лишь на отдельных островах есть какие-то ресурсы. Дикая племена, много леса, хищников и болезней. Только и всего. Впрочем, если везти туда оружие, да блага цивилизации, а обратно — диковинки местных туземцев, то весьма приятный отдых в тёплых морях окушается. — Слова Мартина второй раз за минуту ставят меня в ступор. Как же так? Америка без золота, серебра и драгоценностей? А где же они тогда... Ну конечно! Всё встаёт на свои места. Если я правильно всё понял, то ресурсная база территории Америки в этой реальности каким-то образом поменялась с европейской частью России. Но как тогда объяснить то, что Россия в данный момент очень сильно отстаёт от Европы технологически, даже имея налаженные торговые связи? Или эти ресурсы пока не добывают в полную силу? Вопросов всё больше, ответов всё меньше. — Только вот простые моряки гибнут бесчестно — зубы теряют, да от жара сильного помирают. И никто ума не приложит, от чего они мучаются.

— А ты им попробуй к сухарям да мясу сушеному капусты квашенной в паёк положить. — Улыбнувшись сказал я.

— Это ещё зачем? — Удивился он.

— А ты сначала сделай, а там увидишь. — Я-то понимал, что матросы Мартина каждый раз болеют цингой и им просто необходим витамин «С», которого в избытке в традиционном и долгохранящемся объекте русской кухни.

— Ты привёз кислоту? — Наконец перешёл я к деловой части диалога.

— Что, прости? — Не понял Мартин. И вновь я замечаю, что голос его подрагивает и говорит он как-то... Полу-шёпотом, что-ли?

— Ну, ту жидкость, что съедает живое. — Как только я озвучил примитивное определение термина «кислота», глаза торговца забегали, а сам он пару раз обернулся.

— Да, да, конечно. — Мартин удалился обратно за ширму. Не было его минуты две и почти всё это время он с кем-то активно спорил. Это было слышно, даже при том, что Мартин, похоже, старался говорить как можно тише.

Наконец, пошатываясь, Мартин вынес сначала Один крупный глиняный горшок. Сразу за ним вышел долговязый мужчина лет пятидесяти. Цепкий взгляд его зелёных глаз остановился сначала на Генрихе, потом на мне.

— Простить прошу, — Начал он на ломаном немецком. — Вы покупать это? — Он указал на горшки с кислотой.

— Да, — Почтенно ответил я, — А что? Мартин явно напрягся и занервничал. Пожилой же мужчина обрадованно удивился и поспешил ко мне.

— Моё имя — Оскар Ларсен, — Пролепетал он, фанатично пожимая мне руку. — Это я делаю сию чудную смесь, милорд. — Я строго взглянул на Мартина, от чего тот испуганно отвёл взгляд. Похоже, этот торгаш просто не хотел выдавать мне этого химика, а в наглую сбывать мне его товар, наживаясь на этом. Генрих, похоже, тоже понял нехитрую схему и, нахмурившись, замолчал.

— Очень приятно, Оскар. Меня зовут Александр. Вы знаете, ваша кислота имеет огромный потенциал.

— Благодарю, милорд, — Мужчина скромно поклонился. — Я занимаюсь алхимией уже довольно долго, однако в христианском мире это не очень-то поощряется. — Оскар озадаченно почесал седой лоб.

— Вы знаете, господин Ларсен. — Я наклонился к прилавку, чтобы придать нашему разговору элемент конспирации. — Меня так же как и вас не сильно привлекают религиозные запреты. Однако в моей деревне приют и возможность для работы получают все светлые умы, которые только есть. Я бы хотел предложить вам работать на меня. За солидную плату, разумеется.

— О, господин, я польщён вашим предложением, однако звон монет влечёт меня гораздо меньше, чем тяга к познанию этого мира. — Только сейчас я заметил, что для успешного химика Оскар выглядит уж очень... Скромно. Блеклый плащ, заношенные туфли и повидавшие виды штаны с заплаткой на колене. Одним словом — аскет.

— Это замечательно! — Воскликнул я. — Мне нужны в первую очередь умы, а не наёмники. Уверяю, вы получите полную свободу действий и достаточное количество ресурсов для ваших опытов. — Я заметил, как с каждым словом глаза датчанина загорались всё ярче. Рука его, как будто отдельно от тела протнулась ко мне в рукопожатии, а губы сами произнесли заветное «по рукам».

— Генрих, не мог бы ты проводить нашего нового специалиста и до моего возвращения отвлечь его у себя? Мне нужно зайти на стадион. — Я с невероятным облегчением перешёл на русский.

— Да, без проблем. — Пожал плечами Майер. — Подождав, пока они удаляться, я наклонился через прилавок к Мартину. Тот испуганно застыл в ступоре. Я же невзначай приоткрыл плащ так, чтобы был виден самострел.

— Спокойно, Мартин, не дёргайся. — Убедительным тоном начал я. — Мне известно, что ты желал нажиться на мне, не выдавая Оскара и продавая мне его товар.

— Господин, простить прошу, — Перепуганно залепетал он.

— Спокойно. У меня к тебе деловое предложение. — Страх в глазах Мартина потихоньку стал спадать, уступая место меркантильным искоркам. — Раз с торговлей товаром у нас с тобой не вышло, будем торговать людьми.

— Я честный христианин и рабство не приемлю, — Гордо заявил он.

— А я и не об этом. — Я ещё сильнее наклонился к Мартину так, что практически

говорил ему на ухо. — Я буду платить тебе за умных людей, таких как Оскар, если ты сможешь их заинтересовать и доставить в Новгород. Вот это, — Я положил ему в руку увесистый мешочек, в котором ждали своего часа множество монет, общей суммой около пяти рублей. — За Оскара.

— Ваше предложение, милорд, весьма щедро. — Мартин спрятал кошель под прилавок, озираясь, — боюсь, я не смогу от него отказаться.

— Ну вот и славно, — Я подмигнул Мартину и, седлав подведённого курсировавшими рядом гвардейцами коня, рысью направил скакуна дальше по шумной улице, оставив Датского торговца одного со своими мыслями.

«Стадион»(Ну, в смысле поле, окружённое тремя рядами скамеек в высоту) в последние месяцы редко когда пустовал. Чаще всего там собиралась разного рода ребятня, однако пару раз мне доводилось видеть и то, как вполне взрослые граждане, ремесленники, купцы и даже воины из полка собирались, чтобы вполне организованно попинать мяч. Мне даже пришлось занять на пару дней Тихона и самых рукастых в деревне мужчин, чтобы те попыхтели над ещё несколькими десятками мячей, которыми я впоследствии насытил небольшой Новгородский спрос, продав их за бесценок. Пусть пришлось поработать в минус, однако это запустило необратимый процесс популяризации ногомяча не только как в виде зрелища, но и как в виде вполне доступной всем игры.

Сейчас же, после обеда, здесь по установленной традиции проводили тренировку строго по данным мною установкам, те самые пацаны, что собрали первую сильную команду в городе. В будущем, когда ногомяч выйдет за пределы Новгорода, организация матчей и прибыль с них выйдет на принципиально новый уровень.

Я вошёл на стадион с единственного входа, однако увлечённые игрой, ребятня не заметила моего тихого появления. Сейчас команда насчитывает уже десять человек, что позволяет им играть двухсторонку пять на пять, чем они сейчас и занимаются. Одна пятёрка для удобства и во избежании путаницы накинула на себя белую материю, на подобии маек, прямо поверх тёплых короткополых армяков.

Вот команда в майках начинает опасную атаку по дальнему флангу. Получив мяч, тот самый юркий капитан, сын плотника Никита, одним движением убрал со своего пути одного защитника, неоправданно выбросившегося на него первым, потом на скорости ушёл от второго и, метров с десяти, зарядил мячом в самую девятку. Все игроки поголовно похлопали такому проявлению мастерства и только сейчас стали замечать моё присутствие. Игру остановили, а игроки обступили меня. Каждый силился первым пожал мне руку.

— Так ребят, сейчас сделаем вот как, — Начал я, переобуваясь в кроссовки. — Ты, — Я указал на защитника, которого уж очень просто убрал Никита. — Отдохни пока, я встану на твоё место. И наблюдай внимательно за мной. — В глазах у парня не было ни капли досады. Скорее наоборот — он как бы даже обрадовался оказанному вниманию.

Мы продолжили матч. Я занял непривычное мне амплу защитника, однако это было необходимо, поскольку именно защита, а не нападение, сейчас нуждалось в усилении. Спустя пару минут безуспешных попыток нашей, серой команды организовать атаку, белые вновь получили мяч и Никита, прорываясь по своему любимому правому флангу, не без труда пропихнул мяч мимо широченного сына кузнеца и сейчас я остался последним рубежом перед практически беззащитным вратарём.

В целом, я уже понял, по какому алгоритму работает этот скоростной вингер: он ждёт, пока неопытный защитник сделает движение в одну из сторон сместит центр тяжести, а он в

этот момент, благодаря своей компактности и мобильности, уйдёт в противоположную сторону. Очень банально и просто. Но это для меня. Для них же подобный дриблинг в данный момент невероятно прогрессивен.

Что ж, пора спустить паренька с небес на землю. Когда между нами оставалось каких-то пару метров я сделал подшаг вправо, как бы открывая для него пространство. Есть! Ключнул. Стоило мне оставить свободную зону и сымитировать потерю равновесия, как мяч вместе с игроком оказался там. Однако на самом-то деле я уверенно стоял на двух ногах и без труда в один прыжок оказался перед Никитой и тут же отшагнул в сторону, но уже с мячом. Парень ещё пробежал по инерции несколько метров, прежде чем осознал, что желанного снаряда в ногах больше нет.

Я же спокойно и без сопротивления пробежал до центра, сыграл в стенку с сокомандником, и, накрутив на скорости последнего оппонента, оказался в ситуации два в один. Жадничать не стал и благородно отдал мяч долговязому парню на пустые ворота. Тот не растерялся и от всей души залепил в дальний угол.

Мы поиграли ещё почти час, за который я успел раздать полезных советов всем, от вратарей до нападающих. Когда же мы, уставшие но довольные покинули примитивный стадион, мы наткнулись на кавалькаду солдат, с серьезными лицами приезжающих по улице. Среди них я узнал и знакомого сотника, Григория, одного из тех, что поддержал меня в трудный момент в походе и встал на мою сторону, когда тяжкая ноша воеводы упала на меня.

— Стой! — Скомандовал своему отряду он. Всадники натянули поводья и лошади, фыркая, нехотя остановились.

— Рад тебя видеть, Григорий, — Поприветствовал я бывалого ветерана. — К чему такая суета?

— И тебе привет, Саша, — Улыбнулся в усы он. — Царь Иоан войско свейское разбил и в Новгород направляется. В это седмицу должен здесь быть. — Вот же блин! Не получится у меня всю неделю самому любимому посвятить. Придётся и поработать.

Глава 8. «Аудиенция»

Сегодняшний день имеет характер знаменательного или как минимум очень важного. Всё потому, что именно сегодня вечером в детинце Новгородской крепости собираются все сотники, тысяцкие и прочие важные люди Новгородского и Московских полков. Но самое главное — это присутствие царя на этом мероприятии. Впрочем, собираться основная масса планирует вечером, однако Григорий от чего-то настоял, чтобы я явился сразу после обеда.

— Как я выгляжу, Генрих? — Спокойно спросил я, стоя перед Майером в парадном варианте своей одежды, комбинированном из разных времён и стилей, которые, впрочем, неплохо сочетались.

— Очень... Необычно, — Всё же сформулировал мысль он, обходя меня кругом. — Н-да, — Цокнул языком Майер, — Пожалуй, даже очень необычно. Впрочем, этот наряд очень бросается в глаза. Твои штаны. Может всё же скажешь, откуда они? — Указал он на джинсы из двадцать первого века. — Я хочу такие же.

— Из далека, — Уклончиво ответил я. Майер привык к тому, что когда я так отвечаю, лучше не уточнять, а просто переключиться на что-то другое. — Ты узнал, Мстислав завтра в деле?

— Да, он весь в ожидании игры, — Усмехнулся Генрих. — Оборванцам уличным я денег дал, так что в том, что весть разлетится можем быть уверены.

— Прекрасно. Нисколько не сомневался в этом скряге. — Я ещё раз взглянул на себя в небольшое кривое зеркало. Да, пожалуй так официально а не выглядел очень давно. — Впрочем, сейчас не до игр.

Мы с Генрихом вышли на улицу, где меня уже ждал мой конвой из отряда гвардейцев в полном составе и обмундировании, которые должны были сопровождать меня до места и обратно. В принципе, я бы мог легко обойтись и без этой кавалькады, однако статус и положение обязывали меня соответствовать. В противном случае, меня могли просто не принять в серьёз, а это мне нужно было меньше всего.

Когда мы подъезжали к воротам крепости, на стенах началась вялая суета, но когда стражники заметили меня, напряжение заметно спало. Массивные ворота со скрипом и нежеланием открылись и мы заехали на территорию крепости, где уже и без нас было много народу. В основном это были солдаты и слуги, благородных же господ среди них я практически не замечал.

Однако долго стоять в нерешительности нам не пришлось, поскольку уже через минуту к нам подскочил шустрый худой мужичок с пером и бумагой. Он имел скромную по местным меркам бородку и вполне обычные усы.

— Здрав будь, господин, — Разглядев во мне командира, начал разговор он. — Сейчас конюхи возьмут ваших лошадей. Дозволь спросить, с какого полку да в каком чине пребываешь?

— Меня зовут Александр, я по приглашению сотника Новгородского Григория. — Писарь пробежался суетливым взглядом по листу, но потом, видимо, переварил полученную информацию и взглянул на меня совсем по-другому. В одно движение упав на колени, он опутсил голову в немом поклоне.

— Господи помилуй, не признал тебя я, господин. — Разразился он искренними оправданиями. — Государ велел тебя, ежели прибудешь, лично к нему сопроводить. — Я

спешился и, подойдя к испуганному дьяку, присел рядом с ним.

— Ну ты чего, давай вставай, — Похлопал я его по плечу. — Раз уж сам государь велел, то веди конечно.

Мы проследовали к дальней крепостной стене, вдоль которой были выстроены в несколько этажей деревянные строения с множеством дверей. После этого всей толпой поднялись сначала на стену, а с неё спустились по деревянным переходам и ступенькам к одной из комнат на втором этаже. Здесь, у массивной двери, заметно отличавшейся от других каким-то необычным богатством, стояли по стойке смирно два здоровенных шкафа, по другому этих воинов я бы не назвал. В руках они уверенно сжимали бердыши, а на поясах, в богато украшенных ножнах, как влитые сидели длинные, слабо изогнутые клинки, назвать саблями которые язык не поворачивается. Вычищенные до блеска нагрудники и шлема блестели в тусклом свете небольших окон с другой стороны коридора.

На мгновение остановившись перед входом и взглянув на стражников, писарь выдохнул и, толкнув массивную дверь, растворился в темноте полумрака. С пол минуты ничего не происходило, однако после вытянутая и немного испуганная голова дьяка показалась в проёме приоткрывшейся двери и, призывно мотнув головой, вновь растворилась внутри. Я также глубоко вздохнул и последовал за ним. В итоге охранять мистическую дверь остались и мои гвардейцы, вставшие напротив бердышников и явно заставив их напрячься, хоть видимого оружия у первых и не было.

Сразу за дверью меня встретила тёмная прихожая, которая и создавала ощущение практически полной темноты в помещении. За ней же шла вполне себе светлая комната с непривычно высокими потолками, которые я видел лишь у себя в деревенском поместье. На потолке угрожающе нависала массивная люстра с десятком ярких восковых свечей. На полу, занимая почти всю площадь, лежал странный ковёр, в котором я почти сразу узнал бурю шкуру медведя.

В правой части этой по истине богатой по местным меркам комнаты расположился скромный камин, абсолютно не чадящий и топившийся по-белому. Рядом стояли непривычные для этих широт стулья с обивкой и красивый резной стол, который, впрочем, был сделан с явной широтой русской души и таким же нездоровым размахом. Не думал, что увижу такое в пределах Новгорода. На одном из этих изысканных седалищ, с небольшой чашечкой в руке, держа благородную осанку, восседал немолодой мужчина в отнюдь не бедных, но и не богатых одеяниях. Когда я вошёл, он немного флегматично взглянул на меня и, глотнув какого-то горячего напитка из фарфоровой чашки, аккуратно поставил её на тарелочку.

Только сейчас я заметил целый комплект кольчужно-латной брони, висевший в углу, полторный меч в украшенных ножнах и, как венец всего этого, облегающий шлем с небольшими глазными прорезями. Ручная работа и особый заказ, не иначе.

— Проходи, Александр, — Как бы пробуя моё имя на вкус, не громко, но чётко протянул государь. Я сделал пару шагов, как бы невзначай не наступая на медвежью шкуру и осторожно присел к креслу напротив царя. Он долго и задумчиво рассматривал меня. Пару раз мне показалось, что он вот-вот что-то наконец скажет, однако каждый раз он лишь хмыкал и вновь окунался в раздумья.

— Так это ты тот самый немец, что ополчение и полк Новгородский взялся вести, когда воеводу ранили? — Наконец начал он диалог. Честно говоря, я в это время тоже не просто сидел, а анализировал. Повадки моего визави, его мимику и в целом внешность. Конечно, я

не психолог и ничего конкретного узнать не получилось, однако и дураку было бы понятно, что Иван Васильевич — человек сдержанный и отнюдь не резкий. Конечно, скорее всего данный факт связан с его откровенно немолодым возрастом, на который недвусмысленно намекали морщины на лице и руках, а так же тяжёлое, глубокое дыхание.

— Я, государь. Хотя, думаю, тебе всё уже доложили. И обо мне и о том, что именно я делал. — Не смотря на изрядный мандраж, говорить я старался как можно более непринуждённо, как о само собой разумеющимся.

— Доложили, то верно. — Резонно заметил он, медленно кивнув и вновь беря чашку с напитком со стола. — Угощайся, Александр, отвар нынче добрый получается.

— Спасибо, но я, пожалуй, откажусь. — Утвердительно, но вежливо ответил я. Царь лишь пожал плечами в стиле «на нет и суда нет» и с большим удовольствием осушил свою чашку.

— Ну, тогда давай сразу к делам. — Он в один момент взглянул на меня совсем иначе, каким-то заинтересованно деловым взглядом, каким опытные ювелиры стараются отсеять шлак от драгоценностей. — Доложили мне и правда вельми много. Однако ж я желаю всё с твоих уст услышать, дабы клеветники, коих, конечно, не мало развелось, честь твою не порочили.

— Ну что ж, тогда слушай, царь-батюшка... — И я стал рассказывать всё с самого начала. Ну, почти с самого, разумеется. Не буду же я говорить, как именно попал в Новгород. И в это время в целом. Я начал с того, как мы вышли в поход. Не упустил и всех моих возмущений по поводу качества армии, рассказал про совершенно никудышную артиллерию и нулевую организацию ополчения как части армии. Царь внимательно слушал и лишь изредка задавал вопросы. Потом я стал говорить про первый контакт со шведами, про то, как мы лишили их трети всех пушек в одном бою, при этом совершенно не стреляя по ним из своих. Царь пару раз удивлённо цокал языком и уже не скупался на вопросы. Когда же речь дошла до моей деятельности на посту фактического воеводы, мой монолог плавно перетёк в диалог, где говорили мы уже поровну.

— Как ты думаешь, почему сотники тогда именно тебя избрали воеводой? — спросил он.

— Честно говоря, я не знаю, — После недолгих раздумий пожал плечами я. — Да и не все сотники хотели видеть меня командиром.

— Но большая часть всё же решила, что ты достоин. — То ли рассуждал, то ли продолжал вопрос царь. — Хорошо, пусть так. А зачем же ты стал ополченцев и людей нератных на сотни делить?

— В тот момент армии нужна была скорость и организация в движении. До меня ополченцы шли серой кучей, часто голодали и отдыхали с перебоями. Когда же мне удалось дать всем еду, время для отдыха и построить во едино, тогда мы смогли быстро оторваться от шведских клещей, которые уже смыкались вокруг армии. — Я перевёл дух, пересаживаясь по удобнее и используя стол как импровизированную карту. К моему удивлению, царь охотно и даже с редким пониманием вглядывался в мои жесты. — По моим оценкам численностью своей превосходили нас раза в два. Артиллерии у них было больше раз в пять. А о качестве и говорить нечего. У них пол армии вооружены и обучены на уровне Новгородского полка, это показала первая битва, где мы столкнулись только лишь с третьей частью всей армии.

— Интересно, — Заворожено проговорил государь. — А расскажи-ка мне, как ты с пол

сотней полковых за ночь все свейские пушки разбил, так ещё и сотню всадников задушил? — Уже без доли подозрения спросил он.

— Вообще-то в ту ночь мы ещё и захватили их инженера, который должен был Новгородские стены ломать. — Поправил я царя, чем вызвал его удивление, но не негодование. — В ту ночь мы действовали, в основном, моим отрядом гвардейцев. Полковые лишь прикрывали наш отход, от чего и пострадали сильно. Но, конечно, без них мы бы не ушли. Если коротко, то в ту ночь мы разобрались с небольшим ночным дозором, который спал на посту, заложили заряды из свейских же запасов пороха и подорвали на длинном фитиле. А в кирасирскую палатку мы заложили несколько бочонков с особливим газом, что при вдыхании жизнь забирает.

— Никак бесовщина какая, — Ревностно перекрестился мой визави.

— Никак нет, государь. Всё от мира сего. Наука называется. — Мои слова, как ни странно, подействовали, и старый царь успокоился.

— Про науку слыхивал, — Вяло отмахнулся он. — Но после покажешь, что за газ такой это. — В общем, благодарю тебя я, Александр, за спасение полка от свейского полчища. Правильно ты сделал, что армию отвёл от битвы, ибо выиграть в ней не суждено было никому при таком раскладе. Я поступил бы так же. — Царь вдруг замялся, подбирая слова. — А не желаешь ли ты, Александр, в Москве послужить сотником? Я как твою речь слушаю, так сразу понимаю, что ум у тебя дюже ратный. А нам такте нужны. — Я для виду задумался, а сам старался подобрать как можно более дипломатичные слова для отказа.

— Вельми щедрое предложение, царь батюшка. — Склонил голову я. — Однако ж не могу я и людей своих здесь оставить, ибо рассчитывают они на меня. Да и прижился я здесь уже.

— Ну, понимаю. — Похоже, он хоть и ожидал, что я соглашусь, вариант моего отказа также не исключал. — Ты сказывал о каких-то мушкетчиках. Кто это?

— Ну, вообще правильно сказать мушкетёры. — Поправил я его. — Дело в том, государь, что в Европе, как я понял, уже давно войны ведут, используя малые ручные пушки. Их принято называть мушкеты, а людей, из них палящих, — мушкетёрами.

— Подожди, — Прервал меня он, после чего совсем не по-старчески вскочил с места и засеменял в угол комнаты, где стоял большой шкаф. Открыв его, Иван Васильевич, осторожно достал то самое громоздкое ружьё, способное одним выстрелом не оставить и шанса даже самому бронированному воину. Царь положил его на стол и в ожидании посмотрел на меня. — Вот, взяли в числе трофеев.

Я взял тяжёлое оружие в руки. Мушкет, или правильнее сказать аркебуза, была на столько громоздкой, что держать её только в руках долго было бы проблематично. Положив оружие на колени, я стал осматривать в первую очередь механизм спуска. Не то чтобы я много понимал в этом, однако знаний в этой области у меня явно больше, чем у царя.

— Так, что тут у нас? — Задал я вопрос сам себе. — Спусковой рычаг приводит в действие небольшой держатель, скорее всего для тлеющего фитиля. — Я с трудом перевернул смертоносное оружие, — Ага, а вот и полочка для затравочного пороха.

— Вижу, ты много смыслишь в этих дьявольских штуках, — Задумчиво заметил государь.

— Ничего дьявольского, Иван Васильевич. Это же та же самая пушка, только меньше, чтобы с рук стрелять.

— Хм, — Царь встал, медленно прошёлся по комнате и вновь опустился на свое

место. — Слыхивал я, люди сказывали, будто ты ещё до похода похожую пушку учудил. Или как его, «мушкет»?

— На самом деле, — Протянул я, осматривая калибр ствола, — Мой мушкет был несколько другой, с меньшим стволом и меньшей пулей.

— Когда сотня этих стрелков в бой вступила, они конников наших изрядно побили, пока мы до них не добрались. — Помрачнел царь.

— Вопрос только в том, почему у нас до сих пор таких нет? — Наконец оторвался я от осмотра оружия. Государь лишь виновато пожал плечами.

— Я мушкеты эти мастерам Московским покажу, дабы они такие же делать стали. А уж при дворе иноземцев много. И про ручные пушки эти мне они уже доносили, так что палить с них дай бог научимся не хуже свеев.

— А много трофейных мушкетов отбили у шведов?

— Да с пол сотни, наверное, — Задумчиво сказал он. — А что?

— Дозволь, государь, выкупить у тебя один такой мушкет у тебя. — Почтительно попросил я. В голове же у меня уже рисовались чертежи переработанного, облегчённого оружия с кремневым замком и нормальной системой спуска.

— Хорошо, — Подумав, сказал он, — но только не продам, всё ж таки не купцы мы какие с тобой, а люди, с ратным делом знакомые. А потому готов поменять эту ручную пушку на три твоих самострела.

— Идёт! — И мы ударили по рукам. В этот момент в комнату, скромно постучав, заглянул тот самый дьяк со скромной бородкой.

— Царь-батюшка, банька по указу твоему стоплена, веники берёзовые замочены, квас с ледника доставлен. — Чётко отрапортовал писарь.

— Пойдём, Александр. После великих дел государевых следует и отдохнуть подобающе, — Усмехнулся царь, вставая со стула.

— Золотые слова, Иван Васильевич. — Облегчённо улыбнулся я, вставая в след за ним.

Интерлюдия. Из письма Максима Александру.

... Дела идут хорошо, производство арбалетов перевели в отдельное здание, в цех перебираются кузнецы... Химика встретил, заселил, место для опытов дал... Начали прибывать крестьяне по откупу. В первый день приняли пол сотни человек. С жильём проблем пока нет, но по прогнозам придётся потесниться... Жак с Тихоном и помощниками на пороге реализации проекта «Небо». Ткачу дали огромных размеров заказ. Через пару дней обещают закончить... Конвейер успешно запустили на новое производство мелких металлических товаров массового спроса и механизмов для арбалетов... На территории мануфактуры поставили ещё две кузницы, из-за чего увеличили заказы железа и угля почти вдвое... Минад убедил заказать три повозки хороших кирпичей. Парень явно кузнец и что-то знает, однако незнание языка создаёт проблемы... Не волнуйся, отдыхай спокойно.

Глава 9. «Проект 'Небо'»

На следующий день после разговора с царём планировалась внеочередная игра в ногомяч и, конечно, игра на ставках. Ещё никогда я так не вкладывался в рекламную компанию матчей, хотя, казалось, про ногомяч знает не по наслышке уже весь Новгород. Весь этот кипиш с рекламой связан с тем, что сейчас в городе ждут сигнала к выходу тысячи солдат и ополченцев с других районов России. Получается, что сегодняшний день можно, в некотором роде, считать днём, когда в ногомяч начнут играть по всей стране. А уж в том, что футбол понравится абсолютному большинству я не сомневаюсь.

А ещё я вдруг вспомнил, что вообще-то первым царём на Руси был Иван четвёртый. А тут вдруг третий и уже царь. Впрочем, удивляться в этом мире мне придётся ещё очень многому. Ясно одно: технический прогресс и ход истории в целом в этой реальности пусть и пошел вразрез с оригиналом, однако это не мешает мне построить здесь свою жизнь.

Взять хотя бы этот примитивный мушкет, что сейчас лежит и ждёт своего отправления в мою личную силиконовую долину в Борках. Или вброшенный мною от нечего делать проект, скорее даже удачно рассказанная история о загадочных гениях французской мысли, что вот уже месяц озадачивает Жака, а значит и его помощников, которых он набрал из самых смышлёных и имеющих желание крестьян, и Тихона со всеми его «младшими плотниками», как мы их между собой называем, и мануфактурные кузнецы, которые по моему личному указу один час в день работают только с заказами импровизированного конструкторского бюро.

Впрочем, сейчас нужно сосредоточиться на настоящем, а не смотреть пусть и в недалёкое, но всё же будущее. А в настоящем на поле с минуты на минуту должна была разгореться битва ранее невиданных масштабов. Подготовленная мною команда отроков встречалась со сборной солянкой, вмещающей в себя гвардейцев и пару человек из Новгородского полка, которые особенно заинтересовались этой новомодной игрой и даже несколько преуспели в её освоении. Однако не нужно думать, что результат матча предсказуем. Да, у отроков преимущество в технике и игровом опыте (последние пару месяцев они чуть ли не ежедневно тренировались по моим системам). Однако за второй командой превосходство в физической силе и выносливости, что, в реалиях ужесточённых правил, даёт весомое преимущество.

Грустно осознавать, что этот матч, скорее всего, последний в данном, тысяча пятьсот пятом юлианском году. Ведь климат в Новгороде суровый и, если магическим образом роялем с небес не упадёт стадион из будущего, которому не страшны погодные условия, то о нормальных матчах до апреля, а то и до мая, можно забыть. Строить же такую громаду я не имею ни средств, ни желания, ни даже возможностей.

Иван Васильевич вместе со мной и всего парой человек своей личной охраны находился на третьем этаже эдакой вип зоны, с крышей, отличным обзором на поле и даже простенькими закусками и напитками. Правда, последнее я организовал лично для него, чтобы, так сказать, улучшить общее впечатление от диковинного мероприятия. Другие же его приближённые, которые были вынуждены тесниться на трибунах, весь матч бросали на меня косые и завистливые взгляды. Царь, в своём, несомненно, невероятно дорогом парадном одеянии сидел подле меня и с упоением вчитывался, шурясь, в правила игры, записанные на квадратном листе бумаги. Похоже, его явно заинтересовала эта ранее

неизвестная забава. Вообще мы с Иваном Васильевичем за вчерашний день успели многое обсудить и даже как-то побратались, что-ли. В нём не было ни грамма спеси или тщеславия. Напротив, он очень ценил честь, правду и человеческое достоинство, и каждый раз еле заметно нервно дёргал щекой, когда кто-то из его подданных проявлял излишне много понятного и неискреннего внимания. В общем, терпеть не мог подлиз и лицемеров, коих, как я понял из нашего разговора, среди его ближайших подданных целая масса. Так же он был приятно удивлён, когда заметил, как я общаюсь уже со своими подчинёнными. «На равных, без самолюбия и унижения. Однако ж в меру строго и вельми понятно.» — Искренне восхищался немолодой правитель. Ещё Ивана Васильевича очень привлекало всё иноземное, однако, как он сетовал мне по большому секрету, бояре в Москве чаще всего выступали против иноземцев и предпочитали сохранять своё пузо в тепле, не думая о благах государства. Во мне же, судя по всему, царь нашёл спасение от всех этих невежественных консерваторов.

— Государь, коли не ясно, сейчас увидишь, как играют ребята и всё понятно станет. — Владыка ухмыльнулся и нехотя отстал от бедного листочка. Матч же тем временем начался. Сегодня ставки целиком и полностью взяли на себя Генрих со Мстиславом. Конечно, вдвоём они просто физически не смогли бы переварить всё то количество желающих, которое хотело подарить нам свои деньги, а потому им в помощь я выделил Ивана с Лаврентием. Они оба вполне сносно считали, а потому помощь оказали значительную.

— Вельми занятная игра, — Минут через пять фанатично и даже как-то по-юношески сказал немолодой государь, когда мяч, после сложной комбинации первой команды, со свистом пролетел по крутой траектории в считанных сантиметрах от штанги, чем вызвал синхронный то ли вздох, то ли выдох абсолютно всех зрителей, до этого затаивших дыхание. — Мнится мне, воинам полезно будет указать играть в неё, нежели чем по кабакам шляться. Вон какие боевитые отроки, что так лихо крутили полковых. И ведь не устали нисколько, чертяки.

— Ты прав, Иван Васильевич, ногомач и правда тело укрепляет хорошо. — Согласился я. — Однако ж воинам своим я помимо этого ещё много каких упражнений велю выполнять, дабы, значится, силу их преумножить. — Он многозначительно взглянул на меня и, как-то степенно кивнув, продолжил наблюдать за ходом игры.

Свисток означивал конец первого тайма. Счёт после него оказался непривычно крупным: два: два. Однако из-за того, что второй свой гол команда отроков забила солянке с пенальти, люди стали ставить на вторую команду, из-за чего коэффициент на первую был больше. Соотношение три к четырём в пользу смешанной команды. Когда в перерыве к окошками для ставок вновь стали привычно тянуться десятки людей, соблюдая при этом неслыханной организованности очередь, царь подозвал к себе того самого услужливого писаря и, вынув откуда-то из кармана увесистый мешочек, что-то шепнул тому на ухо. Тот в ответ лишь понятно кивнул и убежал вниз. Вскоре я заметил его красную шапку возле окна для ставок на команду отроков.

— Дозволь спросить, государь. А от чего это ты решил именно на первую команду поставить? — Я ожидал услышать что-то вроде: «Так на них же выигрыш больше». Однако царь меня удивил.

— Так вестимо зачем. — Пожал плечами он. — Вон, смотри, как полковые запыхались носиться за этой мелочью по всему полю, — С удовольствием заметил он, — Во второй половине как пить дать вторые сдуются, первые их и дождут. Ну и игру лицезреть, коли

поставил на кого, как я понял, интереснее. — Вот это да. Такого подхода бывалого ставочника я от царя никак не ожидал.

Как и говорил Иван Васильевич, отроки без особых проблем дожали команду-солянку во второй половине. пять: три, с таким крупным счётом закончился матч. Да и гол престижа второго тайма был забит лишь под самый конец игры, когда Бьёрн лупанув шагов с двадцати, угодил в самую девятку так, что вратарь отроков даже дёргаться на этот выстрел не стал. Трибуны разразились градом аплодисментов и восторженных криков и даже царь не смог удержаться от искреннего, пусть и старательно сдержанного, восторга. Сразу после столь красивого гола, раздался финальный свисток, ознаменовавший окончание матча.

— Ну, забава вельми занятная, — Ухмыляясь, заявил царь. — Любо мне.

— Надолго ли в Новгороде, государь? — Спросил его я.

— Думал я на седмицу остаться здесь, да долг перед отчизной зовёт, — Раздосадовано посетовал он. — Завтра выступаем, на рассвете.

После матча, когда все несказанно довольные победители получили свои выигрыши, мы с моими помощниками и соратниками привычно разделили полученный капитал, в очередной раз бьющий все предыдущие рекорды, а каждый из игроков получил по заслуженному рублю за игру и рублю премиальных за победу, чему они были несказанно рады и готовы были практически причислить меня к собственному лику святых.

Итак, царь город покинул, у меня на руках оружие, которое мне не терпится доставить в Борки и как можно быстрее скопировать мушкет, создав на его базе нечто более совершенное. Благо и средства и соображающие мозги в нужном количестве у меня для этого имелись. Да и долгожданный проект «Небо» то и дело всплывал у меня в голове, не давая покоя. Ну и что уж там говорить, я просто напросто устал отдыхать! Мне уже не терпится поскорее вернуться в привычное поместье и продолжать развивать своё скромное дело. Решено. Отпуск я внеплановым образом заканчиваю и сегодня же вечером прибываю в Борки. Ведь Жак, как писал Максим, только меня ждёт, чтобы продемонстрировать проект особой секретности лично мне. Правда, сразу после демонстрации вся секретность, скорее всего, мигом улетучится.

Борки встретили меня непривычным, после Новгорода, убранством. Кажется, когда я уезжал отсюда, здесь всё было не так... Чисто, что-ли? Многие люди сейчас до сих пор на мануфактуре, а потому на улочках деревни встретить кого-то весьма непростая задача. И всё же, это я так отвык от своей деревни за каких-то три дня беззаботного отдыха или Максим постарался. Ведь я публично переложил на него все свои полномочия, а значит он вполне себе мог озаботиться не только теми задачами, которые я ему дал, но и поработать, так сказать, сверхурочно. Если раньше множество животных и не очень озабоченных чистотой людей создавали абсолютно на всей территории деревни некий аромат средневековья, выразимся так, то сейчас всё с размахом наваленное пофигистическое отношение куда-то улетучилось. Ни объедков, ни ароматов, с которыми я свыкся, потому как бороться с этим в условиях деревни считал просто нецелесообразным.

Когда мы наконец подъехали к моему поместью, я распустил гвардейцев и облегчённо вошёл в дом. В мой дом. Всё же участок в Новгороде стал для меня теперь скорее некой дачей, на которую можно вырваться раз в неделю, но не на дольше. Потому что дольше, как выяснилось, сидеть без работы, зная, что где-то там не реализуются мои идеи, или реализуются, но совсем не так, как я это задумывал, я не мог.

Дворовые слуги посетовали мне, что Максим с утра до вечера пропадает на

мануфактуре, а потому мне остаётся либо ждать его, либо ехать к нему. Также, расспросив слуг, мне удалось выяснить, что Макс на моём посту очень радикально обошёлся с антисанитарией, которую он, справедливости ради, и вправду терпеть не мог. Теперь любой крестьянин, что за свой двор всякий сор выкидывать поведится, обязан будет заплатить штраф аж в целых три копейки. Зато если эти самые продукты жизнедеятельности отнести в селитряницы, не так давно поставленные на соседнем берегу, вдали от жилых кварталов, получишь аж по две копейки за пуд. Эх, хороший управляющий у меня, ничего не скажешь!

Когда я наконец добрался и до мануфактуры, стало ясно, что весть о моём приезде дошла гораздо быстрее меня. И если простые рабочие как ни в чем не бывало продолжали заниматься привычным делом, то вот мои советники пребывали в некотором волнении.

— Шьер Александр, — Возбуждено подскочил ко мне Жак. — Мы всё подготовить, гранд проект по ваш чертежи есть большой успех! — Полноватый француз был готов чуть ли не взлететь от предвкушения.

— Мы уж спытали энту шпуку, барин, не серчай. — Подхватил мотив Жака Тихон. — Только дабы не сплеховать перед тобой.

— И как? — Спросил я, не останавливаясь.

— Всё сколочено на славу, в том не сумлевайся. — Хохотнул он. — Уж не знаю, чаво Жак с печью мудрил, я в его железках почти и не смыслю. — Тихон по старой привычке приложил то место, где некогда была небольшая, но довольно заметная седая борода.

— А ты чего это обрился, Тихон? — Только сейчас заметив эту странность, поинтересовался я.

— Так ведь Максим давеча виру за бороду брать сказывал. Говорит, коли хочет народ с бородою ходить, то должен по копейке в день выплачивать. Однако ж усы помиловал, — Старик довольно пригладил свои усы. Жак же, изначально не имевший на лице растительности, лишь безразлично пожал плечами. Я огляделся. И правда, все рабочие мужики поголовно ходили побритые.

— И как народ? Не бунтовал?

— А чего ему бунтовать? — Отмахнулся старый плотник. — Он же ведь хитро придумал: вроде и можно с бородою ходить, однако ж удовольствие то не дешёвое. Только священнику и разрешил не выплачивать. Правда, бают, дал добро замещающий твой на коротенькую бороденку. Чтобы, значится, пол вершка и не больше. Да к тому же всех, кто обриться хочет, один день прямо здесь за так бреют, да усы, как пожелаешь, ровняют. — Вот же Макс! Вот же сукин сын, а! Нет, ну это же надо додуматься! Один только вопрос: чего он с этими идеями раньше ко мне не подходил? Ведь я задумывался над тем, чтобы избавиться от лишней растительности среди населения, но всё никак руки не доходили. Да и народ не хотелось злить. А он вон как хитро придумал. Всё гениальное просто, не иначе.

Мы наконец вышли на задний двор мануфактуры, огороженный отдельно и дополнительно трёхметровым забором. Здесь, на площадке десять на десять уже стояло, ожидая своего часа, чудо современной техники. Максим был рядом и, заметив меня, тут же подскочил.

— Здорово, Сань, — Бегло и взволнованно пожал он руку мне, приветственно улыбнувшись. — Чего же ты так рано из отпуска вышел?

— А мне доложили, что ты в Борках бреешь всех направо и налево. Причём бесплатно! Вот, приехал на зов халявы. — И мы дружно рассмеялись, хлопнув друг друга по плечам. Всё же как иногда приятно перейти на привычный современный диалект, не утруждая себя

составление предложений из местных слов и выражений.

— Господа, я прошу вас сесть подальше, для сохранности и целостности вашего тела, — Смешно ставя ударение на последние слоги, прокартавил Жак. — Батист, помоги мне, — Он указал на парнишку из числа своих ассистентов.

— Да не Батист он, а Борис! — Ворчливо махнул ему Тихон и посеменил за ними. Я тоже решил не обделять себя возможностью как можно скорее узнать о конкретном устройстве, спроектированном французским инженером.

— Итак, шьер Александр, посмотрите сюда, — Жак, открыв дверцу, высотой себе по грудь, вошёл в квадратную корзину площадью полтора на полтора, в которой на высоте полуметра от пола, крепясь к диагональным деревянным доскам, идущим с четырёх сторон от углов корзины на уровне пояса находилась продолговатая печь. — Сюда засыпаться уголь, — Жак указал на дверцу в нижней части печи. — А сюда, — Он открыл вторую дверцу уже в верхней части. — Топливо из сена и шерсти, как вы, шьер, рассказывать. Далее мы нагревать уголь и дуть на него сими мехами, — Француз обошёл печь с торца, где прятались громоздкие кузнечные меха. — Тот поджигать топливо, которое мы добавлять и добавлять. Уголь нужен, чтобы каждый раз не поджигать топливо. Потом мы открывать отдушину наверху печи и, как шьер Александр говорить, горячий воздух идти вверх и вверх, прямо в наш гранд мешок... В смысле шар.

— Достаточно, Жак, — Благодарно кивнул я, — Устройство мне понятно. Теперь давай перейдём к практике. Как высоко вы поднимали его в первый раз?

— Не больше, чем в три человека вверх, — Задумчиво почесал затылок инженер. — Честно сказать, он был готов подняться выше, но мы держали его за много верёвок.

— Опасались, что улетит? — Хохотнул я. Все в ответ лишь серьёзно закивали. — А чего ж не посадили никого внутрь, чтобы он, случись чего, верхнюю отдушину закрыл?

— Мы пока плохо знаем, как шар работать, — Оправдался он. — Но, говорить честно, шьер Максим хотел сесть в корзину, однако мы сумели его отговорить.

— А вот и зря суметь! — Отозвался Макс. — Там же ничего мудрёного!

— Так, господа, — Наконец перебил я разгорающийся спор. — Мы сейчас поступим вот как. Жак, мы можем увеличить длину тросов, которые держат шар?

— Можно переставить колья близко к корзине, — Задумчиво протянул он.

— И какова длина тросов?

— Аршинов десять будет, — Ответил знающий Тихон, деловито поглаживая свои усы.

— Значит переносим колья к корзине, грузим её так, как будто в неё два боярина после пира забрались, заправляем печь и поджигаем топливо.

Так и сделали. Ещё пять минут назад лежащая бесформенной кучей ткань вдруг начала распрямляться и вскоре обрела форму немного неровного, с заплатками из разного цвета парусины, но всё же шара. Четыре мощные верёвки, крепящие корзину к шару, натянулись и та через несколько мгновений начала отрываться от земли. Сначала медленно, потом всё быстрее и быстрее. Почти все, кроме нас с Максом и Жаком, осенили крестным знаменем сначала шар, а потом и себя. Корзина же без особых проблем взмыла в небо на добрых семь метров. И выше бы улетела, если бы её не держало множество страховочных тросов. Я же отметил, что вдруг перестал звучать монотонный стук металла о металл, присущий кузница мануфактуры. М-да, пришлось малость попугать народ, не без этого.

Глава 10. «У нас в кармане пушечка...»

— Пали! — Отдал я кипящую кровь команду уже в пятый раз за пять минут. Раздался очередной хлопок и длинный ствол мушкета вместе с огнём пороховых газов выплюнул тяжёлую пулю, которая с внушительной скоростью пролетела все четыре десятка шагов и выбила щепу из самого края одиноко стоящей ростовой мишени. Гвардейцы, пополнившие ряды отряда менее месяца назад в очередной раз вздрогнули, но уже не так, как в первые разы. «Старожилы» же и вовсе не подали виду, лишь с нескрываемым интересом наблюдая за происходящим. Стоящий невдалеке от мишени гвардеец рванул к поражённой цели и подтвердил попадание. Второе из пяти выстрелов, да и то, скорее всего, по большому везению.

— М-да, вот тебе и чудо Европейской мысли, — Небрежно протянул Макс. — И это ещё его на станок установили!

— Вы не понимать, шьер Максим, — Раздражённо оправдывался Жак. — Мушкет не есть точен, но он обладать много мощи! Ни один доспех, способный носить человек, не есть способен сдержать его выстрел.

— Огневую мощь оставьте артиллерии, господин инженер, — Пояснил я недовольство Макса, — А пехотное оружие должно быть точным, мобильным и надёжным. А этот примитив не обладает ни одним из этих свойств. — Я призывно махнул рукой, подзывая двух гвардейцев с крупным прямоугольным ящиком, формой напоминающий кейс. Дабы не пугать людей, для испытаний мы выбрались в лес, где на просторной поляне, возле пологого берега реки, расположили небольшой лагерь со всеми удобствами. Бойцы услужливо положили кейс на стол рядом с нами. — Освободите станок, — Попросил их я, а сам, открыв ящик, вынул из него ружьё уже нашего производства. Целую неделю кузнецы, конструкторы и плотники работали над тем, чтобы реализовать мою задумку. Десятки отбраковок и вот, нечто похожее на нормальный огнестрел у меня в руках. Внешне казалось, что это просто уменьшенная раза в два копия громоздкого мушкета, который сейчас откручивают от намертво фиксирующего станка гвардейцы. Ствол нашей пищали длиной около метра, так что вместе с прикладом и казённой частью выходило чуть больше полутора метров в длину. У нашего образца, помимо длины, существенно сократился калибр. Теперь диаметр ствола составляет всего около пятнадцати миллиметров. По моей дилетантской оценке, полученное ружьё напоминало скорее карабин, более лёгкую и короткую версию, чем классику восемнадцатых-девятнадцатых веков, к которой мы изначально стремились. А вот сделать полноценный кремневый замок пока не получалось. Хотя вроде и кремня было в достатке, и отлив большинства деталей проблемой не стоял, однако сама идея механизма пока что была в стадии глубокой разработки, витая где-то в наших головах. Существенно тормозило процесс создания и неумение местных кузнецов создавать так необходимые для задумки пружины. Нет, сам Жак имел примерное представление об их производстве, однако кузнецом француз не был, а потому пока что у покорителей металла получались лишь смешные, мало похожие на нормальные спиральные пружины, подобия. Всё же, помимо сложной технологии производства свою сложность добавлял и совсем небольшой размер предполагаемой конструкции.

Аккуратно взяв ружьё в руки, я ощутил его приятный, но отнюдь не отягощающий вес. Оно, наверное, раза в два легче мушкета, что является несомненным плюсом.

— До чего же тонкий ствол он имеет, — Уже не в первый раз подивился разнице калибров Жак.

— Чем меньше ствол, тем меньше пуля, — Логично заметил я. — А если пуля меньше, то она легче. А если легче, то и пороха для выстрела нужно меньше. А раз так, то и стенки ствола не будут подвержены большому давлению, что существенно снизит требования к толщине этих самых стенок.

— Это мы сделать, чтобы уменьшить вес и прибавить... Эту, как оно? Надёжность? — Ворчливо закончил мысль мой инженер.

— Именно, — Буркнул я, осторожно, чтобы не рассыпать порох, разрывая зубами бумажный патрон. Ещё одно новшество, которое уже принадлежит Максусу. Конечно, и я слышал о подобных конструкциях что-то, однако он смог воплотить все догадки в жизнь. Да там, по сути, ничего сложного и нет. Просто бумажка скатывается в трубочку, с одной стороны заклеивается, а с другой вклеивается пуля. Внутри же засыпают заранее отмеренное количество пороха. Самого же взрывчатого порошка на выстрел нужно было немного, граммов десять, а может и того меньше. Для выстрела же из тяжёлой аркебузы нужно было почти в два раза больше. Хотя и пуля там, моё почтение, целый снаряд.

За смешные, относительно аркебузы, двадцать секунд я полностью привёл оружие к бою и даже закрепил тлеющий фитиль. Для мушкета, да ещё и без использования бумажных патронов, нужно едва ли не в три раза больше времени. Прильнув щекой к прикладу, я плавно нажал на рычаг спуска, наблюдая, как медленно фитиль приближается к полке с затравочным порохом. Да-а, такой механизм никак не подойдёт для кремневого. Уж слишком медленное движение для того, чтобы высечь искру. Когда тлеющий конец фитиля наконец дошёл до конечной точки, затравочный порох в один громкий пшык сгорел, детонируя основной заряд. ПУФ! Глухой выстрел, по громкости и количеству дыма никак не сравнимый с мушкетным выпустил из ствола сравнительно небольшую пулю, которая, спустя пол секунды, ударила точно в цель. Я протянул ружьё молодому гвардейцу. Со всем разросшимся отрядом я предварительно провёл подробный инструктаж о том, как работает пищаль, а потому рядовой, невысокий парень славянского происхождения, уверенно, но с почтенной осторожностью принял ружьё и стал планомерно заряжать его. У него ушло на это чуть больше времени, чем у меня, однако и такой результат для новичка вполне удовлетворительный. В точности повторив мои действия, гвардеец коротко прицелился и, в последний момент зажмурившись, нажал на рычаг. Пуля закономерно пролетела мимо, небольшим фонтанчиком земли ударив в нескольких шагах от цели. Рядовой виновато опустил взгляд.

— Заряжай, — Спокойно сказал я и терпеливо дождался, пока парень подготовится к стрельбе. — Цельсь. — Так же спокойно скомандовал я. Парень послушно и с опаской прильнул к прикладу. — Не закрывай глаза, рядовой. Веди цель до конца, держи её в прицеле. — Я положил руку ему на плечо. — Не бойся, ничего не случится. — Тот уже с уверенностью кивнул и снова прижался щекой к прикладу. — Пали! — И снова раздаётся приятный, немного оглушающий хлопок. Но на сей раз цель поражена. Парень неловко улыбается, не веря в свой успех.

— Молодец, рядовой. — Искренне похвалил его я.

— Служу отечеству! — После неловкой паузы, вытянувшись в струнку, рявкнул он.

— Лейтенант, — Обратился я к Ивану.

— Я! — Тут же отозвался изрядно заматеревший за последние месяцы офицер.

— Организуй каждому бойцу практику в стрельбе. И следи, чтобы глаза не закрывали!

— Есть! — Привычно бросил он, а далее уже последовали команды для его разросшегося отряда, в котором числилось уже три полноценных десятка.

— А, да, чуть не забыл, — Опомнился я. — После каждых трёх выстрелов проводить чистку оружия, как я показывал.

— Так точно!

Оставив отряд тренироваться на поляне, мы втроём, Жак, я и Максим, верхом последовали обратно в деревню.

— Так что вы думаете по поводу нашего ружья, Жак? — Спросил я, когда мы в немом молчании проехали с пол сотни метров.

— Должен признать, шьер Александр, он есть и правда лучше мушкета. — Обидчиво буркнул француз. — Но я иметь сомнения, что он сумеет пробить толстые латы.

— Латников в бою не так много, — Пожал плечами я, — Да и даже если пуля не пробьёт броню, она нанесёт существенные повреждения и, скорее всего, выведет рыцаря из строя. — Жак лишь задумчиво покивал. — Когда мы сможем поработать над проектом кремневого замка?

— Это есть хорошая идея, — Встрепенулся с новой силой Жак. — Но я считать, для него пружина другая нужна. Не форма спираль, а проще.

— Что ж, это хорошо. — Расслаблено кивнул я. — Чем проще конструкция, тем лучше оружие.

— Однако скоро есть, что вы называть, «обед», — Мечтательно улыбнулся полноватый француз. — Вы знаете, мадам Ольга готовить эксэлент щи! То не есть кухня монарха, быть может, но мне это есть очень... Как это... Любо! — Усмехнувшись, с ломанным акцентом выдавил он. — А после обед, я есть должен учить ваш гвардия французскому, шьер Александр. — Опомнился он.

— Нет проблем, Жак, занятие вы проведёте. — Согласился я с ним. Действительно, знание, хотя бы базовое, Европейских языков и умение воспринимать их на слух я считаю для гвардейцев очень важной задачей. И все они, не желая покидать своё, безусловно, очень тёплое место, учились со всем прилежанием и рвением. Для чего мне это было нужно? А просто потому, что я не желаю выращивать из них тупых рубак, способных лишь махать саблями. Нет, мне нужны не просто солдаты, а некая элита. Люди, имеющие вес и при этом верные мне до гроба. Универсальные спецы, способные устоять в любом, даже самом неудобном положении. Ведь иначе какая это к чёрту гвардия?

Имея аж целых пол часа свободного времени, я решил заглянуть на мануфактуру. Вот уже больше недели цех с конвейером был передан под массовое кузнечное дело. Количество кузниц увеличилось с одной до пяти, благодаря почти двукратному увеличению населения за счёт заинтересованных «иммигрантов». Теперь по мимо арбалетных деталей и дуг стали ковать и множество предметов массового спроса. Чего только не попадало на медленно идущую дорожку конвейера, двигающегося за счёт кругового движения трёх быков. Колуны для топоров, тулейки для лопат, части плугов, граблей, мотыг, молотков и серпов. Про арбалетные детали также никто не забывал, ими занималась отдельная кузня. Ну и конечно гвозди. И если гвозди «ехали» дальше лишь на сортировку и перемещались в последствии на склад, а части арбалета — в отдельное здание, где их соединяли с деревянными основаниями, то вот эти самые составные части инструментов останавливались во втором цехе, где ранее к деревянному ложу арбалетов вживляли, так сказать, душу. Теперь здесь

рабочие мануфактуры занимались тем, что соединяли черенки и ручки инструментов с их металлическими частями. И только после этого готовые изделия направлялись ожидать своего часа на склад.

По деньгам выходило так, что больше всех получали кузнецы, что обусловлено наличием у них навыков. Однако здесь я прибёг к определённой хитрости. Плату за работу получал сам кузнец. Однако то, сколько нужно платить своим помощникам, без которых работать было существенно сложнее, так ещё и вовсе не выгодно, определял только лишь он сам. В итоге получилось так, что в результате конкуренции пяти кузниц и нескольких кузнецов, выросли и зарплаты подмастерьев и, соответственно, стремление людей, в особенности молодых, ими стать. Ведь по сути помощник шёл работать к тому кузнецу, к которому хотел. То есть к тому, кто больше заплатит. А оставаться совсем без помощи не хотел ни один из мастеров, что побудило всех идти на повышение зарплат. В итоге получилось что-то вроде конкуренции малых предприятий внутри одного большого.

Меньше работников кузни получали работники цеха сборки. Однако, стоит признать, и работа у них сравнительно не пыльная. Взял черенок, насадил на тулейку, пару гвоздей вбил и вот тебе лопата. Потом повторил и лопат уже две. А сборщику за две — полушка. За час таким макаром можно было наколотить копейку, а за десять рабочих дней — целый рубль. А на рубль крестьянин может жить недели две сравнительно спокойно и безбедственно. Подумать только, как мало ценится серебро в этой реальности. Впрочем, это и не удивительно. Русь, как я успел убедиться, утыкана серебряными приисками чуть ли не больше, чем железными шахтами.

Впрочем, если учитывать стоимость материала, зарплаты сборщиков и кузнецов, которые за деньги(о чудо) работают в разы эффективнее, нежели чем бесплатно, то выходит так, что общие затраты окупаются чуть меньше, чем вдвое. Не арбалеты, конечно, с их громадной окупаемостью. Но ведь плюс таких товаров в практически неисчерпаемом спросе. Вот захочу я самострелы втюхивать до конца своих дней, а не получится! Потому что во-первых спрос на оружие порождает только лишь война, а во-вторых очень скоро Европа начнёт воевать уже огнестрельным оружием, которое в быстром темпе вытеснит арбалеты и совсем задавит архаичные даже на сегодняшний день луки.

Следует понимать, что эффективность эта достигается исключительно вне периода полевых работ, потому как весной и осенью мне так или иначе придётся ограничивать работу мануфактуры, чтобы крестьяне могли позаботиться о том, как не помереть с голоду. А жить только лишь на зарплату рабочие тоже не смогут. Зарплата зарплатой, но ведь чтобы на заработанные деньги купить продукты, нужно ехать в город, потому как местный рынок скуден и нестабилен как на цены, так и на предложение. А выезд в Новгород для большинства рабочих — весьма накладно. Да и не смогут двенадцать часов на мануфактуре целиком и полностью покрывать потребности крестьянской семьи. Ведь эта самая двукратная окупаемость достигается мною тем, что людям я хоть и плачу, но всё же недоплачиваю. Если сравнивать с зарплатой рабочих на заводах в будущем, у меня люди получают, скажем так, минимальную минималку. И отнюдь не ту, на которую пытались, в качестве эксперимента, жить некоторые прогрессивные депутаты в моё время, а гораздо меньшую. Так что, как бы я не грезил о массовом переходе от земледелия целиком и полностью в производство, в текущих реалиях это невозможно.

Пройдясь по первому этажу, я, по длинной лестнице поднялся на второй. Всегда поражался, какие это два разных мира. Если на первом царит постоянный шум, чадят дымом

кузницы, скрипит конвейер и издаются ещё множество звуков, сливающихся в одну сплошную заводскую какофонию, то на втором властью владела тишь да гладь. Здесь располагалось что-то вроде администрации, если можно так выразиться. И мастерская Жака, и учебный класс, где учились гвардейцы, и лаборатория Оскара, в которой тот недавно начал работу по производству кислоты.

Справедливости ради, выходец из северной Германии занимался не столько производством, сколько опытами, что я, в целом, вполне одобрял. С собой он притащил целый набор юного химика. По меркам шестнадцатого века, разумеется. Там были разного рода колбочки, склянки, трубки и много чего ещё. Мужчина явно подходит к науке серьёзно. По-крайней мере настолько серьёзно, насколько это позволял ему делать главный тормоз прогресса этого времени — церковь. Впрочем, пока Оскар работает на меня, он может не беспокоиться о проблемах с духовенством. Да и священник в местной церкви, говоря откровенно, какой-то блаженный. Отнюдь не особист — не в свои дела не лезет, а делает только то, что ему действительно положено.

— Здравствуй, Оскар, — По-немецки поприветствовал я химика, заходя в его «лабораторию».

— О, герр Александр, день добрый. — Ларсен выглядел как-то подавленно и устало. Похоже, он явно не находил себе места.

— Что-то случилось? Ты уже пообедал? — Поинтересовался я у него.

— Да... То есть нет, — Он прикусил губу и, отведя взгляд, постучал пальцами по столу, отбивая нервный ритм. — Видите ли, герр Александр, для того, чтобы получить кислоту, нужен один важный алхимический элемент — «пиритсе литос». Обычно его называют пирит. — Оскар достал из сумки блестящий камень серого цвета.

— Так, а в чем же проблема? — Уже понимая, что является причиной его тревоги, спросил я.

— Это последний камень из моих запасов, — развёл руками он.

— Он дорогой?

— Отнюдь, герр Александр, едва ли дороже железа. Однако его нужно заказывать, а пока не сойдёт лёд — это невозможно. И вообще для опытов нужно много довольно недешёвых вещей, купить которые здесь вне сезона почти невозможно. — Оскар обречённо опустил голову.

— Может быть, у тебя есть опыт в каком-то другом процессе, не требующем редких веществ? — Попытался я навести его на мысль. Он задумчиво посмотрел в стену, но потом вдруг перевёл взгляд на пустую стеклянную колбу на своём столе.

— Вообще-то есть. — Воодушевлённо произнёс он, улыбнувшись. — Надеюсь, песок и грязь в России ещё не стали закупать за границей в обмен на зерно.

Интерлюдия. Астафий.

Сегодня любо как металл идёт. Может, уголь давеча привезли добрый, а может Прошка уж больно приноровился мехами работать, однако ж время идёт к обедни, а мы уже десятый колун на дорожку самодвижную, что конвейером зовётся, кладём.

— Добре, Проша, отдыхай покамест! — Паренёк выдохнул и ловко присел на верстак, переводя дух. Я же, взяв колун, что далее топором станет, да понёс снова на учёт, что возле этой самой самодвижной дорожки находится. Там, значит, сидит отрок, грамоте обученный, что в книжонку записи ведёт, кто чего и в каком числе выковал. А опосля, когда плату получать приду, так он по записям своим сверится и точно столько и отсыпет мне. Мы

энтот уклад сначала плохо принимали, однако ж после уразумели, что так проще, да по времени выходит дюже быстрее.

— Небось сызмальства так не ковал, Астафий? — Хохотнул кто-то у соседней кузни.

— А ты чем языком чесать, Добрыня, догнал бы меня, — Сыскал я ответ своему дальнему родичу, что недавно в Борки перебрался. — А то вон к обедни токмо пару серпов и выковал. — Хотя на самом деле, не удумай наш барин, дай ему бог здоровьица, к Юрьеву дню холопов зазывать знакомых из сёл соседних, едва ли бы мы столько кузниц понаставили, потому как людей с тех самых пор, почитай, в двое больше в Борках живёт. Да приехали в основном люди, до труда охочие, каких на фактуре всегда в недостатке. Стариков же, да прочих, к работе неспособных, почитай что пару десятков и приехало. Места тем людям, знамо дело, не хватало по началу, да пришлось многим на фактуре ночевать, по указанию соратника барского, Максима. Однако ж потом каждый двор принял два-три человека, благо наши все место в своих дворах. В тесноте, как сказывается, да не в обиде.

— А я, чтоб ты знал, Минаду помогал его печь класть! — Да, вот на то я уже ответа не сыщу. Минад, он хоть и языка русского и не понимает, да кожей, что уголь, темный, однако ж кузнец вельми добрый. Сам барин его хвалил за работу тонкую над деталями, им для самопала нужными. А сейчас вон и вовсе — какую-то печь особую ставить стал. Высокую, однако ж узкую, как кувшин. Мол на югах такие кладут, да в них с двумя мехами такой жар добывают, что вся добрая сталь сама и вытекает. Сказывают, такую добрую, что кремень из неё искру в раз высекает, да звон долгий стоит от клинков, из той стали выкованных. Ну, то мне, знамо дело, не ведомо, как она варит. Однако ж то, что Минад добрый кузнец, то всем ведомо. Даже когда седмицу назад барин с заморским розмыслом Жаком да православным, слава тебе, господи, плотницким мастером Тихоном свой чудо-шар на два десятка шагов вверх запустили. Когда вся фактура во двор вышла, да рты поразинула — Минад только хмыкнул эдак как-то по-своему, по-южанскому, да снова ковать повадился.

Глава 11. «Тучи на горизонте»

В это будничное утро понедельника мы с моими сподвижниками вновь собрались в моём поместье вокруг символьного круглого стола.

— Таким образом, господа, все ведущиеся стройки до весны следует приостановить, потому как погода не позволяет их продолжать. — Я оглядел всех собравшихся на очередной плановый еженедельный совет. Сегодня только Генрих не смог прибыть из Новгорода по пока непонятным мне причинам. Обычно он всегда являлся в понедельник утром и, приняв участие в обсуждении планов на неделю, до самого вечера по мере своих возможностей помогал с реализацией даже самых смелых задумок. Зато в ряды нашего деревенского парламента с недавних пор вступил представитель от всех кузнецов мануфактуры — опытный, но сравнительно молодой кузнец Астафий. От остальных его, помимо не дюжей силы отличал относительно прогрессивный, гибкий ум, повернуть который в нужное русло не должно составить труда. Вообще всю мануфактуру целиком представляет Тихон, который отчитывается об успехах, о проделанной работе и о возникающих вопросах. Как оказалось, плотник по мимо выдающихся навыков в работе с деревом, неплохо считает и вообще является на редкость ответственным и притким человеком для своего возраста. Конечно, если его правильно загрузить работой. Сейчас он выполняет скорее функцию учителя среди резчиков мануфактуры, что позволяет ему выделить достаточно времени для составления относительно подробного отчёта о производстве за неделю. Однако в вопросах металлургии Тихон откровенно слаб, а потому с недавнего времени в нашей палате представителей сразу два разнопрофильных советника от моего предприятия. Из всех моих соратников лишь Макс, пусть немного разочарованно, но всё же с пониманием закивал.

— Барин, я всё ж в толк никак не возьму, — Робко начал Ефим, формальный староста деревни. — Ты ж ведь с человеком простым почти по-нашенски речь ведёшь, а со мной, да с другими, кто у стола оного заседает, почитай что каждую седмицу, по иному говор свой ладишь. — Старик озадаченно почесал лоб и вопросительно посмотрел на меня.

— Видишь ли, Ефим. — Я сел поудобнее, планомерно складывая исписанные желтые листы. — Я ведь с простым человеком так говорю, потому что иначе не поймут они меня. А ты, хоть и с трудом, но понимаешь, о чём я сейчас говорил, не так ли?

— То так, барин, — Смирненно произнёс он. — Всё ж замечать я стал, что речь твоя и вправду как-то приятнее, да вельми складная, хоть слов непонятных и много.

— Рад, что тебе нравится, — Благодушно отозвался я.

— Эх, всё-таки жаль, что стройки нужно остановить. — Сокрушенно посетовал Максим. — Мы ж ведь столько всего планировали! И дома новые для рабочих и склад расширить. Баню нормальную для народа, белую, в конце концов!

— Да, вот за баню и правда обидно. — Согласился я. — И всё же как успехи в повышении «чистоты» населения? — Макс широко улыбнулся. Так мы называли общий план по прививанию населению норм гигиены, которым, в основном, Макс и занимался.

— С баней, конечно, сподручнее было бы. — Мечтательно вздохнул он. — Но и без неё люди стали заметно больше мыться. Все-таки идея с обязательным тщательным мытьём до и после работы на мануфактуре показала людям блага чистого тела. С бородой никого уже почти не осталось, а селитряницы ломаются он отходов. — Я благодарно кивнул своему, пожалуй, ближайшему сподвижнику, после чего призывно кивнул мнущемуся от нетерпения

лейтенанта.

— Говори, Ваня. — Дал я разрешение офицеру. Тот встал и начал уверенный доклад.

— Командир, на сегодняшний день в гвардейском отряде насчитывается три десятка и семь человек, из которых тридцать три рядовых, три сержанта и один лейтенант. Тренировки и занятия ведём по всем указаниям и с должным прилежанием, за каждого ручаться могу. Давеча спытали упражнения новые, что ты, командир, боем штыковым называл. — Иван воодушевлённо выдохнул. — Рядовые взялись по началу артачиться, дескать только с деревянных сабель отошли, а уж с копьями такими же возиться. Однако ж когда мы их погоняли изрядно, значит в наказание за чрезмерное невлечение, они тут же с желаньем дивным стали и в куклы соломенные колоты и в боях учебных, не щадя друг друга и себя, биться.

— Хорошо, лейтенант, объявляю благодарность. — Серьёзно кивнул я. — А как дела обстоят с разведкой местности.

— То мы почти закончили, да на листы всё, как ты и сказывал, перенесли. То бишь, значит, карту местности составили. — Ваня достал из внутреннего кармана своего сюртука аккуратно сложенный, большой квадратный лист со сторонами примерно пол метра и, подойдя ко мне, разложил его. — Вот, командир. Эту карту рядовой с третьего десятка Бьёрна составлял. Парнишка покамест по силе да ловкости отстаёт малость, однако ж карты вельми точно составляет. — Я взглянул на чёрно-белые зарисовки. И если сначала трудно было разобраться, где на ней что, уже через десять секунд я сориентировался и нашёл сначала деревню, расположившуюся в центре, потом реку, лес, множество ориентиров. Этот самый рядовой даже умудрился показать возвышенности и низины, что у него очень неплохо получилось. Но самым главным достижением был масштаб. Судя по всему, точность карты в плане соотношения расстояний на редкость велика. Всего на листе была показана площадь примерно в семьдесят-восемьдесят квадратных километров, на которых аккуратно были нанесены интуитивно понятные пометки, вроде поваленного дуба, колодца, зарослей малины и... Так, а это что? Возле реки красовалась неприметная пометка в виде треугольных палаток и костра.

— Лейтенант, а это что за обозначение? — Усмехнулся я. Мысленно прикинул и понял, что примерно в этом месте мы в неделю назад проводили первые стрельбы.

— А, точно! — Опомнился офицер. — Командир, это место, где мы с пищалей давеча стреляли. Так вот, мы в том месте лагерь поставить думаем. Ну, чтобы, значит, от деревни подальше без утайки упражняться. Да и, мнится мне, так для рядовых лучше будет. Ведь здесь они, почитай, на твоём коште сидят. Хоть и тренируются, однако ж к походной жизни не шибко приспособлены. — Ваня тяжело вздохнул. — В общем, только твоё добро нужно. — Скромно опустил взгляд он.

— То дело хорошее, — После недолгих раздумий, сказал я. — Однако в таком случае нужно, чтобы в деревне всегда было два гвардейца одвуконь, дабы в случае чего я мог послать их за всем отрядом.

— Так точно, командир! — Звонко отчеканил он. — Только они каждый день меняться будут, дабы все упражняться поровну могли. А как на смену поедут, так и припасов могут прихватить.

— Здравая мысль, Ваня. — Заметил я. Лейтенант засветился от приятной гордости. — Однако если уж решили лагерь в лесу ставить, то и на охоту выходите, чтобы хоть чуть-чуть, но снабжать себя самостоятельно.

— Так это понятно, — Согласно кивнул он. — А лес тут на дичь дюже богатый, так что не сумлевайся, не пропадём! — Лейтенант вернулся на своё место и стал смиренно ожидать указаний. Я же ещё с пол минуты с интересом изучал невероятно качественное отображение местности и ландшафта на столе. Наконец, оторвавшись от сего творения, безусловно, будущего картографа, я продолжил заседание.

— Астафий, тебе есть, что сказать? — Подключил задумчивого кузнеца, до этого скромно сидевшего на месте и не подававшего вида.

— Ну, значит, всё пока добре идёт. Крица вельми добрая, да уголь тоже неплох. Куём с каждым днём всё больше, люди вроде довольны. — Астафий задумался, а потом, видимо поймав нужную мысль, воодушевлённо вскинул голову. — А, ещё кузнец, ну тот арап, которого Минадом кличут, печь свою почти сладил. Однако ж, как я понял, а мы с ним дюже говор общий нашли, ему ещё немного времени нужно, дабы всё сладить, да спытать. Я ж по указанию твоему, господин, за ним наблюдал. Печь его, барин, дюже сильный жар даёт, что всё железо, что вода, вытекает, да сероватая какая-то и лить из неё, наверное, дюже удобно всё. Однако ж я того всё ж таки не ведаю. — Кузнец сел, давая мне понять, что доклад свой он закончил.

— Хорошо, Астафий, ты славно поработал. За Минадом же больше не следи. Пусть экспериментирует. Я думаю, из этого выйдет кое-что интересное. — Я скоился на Макса, который также сидел с глупой улыбкой в предвкушении огромного профита от первой на Руси домны. Подумать только: ещё недавно я сокрушался по поводу нереальности подобного сюжета, думал о том, какой громадный рояль падал на попаданцев из книжек, когда они открывают для себя доменную печь. А сейчас вот, уже почти готов самостоятельно пожинать плоды продвинутой, по местным меркам, металлургии.

— Тихон, а что по отчёту производства на прошлой неделе? — Выдернул я сам себя из мечтаний.

— Дозволь доложить, барин, — Буркнул себе в усы немолодой, но от этого вовсе не потерявший в здоровье плотник. — За прошедшую седмицу на склад фактуры поступило:, — Он, прищурившись, взгляделся в листок жёлтой бумаги у себя в руках. — Два десятка и девять топоров, две сотни и семь десятков гвоздей, шешнацать плугов, четыре десятка лопат ровно и пол сотни дуг самострельных и механизмов с ими же. К сему ещё следует добавить, что по задумкам твоим рабочие собрали пол дюжины плугов особливых и десятков и одну раму для телеги. Что же по самострелам, то собрали за седмицу аж четыре десятка и две штуки оных. — Он аккуратно перевернул лист и вчитался уже в обратную его сторону. — А пищалей фитильных собрать успели всего пять штук, однако ж могли и больше, но ты, барин, велел с ими пока не работать много, потому как опосля другие механизмы делать повелишь.

Всё верно, — Согласился я. — После собрания передай все ружья лейтенанту. Ваня, организуй каждодневные стрельбы и охоту с пищалами.

— Есть! — Отозвался он.

— Всего же сейчас на фактуре, с кузнецами, да сборщиками, самострельными и теми, что на дорожках самодвижных работают, почитай шестьдесят человек трудятся. — Закончив доклад, Тихон с некой гордостью закрутил свой ус и степенно присел на место.

— Хорошо, Тихон. А есть ли рабочие, которые лучше остальных работают, с усердием большим?

— Так вестимо есть, барин. — Пожал плечами он.

— Тогда вот, — Я положил на стол увесистый мешочек, содержащий в себе аж целых пол рубля мелкими монетами. — Выдай самым усердным премии. Пусть народ знает, что труд вознаграждается. — Тихон осторожно взял мешочек и трепетно убрал его под рубаху, покорно кивнув.

— Максим, а как дела обстоят с порохом? — Вновь перевёл я взгляд на своего собрата по несчастью.

— Серу стабильно подвозят из шахты в соседнем селе, с углём проблем нет вовсе. А вот селитряницы поспеют разве что к лету, а потому приходится селитру закупать отдельно. А сейчас на рынке она не всегда есть. Но в общем пока я получаю около двух килограммов пороха в день. Это не напрягаясь и без подключения лишних рабочих рук. Ну и если, конечно, поставки селитры остаются стабильны.

— Отлично. Тогда отсыпь плюс-минус килограмм и передай гвардейцам для тренировок.

— А не маловато будет? — Усомнился Макс.

— По моим расчётам этого должно хватить примерно на сто выстрелов. А уж патроны бумажные все в отряде клеить умеют. Так ведь, лейтенант?

— Так точно, командир! Все уж руку набили, почитай что по патрону в минуту каждый клеит — Отчеканил Иван.

— Астафий, а что у нас по запасам свинца? — Перевёл я взгляд на кузнеца.

— Ежели не ошибаюсь, около пуда оставалось. Однако ж его и не пускаем никуда уже почитай как две седмицы.

— Вот и пустите! Весь свинец на пули, по тем же заготовкам.

— Исполним, барин, — Воодушевленно сказал, как отрезал кузнец, который как-то раз ознакомился с тем, что способны учинить пятнадцатиграммовые круглые шарики, если их разгонят под большим давлением по гладкому стволу пороховые газы.

Мы обсудили ещё несколько менее важных вопросов, после чего очередное собрание, продлившееся по обыкновению около часа, закончилось. Все вернулись к своей работе, а я же вышел в двор, чтобы просто насладиться морозным декабрьским воздухом. Всё же зима в прошлом тоже какая-то особенная. В первую очередь потому, что снег как бы скрывает всю грязь, которой, благодаря Максусу, хоть и стало меньше, но которая неизменно сопровождала как сельскую местность, так и города. Причём ещё непонятно, что в большей степени.

— О чём думаешь? — Оторвал меня от размышлений ни о чём мой собрат-попаданец.

— Да так, — Отмахнулся я. — Пустое.

— Производство мануфактуры сейчас на пике. — Восхищённо заметил он.

— Оно каждый день бьёт рекорды, — Усмехнулся я. — Как бы наше предложение не убило на рынке к чертям собачьим весь спрос по весне.

— Да-а, склады уже сейчас грозятся заполниться. А ведь у крестьян зимой времени много, ожидается наплыв новых желающих.

— Пусть приходят, у нас тут всё на добровольной основе. — Мы ещё немного постояли, выпуская густые клубы пара в морозный воздух.

— Ведь если так прикинуть, это ж сколько денег... — Мечтательно протянул Макс.

— Много, — Согласился я. — Но можно сделать и больше.

— А куда столько? — Хмыкнул он меланхолично.

— Сейчас — мало куда. Но вот если что вдруг случится? Всё это время, эта эпоха, по сути своей непрекращающаяся война. Война за деньги, за власть, да за что угодно. И причём

чем больше мы будем иметь, тем больше объявится претендентов на наше кровное. А для войны, Максим, нужны ведь всего-то три вещи.

— Оружие, люди и дисциплина? — Навскидку предположил он.

— Деньги, деньги и ещё раз деньги. — Я дал ответ, чем вызвал у Максима сначала нервный смешок, а после глубокую задумчивость.

Тем временем на дороге показалась крытая повозка. Ну почти карета, честное слово! Я узнал её. На такой иногда приезжает Генрих, но только в том случае, если едет не один. А так как я давно звал Анну в гости, завидев мало спасающую от холода телегу, переделанную в транспорт для около нулевых температур, я выскочил к обочине, встречая гостей. Знакомый кучер привычно остановился у моего поместья и бросив почтенное, но весьма небрежное «Приехали, сударыня», натянул поводья, останавливая двух лошадей.

Раздвигая плотную, но вовсе не играющую роль термоса ткань, из повозки робко шагнула завёрнутая в меха Анна. Завидев меня, она обрадованно, но сдержанно улыбнулась. — Приветствую в Борках, фройляйн Майер, — Улыбнулся я. Анна скромно хихикнула, скорее беря меня под руку и позволяя как можно быстрее сопроводить в тёплый дом.

— Здравствуй, Саша, — Соловьиным голоском отозвалась она. — Ты знаешь, я никак не ожидала, что в России зимой настолько холодно! — Анна очень редко приезжала в Борки, хотя я звал её сюда регулярно. В принципе, она всегда была за, но вот некоторые традиции и обычаи по понятным причинам не позволяли ей гостить у меня слишком часто и долго.

— Да это, на самом деле, ещё довольно тепло, — Отшутился я. Анна же, похоже, приняла это всерьёз и лишь тяжело вздохнула. — Кстати, а почему Генрих не приехал?

— Он сказал, что задержится. — Неуверенно начала она. — Всё говорил с какими-то купцами, что с юга пришли на санях. — Я напрягся. Генрих никогда не любил подолгу общаться с торговцами, считая их лишь средством покупки или продажи чего-либо. Конечно, он мог сделать исключение. Но это обычно происходило лишь тогда, когда купцы привозили с собой чрезвычайно важную информацию.

— Ты замёрзла? — Спросил я, хотя ответ, казалось бы, был очевиден.

— Немного, — Опустила она взгляд. — Но я хотела бы ещё немного постоять здесь. С тобой. — Анна ближе пододвинулась ко мне и я приобнял её, укрывая меховым плащом. — Знаешь, здесь хоть и холодно, но очень красиво. — Мечтательно произнесла она. — Даже деревья какие-то... Другие, что-ли. — Она восхищённо осмотрела одинокую берёзку, ветви которой были слегка припорошены снегом. — Даже простая берёза. Я же видела такие и дома и в Ливонских портах. Но там они были какие-то иные. А здесь так... Так чудесно.

— Белая берёза

Под моим окном

Принакрылась снегом,

Точно серебром.

На пушистых ветках

Снежною каймой

Распустились кисти

Белой бахромой.

И стоит береза

В сонной тишине,

И горят снежинки

В золотом огне. — Я неожиданно для себя вспомнил Есенина. Надо же, что-то ещё помню из школьной программы. Правда, дальше строки перестали всплывать у меня в голове и пришлось ограничиться лишь отрывком.

— Красиво... — Блаженно протянула Анна. Мы стояли в молчании, наслаждаясь окружением и друг другом. — А знаешь, Саша, — Вдруг сказала она и вдруг замялась. — Ты...

— Саша-а-а! — Сквозь приближающийся топот копыт послышался голос Генриха. Мы с Анной тут же отлипли друг от друга. Не то чтобы мы как-то скрывались от Майера старшего, однако традиции общества жестко диктовали свои условия.

— Ты куда галопом скачешь, коня загнать хочешь? — Скорее для виду, чем с реальным осуждением проворчал я. Генрих быстро спешил и, поприветствовав меня, буквально потащил за собой. — Хэй, дружище, что с тобой? — Попытался вразумить его я.

— Я общался с Московскими купцами, — Со взглядом сумасшедшего проговорил он. — Царевич Василий... Единственный наследник престола... Был отравлен и скоропостижно скончался. — Майер тяжело дышал и прерывался.

— А царь что? — Сухо спросил я.

— Говорят, с горя заболел. Не ровен час, за сыном отправится. Ты понимаешь, что это значит?

— Абсолютно. — Серьёзно кивнул я. Я понимаю, к чему всё идёт. Смута. Она, похоже, уже неизбежна. И пусть в моей реальности она и была аж на сто лет позже. Сейчас Россию ждёт нечто похожее, а учитывая отставание страны от западных соседей — возможно что и похуже. — И мы к этому подготовимся.

Глава 12. «Подготовка»

15(29) января 1506 года.

— На плечо! — Три десятка слаженных движений образуют монотонный, но приятный шум некой армейской организованности. — В штыки! — Это не шум суматохи или смятения. Нет, вовсе нет. Это механизмы взвода ружей приятно щёлкают от резких движений. Это стальные детали задевают плотный мундир. Это дышит уверенностью каждый из бойцов в двух шеренгах. — На изготовку! — Раздаётся очередная команда лейтенанта. Бойцы повторяют отточенные движения. — Первая шеренга, на колено! — И вновь звучит этот слитный звук, совмещающийся с единым движением всего-то пятнадцати человек. А что будет, если такой организации добьётся целая сотня? — Цельсь! — Все три десятка направили пищали на врага в лице такого же количества соломенных ростовых кукол, плотно стоящих в тридцати шагах. Повисла тишина. Абсолютное безмолвие. Лишь пронзительный, уверенный взгляд гвардейцев, казалось, вот-вот прожжёт мишени насквозь. — Пали! — Раздалась захватывающая дух команда. И в то же мгновение раздался слитный, как будто единый залп и ряды гвардейцев окутались густым дымом. Когда он развеялся, стало ясно что непоражёнными остались лишь десять целей. И это отличный результат, ведь заранее никто не договаривался, кто и куда должен стрелять. Когда же подсчитали отверстия в щитах, привязанных к мишеням, стало ясно, что ни один гвардеец не выстрелил в молоко. Ровно тридцать три попадания. Но это было потом, а сейчас взвод спешно, но без суеты перезаряжал ружья. На это у них ушло всего лишь пятнадцать секунд. Четыре выстрела в минуту в лабораторных условиях. Три, если сделать скидку на все сопутствующие факторы. Это успех. Маленькая победа на пути к полноценной.

Вооружить ружьями всех гвардейцев нам удалось совсем недавно. И для этого пришлось полностью перестроить мою маленькую промышленность на военные рельсы. Теперь вместо плугов и серпов в кузницах десять часов к ряду отливали пули, стволы, новые кремневые замки, которые нам таки удалось сконструировать путём множества проб и ошибок, механизмы спуска. Теперь в арбалетном цеху стали вырезать из дерева не сильно отличающиеся от самострельных, приклады и цевья для пищалей.

Сначала пришлось тяжело. Люди, привыкшие к созданию понятных им инструментов, долго не могли привыкнуть к тому, что теперь им нужно производить какие-то иные, ранее невиданные механизмы и собирать их в смертоносное оружие, устройство которого им было также непонятно. Однако путём повышения оклада всех рабочих, расширения общего штата сотрудников и грамотного разделения труда, где каждый в буквальном смысле вкручивал свою маленькую детальку в общий проект сложного механизма, нам удалось добиться производственных мощностей аж в девять единиц качественных ружей в день.

Процент брака продолжал огорчать, ведь восемь из десяти потенциальных стволов уходило на переплавку по тем или иным причинам. Где-то ствол кривой, где-то пружина соскакивает, а где-то и вовсе — оружие разваливается после первого выстрела. Тем не менее, гвардейцы были укомплектованы пищалами и сейчас склад заполнялся оружием для потенциальных союзников и новобранцев.

— Я думаю, нужно привлечь к учениям местных, — Задумчиво произнёс Максим. Мы с ним вдвоём стояли на пригорке, наблюдая за учениями гвардейского взвода. — Три десятка солдат, это, конечно, неплохо. Но на фоне грядущего как-то несущественно, что-ли.

— Ты прав, Макс. — Нехотя согласился я. — Однако отрывать людей от работы сейчас никак нельзя.

— Можно попробовать устроить еженедельные общие учения. — Неожиданно внёс он предложение. В субботу, например, до обеда люди работают в привычном режиме, а после берут ружья и вместе с гвардией тренируются.

— Предложение интересное, — Я вздохнул, поправляя свой мундир. Хорошее сукно, местного производства. Тот самый крестьянин, что брал когда-то у меня денег в долг, по мимо обычной ткани две недели назад стал гнать ещё и сукно. По сути плотная шерсть тонкими полосками, однако сшитая в несколько слоёв она даёт неплохую защиту от холода, влаги и даже в меру сильных ударов. Тот мужик неплохо поднялся, купил у меня землю возле мануфактуры и даже нанял несколько рабочих, заметно увеличив выпуск своей продукции. Я же охотно скупал у него выделанные из сукна мундиры, тем самым ещё и стимулируя его дело, вливая в него таким образом деньги. Однако цвет он делал только чёрный, от чего шеренги гвардейцев напоминали тучу, готовую вот-вот извергнуться тоннами воды. Хотя в нашем случае, наверное, всё же огня. — Но потянем ли мы ещё солдат?

— Ты считаешь, что работать с ними будем только мы, — Благосклонно упрекнул меня мой друг. — Но посмотри, сколько у нас есть прекрасных инструкторов, — Максим указал на продолжающих тренировку гвардейцев. Те снова дали слитный залп, предварительно сменив позицию и атаковав другую партию мишеней. Однако, на сей раз все три десятка, сделав выстрел, пошли в штыковую, имитируя столкновение с противником и яростно атакуя соломенные куклы. Сама идея штыка была реализована нами ещё когда ружья были фитильными. Ведь там, по сути, ничего сложного и нет.

— Ладно. — Я повернулся, положив руку на плечо Макса. — В следующую субботу начнём подготовку. А сейчас пойдём, у нас ещё много работы.

Мы вернулись на мануфактуру, где в спешном темпе бились рекорды производства. К концу этой недели мы планировали пересечь рубеж в десять единиц пищалей в день. С недавнего времени в кузнечном цеху появилась ещё одна, особенная кузня, сильно выделявшаяся от остальных необычной формой и, что самое главное, функциональностью. Первая домна, созданная выходцем из Персии Минадом успешно работала, выдавая ежедневно греющие меркантильную частичку моей души килограммы чугуна. Не знаю точно, как это работает с точки зрения химии, однако эта разновидность железа, как я понял, имеет отличные литейные свойства. Так что из него можно легко отливать относительно качественные вещи. Да, для штыков или клинков чугун не годился, поскольку, как выяснилось, имеет низкую, по сравнению со сталью, твёрдость. Однако изготавливать из него детали и предметы, по задумке не подвергаемые большой нагрузке получалось гораздо быстрее, чем при использовании стали. В целом я во всей этой металлургии плохо разбираюсь, а потому пока что возложил ответственность за всё железо и чугун на Минада. Благо, у мужика голова хоть и не русская, однако соображает бодро и пока что все его идеи работали нам на руку. А благодаря невероятно высоким температурам её могут использовать не только кузнецы, но и Оскар, которые не так давно наконец приноровились выделять из разного рода шлака и песка стекольную шихту. А буквально на днях датчанин смог выдуть из него первый уродливый на вид и вовсе непрозрачный сосуд, который, впрочем, отлично выполнял свои основные функции. Эх, не объяви я не так давно военное положение на мануфактуре, можно было бы смело кричать: «даёшь стеклопакеты!» и в скором времени

окончательно избавиться от ненавистной мутной слюды вместо привычных стёкол. Ведь Оскар, как я понял, делает стекло чуть ли не из мусора, смешивая песок, глину и мел в одном ему известных пропорциях и обжигая всё это в экстремально высоких температурах.

Если Макс по приезде на мануфактуру сразу же побкжал дёргать Оскара на производство пороха, затраты которого грозились многократно вырасти, то меня ждали простые рабочие на производстве ружей. Но, к большому сожалению, нормально поработать мне не дали. Сегодня я планировал проконтролировать работу сборочного цеха, где, как нам удалось выяснить, и случается большая часть брака в виде неправильно собранных механизмов или криво закреплённых к ложу стволов. Всё же крестьяне есть крестьяне и переделать их из землепашцев в суровый рабочий класс так просто не выйдет. Конечно, если получится наладить бесперебойное поступление продовольствия в деревню из вне, тратя на него принесённые мануфактурой средства, нам, скорее всего, удастся создать условия для работы предприятия независимо от сезона. Но это если получится. А грядущие события в истории страны могут не просто поставить под вопрос, но и попросту перечеркнуть все связи с регионами, производящими основную массу еды.

Так вот, поработать мне не дал человек, примчавшийся с блокпоста на северном краю деревни. Да, для контроля над тем, что въезжает, а что выезжает из селения пришлось прибегнуть к таким мерам, как вооружённые посты на всех въездах в Борки. Туда даже поставили будки с печками для согревания и соорудили простенький шлагбаум. Дёргать на это задание гвардейцев я посчитал нерентабельным, а потому поставил на каждый такой пост двух человек из крестьян покрепче, выдав им по арбалету, трофейные копья, клинки и даже кое-какую броню. Правда, они только внешне напоминали солдат, скорее беря безобидных контрабандистов от налогов и эмигрантов на понт своим внешним видом. К слову, пока эта схема ни разу не подводила, хотя тех, кто пытался нарушить закон едва ли набиралось пол десятка.

— Командир! — Неумело остановив неподатливого скакуна, обрывисто крикнул он. — Там это, муж какой-то приехал. Один, на коне, говорит, сотник из полка Новгородского, Григорий. Ну его Климентий щас, значит, пасёт с самострелов. А то, значит, вдруг оный тать какой, что честным человеком прикидывается? — К слову, к своей работе хозяева шлагбаума относились с невероятной ответственностью, припоминая, как я каждый раз наказывал преступников. Постовой с трудом справился и натянул удила и сейчас с непривычки ёрзал в седле, ожидая моих указаний.

— Молодец, Емеля, — Припомнил я имя крестьянина, в свободное время активно промышляющего свозом отходов в селитряницы и получением за это неплохого дохода. Он один из немногих крестьян, кто имел у себя на подворье приемлемого качества телегу, а потому сначала стал брать отходы у своего соседа, меняя пуд на две полушки, то есть на пол копейки, а потом этот самый пуд отходов свозил на селитряницу, что стояла на другом берегу речушки и получал за это уже целую копейку. Потом, с моей подачи, мужик додумался собирать таким образом мусор со всей улицы, зарабатывая на этом не меньше рабочих мануфактуры. А когда ему удалось сколотить неплохой капитал, я, как государство, заинтересованное в развитии малого и среднего бизнеса, продал ему за пол цены хорошего коня и даже в подарок привёл телегу в отличный вид, в котором она, наверное, не была с самого своего создания. Так что теперь, наверное, половина села сдаёт ему каждое утро отходы вёдрами, экономя таким образом время и позволяя предприимчивому крестьянину богатеть. А богатеть просто так он не собирался, уже подумывая купить ещё одну телегу и

лошадь к ней, привлекая к работе кого-нибудь из своих родичей. Однако сейчас была его очередь стоять на посту. Она доходила до каждого мужчины, который не работал на мануфактуре в возрасте от шестнадцати до сорока лет, что позволяло ежедневно не только контролировать тех, кто въезжает и выезжает из деревни, но и помогало составлять примерное представление о численности населения и его росте. Ведь мигранты прибывали до сих пор. Сейчас, конечно, лишь из города и не так активно, как в период Юрьева дня. Да и были это в основном бедняки, как-то и где-то услышавшие о месте, где людям на Руси жить хорошо.

Мы с Григорием не торопились обсуждать казалось бы кричащие темы по пути к моему поместью, поскольку простому народу подробности были неизвестны, а долетали, как правило, обрывки информации, построить всю картину из которых у народа зачастую не получалось. Однако когда мы с ним закрылись в совещательной комнате моего поместья, нас как будто прорвало, подобно информационной плотине.

— Ты знаешь? — Коротко буркнул он себе в густую бороду.

— Да, — Так же мрачно отозвался я. — Но почему ты приехал только сейчас? — Старый воин насупился и, хмуря брови, тяжело вздохнул.

— Когда в полку прознали о царевиче — молва недобрая пошла. Многие о бунте всерьёз задумались, а кто и вовсе бежать вздумал. Ну, с моей сотни таких почитай что и нет. — С какой-то невесёлой гордостью заявил он. — Однако же Михаил с недюжей строгостью наказывал всех баламутов. Головы полетели только так. В основном среди простых вояк, но и десятники многие тоже получили. За их место Михаил взял воинов из отроков. То странно, обычно кого поопытнее берут, — Григорий пожал плечами и замолчал, видимо обдумывая, что сказать дальше.

— Обычно так делают, когда хотят увеличить собственный авторитет за счёт поддержки новопришедших. — Переварив информацию, сотник задумчиво хмыкнул.

— То-то я приметил, что среди десятников многих почем зря казнили. Ведь волновались то все, даже сотники.

— А сотников трогать опасно, у них авторитет выше. — Резонно подметил я. — Однако, мне кажется Михаил просто хочет сохранить боеспособность полка на случай угрозы.

— Так ведь вроде свеев побили, — Наивно поднял взгляд на меня старый воин. Эх, не хватает политинформации в современной армии, ох не хватает.

— Шведы получили по зубам, это верно, — Кивнул я. — Однако мирного договора с ними царь так и не подписал. Король Олаф сумел сбежать и по рассказам купцов вновь зазывает германских и швейцарских наёмников в Стокгольм, стольный град Швеции.

— Думаешь, по весне снова на нас пойдут? — Сглотнул повидавший не одно сражение вояка.

— В этом году вряд-ли, у них сейчас разборки внутри страны. — Я припомнил, как последние в году ганзейские купцы рассказывали о восстаниях на севере Скандинавии как среди простых людей, так и среди местной знати, огорчённой неудачами в войне. — Однако в следующем году очень может быть. Да и ливонцы с поляками спят и видят, как Русь развалится, чтобы не подавиться слишком большим куском, а съесть нас по чуть-чуть. Крымчане, опять же, при поддержке осман побегут возвращать южные рубежи. — Я закончил мысль, после чего воцарилась звенящая тишина.

— М-да, тяжело выходит. — Ещё больше помрачнел Григорий.

— Да. И поэтому сейчас важно сохранять сплочённость, не давать русским землям

развалиться.

— Если царь-батюшка богу душу отдаст...

— Ничего хорошего не будет, Григорий. Под Москвой останутся многие княжества, однако без законного царя все они начнут вскоре бунтовать и откалываться. Власть возьмут бояре, а они этой властью делиться не любят и потому в междоусобной грызне продадут к чертям всю страну. — Припомнил я события смуты из моей истории. — У нас же ситуация ещё хуже. Ведь ежели Иван Васильевич и правда... — Я сам от тяжести сглотнул. — Того. То Новгород отделится тут же, потому как князя местного у нас нет и мы рискуем полностью пропасть в Смуте.

— А тебе-то что с того? — Вдруг скептически подметил Григорий. — Ты ж сидишь себе тут, да самострелы строгаешь. А какое тебе дело, русичи в Новгороде, ляхи или свеи? — Сотник впервые за всё время посмотрел на меня так... Так необычно. Вот вроде и с уважением, но при том с каким-то странным привкусом презрения.

— Ты знаешь, Григорий. В древности в Греции, что сейчас под османами находится, жил один розмысел. Башковитый был, всем на зависть.

— Это к чему ты? — Скопился он на меня.

— Так вот ты слушай, Григорий. Вот представь, набираешь ты воды в бадью до краёв. А как ложишься в неё, так вода и выливается.

— Ну то вестимо, а розмысел греческий тут причём?

— А розмысел тот сказал, что заставить воду не выливаться из бадьи нельзя. Однако можно увеличить её глубину и ширину, чтобы можно было налить больше воды.

— Не пойму, — Помотал головой он.

— Ежели ляхи или свеи Новгород займут, то меня может и не тронут. Однако и развиваться, расширять мою бадью мне также не позволят. Потому что они придут со своими бадьями и своей водой. Свеи с давно забытой всеми верой станут переделывать всех под себя огнём и мечом, как они это сделали с финнами и норвежцами. Ляхи же со своим католичеством тоже не дадут житья, ведь ничего нового, а тем более иноземного терпеть не могут ни по вере, ни по нраву своему. А сидеть с той водой, что есть у меня сейчас я уж точно не собираюсь. Мы не можем сделать ничего с тем, что царь болен. Однако мы в силах не дать иноземцам русскую землю топтать, когда для нас тяжелое время наступит.

— Когда б всё так просто было. — Уже более мягко буркнул он.

— Не может в целом полку столько людей о бунте помышлять. — Начал рассуждать я. — Значит, вероятно, кто-то намеренно разводит слухи и сплетни.

— Но для чего? — Взвился сотник.

— Ясно для чего, — Хмыкнул я. — Чтобы выслужиться перед перед будущими хозяевами. Или выполняет ими данную задачу.

— Ах он... — Григорий до хруста сжал морщинистые кулаки.

— Не горячись. Мы пока даже не знаем кто он. А возможно, это и вовсе не один человек. Нужно узнать, что за крыса засела в детинце и баламутит весь полк.

— А как же выведать это? — Озадаченно почесал он затылок.

— Есть у меня одна идея...

Глава 13. «Непогода»

11(25) февраля

Сегодняшний день, как и вся неделя до этого, сопровождался заунывным завыванием вьюги на улице, которая рушила все наши планы обучения местного ополчения до хоть какого-то подобающего уровня. Сейчас в деревне базировалось ровно сто шестьдесят четыре фактических солдат. Это если сложить три с лишним десятка гвардейцев, составляющих даже самостоятельным подразделением мощную силу, шесть десятков рабочих мануфактуры, которые успели провести лишь две полноценные тренировки совместно с гвардейцами и лишь на днях получили свои мундиры. Только не чёрные, как у гвардии, а серые. Взвод Ивана уже в полной мере освоил ружья и штыковой бой. Елисей, некогда в совершенстве овладевший арбалетом, показывал лучшие результаты и с огнестрельным оружием. Он без проблем поражал ростовую мишень с дистанции в семь десятков шагов, а относительно прогрессивный протез ноги, выполненный из дерева и стали и спроектированный Жаком, позволил ему принимать участие почти во всех тренировках отряда. Было заметно, что сержант работал больше остальных, прогрессируя почти каждый день.

Третьей же силой был отряд Григория. Семь десятков солдат, отлично владеющих оружием ближнего боя и примитивными луками. Выдавать им мундиры из местного сукна или тем более огнестрел я по понятным причинам не торопился. Да, мы с Григорием де-факто договорились о том, что в случае какого кипиша будем держаться вместе. А то, что этот кипиш рано или поздно настанет всем посвящённым в ситуацию очевидно. Однако сотник и его люди сейчас по факту закреплены за полком и находятся под командованием Михаила, а потому полностью на них положиться я не могу. Однако раз в неделю весь отряд также прибывал в Борки на совместные учения. И если в борьбе и кулачном бою гвардейцы лишь незначительно проигрывали солдатам полка, то вот в фехтовании вторые не оставляли взводу Ивана ни шанса. Всё-таки за ними опыт и физическое превосходство, обусловленное банальной разницей в возрасте. Впрочем, на усиленном питании рядовые быстро набирали полезную массу и через пару лет тренировок вполне могли стать первоклассными профессионалами своего дела. Вот только кто мне даст эти пару лет?

Да, к огнестрельному оружию сотню Григория я не подпускал (хотя они и сами относились к нему скептически, даже когда увидели, что сотня стволов делает с группой мишеней за один-единственный залп. И это при том, что многие ополченцы-рабочие до сих пор не могли избавиться от привычки закрывать глаза и дёргаться перед выстрелом). Но зато арбалеты, которые в большом количестве сейчас лежали на складе, ожидая своего отправления на первых весенних купеческих кораблях, неожиданно пришлись им по вкусу. Да, не сразу, однако уже на третьей тренировке сто процентов личного состава отказалась от луков в пользу самострелов. Тем более, что арбалеты, которые выпускала моя мануфактура, были на голову выше качеством тех, которые они видели ранее.

В общем и целом — сто шестьдесят человек, которые к весне должны сплотиться и, перенея сильные стороны друг друга, стать единой силой. Это если погода позволит. А продолжающаяся вот уже неделю с малыми перерывами вьюга явно не располагает к усиленной военной муштре. Конечно, против зарубежных армий это не более чем пшык, однако для подавления внутригородских мятежей и волнений — вполне себе неплохо. В

Новгороде я сбываю весь свой товар, а возможные восстания распугают к чертям всех купцов, которые мой товар и покупают. А мне оно не надо, поэтому придётся в случае чего малость повоевать за благополучие города.

Кстати говоря о городе. Неделю назад я отправил лучшего особиста отряда, Лаврентия, на задание особой важности в Новгород. Он должен собирать информацию о влиятельных силах и, что самое главное, о волнениях в народе. А как только ситуация примет облик необратимой — пулей мчаться в Борки и во всех подробностях доложить о происходящем.

Я сидел на стуле, глядел в окно, за которым бушевала непогода и уже в который раз чистил ружьё, в неизвестно какой раз разбирая механизм до последнего винтика и пружинки и в который раз собирая всё обратно.

— И давно ты так сидишь? — Спросил внезапно вошедший в комнату Генрих. Я подскочил от неожиданности и чуть было не выронил шомпол из руки. Вот это, пожалуй, единственный плюс непогоды. Генрих и, что важно, Анна, уже неделю гостят у меня. Да, при большой нужде они могли бы уехать даже в метель. Однако это, вроде как, риск, возможный удар по здоровью... Да и не хотели они возвращаться в шумный Новгород, где во всю расползались слухи о надвигающемся бедствии и весь народ наверняка был как на иголках, а блаженная матушка Генриха регулярно попрекала его своими анти-русскими замашками. Это здесь, в деревне, где люди привыкли к своей практической непричастности к верхам и где народ банально не понимает возможных последствий, все разговоры о смуте если и ведутся, то вяло и скорее от нечего делать.

— Уже довольно долго, — Вздохнул я. — Чертова метель рушит все планы! — Я сжал приклад ружья, не зная, куда деть негативные эмоции.

— Я думаю, она продлится ещё не долго. — Задумчиво проговорил Генрих, смотря в окно. — О, кажется, кто-то идёт. — Меланхолично заметил он. Я бросил во двор ленивый взгляд. Не узнать тучную фигуру Жака невозможно. Сложнее, наверное, только поверить, что француз изменил своим убеждениям и покинул свой дом в такую непогоду. Это могло значить лишь одно — что-то с чертежами. Либо Жак мчится посоветоваться, либо, что он любил гораздо больше, похвастаться успехом.

В этот момент в комнату вошла и Анна. За последнюю неделю она взвалила на себя обязанности трёх моих слуг, что поддерживали дом в чистоте и готовили еду. Точнее сказать, взяла на себя руководство над ними, зачастую выполняя работу вместе с ними. Не полностью, конечно, однако Анна, забыв о благородном происхождении, считала, что раз уж им пришлось погостить у меня дольше обычно, то она не может просто сидеть на месте. А может, этот порыв связан с нашим сближением, которое, в условиях нахождения в одном доме столь длительное время, было чем-то очевидным и зависящим лишь от времени. Так или иначе, но поместье под её началом заиграло какими-то новыми красками. И всё же немцы — удивительный народ. Конечно, не такой удивительный, как русские, которым я поражаюсь порой до сих пор, хоть сам им являюсь. Но немцы — особенная масть. Они организованны, чистоплотны и дисциплинированы. И в этом с ними едва ли кто-то может соперничать. Анна является ярким представителем этого строгого, но чистоплотного народа. Генрих же был абсолютно не против такого поведения сестры. Видимо, он уже решил, что этот дом вскоре станет и её домом, а мы с моим немецким другом вроде как даже породнимся. Обязательно. Вот только решу для начала все проблемы и сразу в церковь на венчание. Хотя, чем дальше я смотрю на Анну, тем больше хочу плюнуть на всё и жить обычной жизнью русского дворянина вместе с ней. Но пути назад у меня уже нет.

— А мне нравится эта погода, — Вдруг заявила она. — Такая сильная и... Пугающая. — Её глаза блеснули той самой ноткой романтизма, которую я видел уже не раз. Вдохнув, она пришла в себя. — Я слышала, у нас гости. — В миг переключилась Анна с германской принцессы на русскую домохозяйку. — Сейчас, нужно накормить гостя.

— Не стоит, Анна. — Остановил её я. — Жак не выходит из дома на голодный желудок. Да и, похоже, он ко мне по работе.

Заваленный с ног до головы снегом, французский инженер ввалился в прихожую и тут же разразился тирадой на своём родном языке. Да так недружелюбно, что я даже обрадовался тому, что не знаю французского.

— Шьер Александр, как вашей стране не стыдно? — Раздражённо буркнул он, снимая с себя уже третий по счёту слой одежды.

— О чём это ты, Жак?

— Похоже, в этом году ви украсть весь снег у доброй половины Европы! — Добродушно рассмеялся он в свои благородные усы французского высокородного господина.

— То ли ещё будет! — Усмехнулся я. — С чем пожаловал, Жак?

— Я закончить работу над то, что есть водяная мельница, шьер Александр. — Мы вдвоём уткнулись в громадный чертёж, просто напичканный разного рода механизмами, нарисованный с разных сторон и ракурсов. Это была не то чтобы очень прогрессивная для Европы мельница, работающая от водного течения и способная выполнять самые разные задачи. От помола зерна доковки большими, неподъёмными для человека, кузнечными молотами.

— А можно мне взглянуть? — Вдруг раздался из-за спины журчащий голосок Анны. Жак взглянул на меня как-то озадаченно. Потом перевёл взгляд на Анну. И снова на меня, уже слегка раздражённо. Я лишь примирительно кивнул ему.

— Конечно, Анна, — Я отодвинулся, открывая ей дорогу к чертежу, разложенному на столе. Наверное, с пол минуты она с интересом изучала работу Жака и, казалось, совсем не замечает его раздражённого лица и обиженно поджатых губ.

— Здесь, — Вдруг ткнула пальцем она в один из передаточных механизмов, которые и переводили энергию воды в полезную для человека силу. — Детали находятся под слишком острым углом. Шестерни будут крутиться плохо. — Я сосредоточился на месте, куда указала аккуратненькая ручонка истинной арийской дворянки. Мне хватило нескольких секунд, чтобы понять, что Анна, по сути права. Жак же ещё некоторое время озадаченно пыхтел, силясь опровергнуть столь оскорбительное для него высказывание, но спустя несколько тщетных попыток всё же сдался.

— Ну и что же вы предлагать, мадам? — Обиженно, но с интересом буркнул он.

— Если выделить под этот механизм чуть больше места, то, вероятно, получится увеличить угол и даже убрать одну из шестерёнок, которая по итогу станет лишней. — Анна замолчала, виновато взглянув на меня со скромной улыбкой.

— Но откуда ты это знаешь? — Наконец задал я волнующий вопрос.

— Да, мадам, вы есть и правда понимать в инженерном искусстве. Но как? — Похоже, Жак и вовсе поник, осознавая, что его уделала девушка. Пусть и западноевропейского происхождения и далеко не простолюдинка, но... Девушка.

— Отец многому учил нас с Генрихом, — Пожала плечами она. — Но он предпочёл военное дело наукам, а я... Мне было интересно слушать отцовские учения. — Анна мило улыбнулась и, незаметно подмигнув мне, решила оставить нас с Жаком наедине с чертежами

и глубокой озадаченностью на лицах.

— Жак, — Первым пришёл я в себя. — Мельница-то конечно занятая. И полезная, слов нет. Однако ты же помнишь, что я говорил тебе сейчас работать над проектами военного плана. Всё же они нам нужны больше.

— Да-да, шьер Александр, — Очухался француз. — Я это помнить. Проект «Град» я уже почти закончить. Должен признать, идея есть очень хорошая. И я вроде даже читать и таком в древних восточных свитках. Как только шьер Оскар выделить мне порох, я даже смог собрать первый, что вы называете, образец. — Гордо заявил он.

— Прекрасно! И как он?

— Ну, — Жак замялся. — Погода не есть хороша для испытания.

— А, — Я разочарованно посмотрел в окно, за которым по прежнему бушевала метель. — Да, точно. А что со станком для реализации проекта «Град»?

— То есть, как здесь говорят, пустяк, — Отмахнулся он. — Это не есть сложно. Шьер Тихон уже вырезал один такой. Его мастерство, хочу сказать, в который раз поразить меня.

— Хорошо. — Кивнул я. — Тогда как только погода успокоится — испытаем образец. Пока что займись созданием разных образцов для испытаний. Экспериментируй!

— Да, шьер Александр! — Воодушевленно и почти с русским духом в голосе, ответил он.

С Жаком я постарался закончить побыстрее. Да и чертёж его, честно говоря, утвердить проблемой не было. Поэтому, озадаченный, но довольный врученной премией и, в большей степени, признанием собственного мастерства, француз удалился в темноту метели. Благо, дом его находился буквально в полусотне шагов от моего поместья и волноваться за то, что Жак заблудится, не приходилось.

Сам же я поспешил в комнату на втором этаже, которая стала для нас с Анной неким пристанищем, где мы могли не заботиться о формальностях общения и прочем бреде, к которому принуждала эпоха. Взяв из своей спальни мою «аналоговую» гитару, которая являлась обязательным свидетелем всех наших подобных посиделок с Анной, я вошёл в эту самую пустующую даже при наличии гостей комнатушку, где она меня уже ждала. Понятно, что Генрих, несомненно, в курсе того, что мы с Анной порой позволяем себе подобные встречи. Но Майер-старший по-дружески не обращает на это внимание, тем более понимая, что чести семьи подобное ни в коем случае не грозит. Да и я не планирую рушить его убеждения.

— Ты знаешь, я вспомнил новую песню, — Шепнул я на ухо Анне, когда она наконец позволила мне дорваться до гитары из своих объятий.

— Да?! — Её глаза загорелись каким-то детским интересом. — Давай, я слушаю. — Она с серьёзным видом, однако не сумев скрыть улыбки, села напротив меня.

— Ну, тогда слушай, — Усмехнулся я. И я принялся перебирать струны, извлекая приятную мелодию. Чем мне нравятся лирические песни, так это их непредвзятостью к музыкальному сопровождению. Даже самый простенький перебор можно, при желании, наложить на хорошую лирическую песню. — Когда вода всемирного потопа, — Начал я заунывную балладу Высоцкого. Впрочем, в этой реальности никто не узнает, кому именно принадлежат его песни. Да и не факт, что великий бард вообще родиться в будущем. — Вернулась вновь в границы берегов, из пены уходящего потока, на сушу тихо выбралась любовь...

Интерлюдия. Лаврентий.

Погода бушует уже вельми долго. Пожалуй, как я седмицу назад приехал в Новгород по особому поручению командира, так с тех пор и воет, как назло. Я же до того упражнялся с гвардейцами остальными с ватажки нашей, что гордо взводом гвардейским зовём. Мне же такое название по душе, да и остальным бойцам, похоже, тоже. Так вот упражнялся я со всем прилежанием: и с ружья палил и в снег падал по команде, да в снегу том добрую сотню шагов проползал, да с ополченцами с Борок проводил учения, навыки их ближнего, то бишь штыкового, да огневого боя совершенствуя день ото дня без продыху. А порой и сотник, командира вельми уважающий, со своими людьми приезжал, да уже нас они учили, как надобно саблей махать. Они ружья наши от чего-то не приняли, однако ж самострелы им от чего-то приглянулись и они их тут же попросили у командира. Он же им их дал, да токмо на время, что они упражняются и не более.

А дело мне командир и правда важное дал. Говорит, мол «Используй своё чутьё природное, да глаз намётанный, дабы в Новгороде следить за народной молвой да за волнениями». А дело то это не шибко хитрое: сижу, я, значит, целыми днями в корчме и слушаю, о чем народ говорит. И ежели что не так или бунт какой собирается, то сразу мне положено мчаться в Борки, вотчину командира, и доложить об этом ему.

Или, как погода сладится, так же по улицам неприметно ходить, да по дворам такое стараться услышать. Ведь в корчме народ хоть и бывает нередко, однако ж туда, мнится мне, серьёзный люд, что бунт затевает, собираться не станет. Хотя, ежели народ бунтовать вздумает, то об этом везде баить станут.

Вот только покамест вьюга метёт за окном — мне только и есть, что в корчме сидеть за кружкой кваса, да пьяные бредни слушать, сиясь из них чего полезного вытянуть. Однако ж бывает, что люди и много интересного по пьяному слову бают. Вот недавно был воин из полка Новгородского, что сильно на воеводу наговаривал. Мол лютует он не по-людски, да всех неугодных почём зря прижимает, на их место ставя добрых к нему людей, даже если те в деле ратном не шибко разумеют. Но на того говоруна быстро другая сила нашлась. На не одна и не две. Много кто в тот вечер кричал и кичился, мол знает, кто в городе баламут, кто польский, а кто свейский соглядатай.

Глава 14. «Град»

На следующий день непогода наконец-то улеглась. После долгого, кажущегося бесконечным гула ветра за окнами и в печной трубе наступивший штиль представлял мне каким-то необъяснимым чувством. Как будто я вдруг оглох и не слышу шум завывающей вьюги. Но нет — это просто сама природа, похоже, услышала мои мольбы и дала всем нам передышку, явив приятное, хоть и нисколько не греющее солнце на ясном зимнем небе.

Я вышел на улицу и, набрав полную грудь морозного воздуха, расслабленно выдохнул. Матерь божья, а снега то намело! Да-а, похоже придётся повременить с возобновлением работы мануфактуры ещё пару дней точно, дабы люди банально смогли привести свои собственные дворы и улицы всей деревни в порядок.

И всё же, фактура фактурой, а испытание внеочередного «изобретения», по сути являющегося воплощением старого, пусть и применявшегося не в этих местах и очень давно — вне очереди. А потому, собрав весь отряд гвардейцев, что расселился в пределах одной улицы, мы, вместе с Максимом, Генрихом и Жаком, взяв всё необходимое для испытаний, выдвинулись на санях в тот же лесок на опушку возле реки, где проходили все тренировки как гвардии, так и ополчения. Снега за эту неделю намело огромное количество, а потому мы с трудом смогли отыскать место, где когда-то находился палаточный лагерь на время учений. Впрочем, нам сейчас нужно лишь открытое место, которого здесь в достатке.

Жаку понадобилось несколько минут, чтобы выгрузить из саней причудливой формы станок, предназначение которого нам с Максом, как знакомым с современными аналогиями оружия людям, было понятно. Остальные же лишь озадаченно переглядывались, рассматривая ранее невиданную вундервафлю. Это была толстая деревянная прямоугольная пластина с просверленными в ней отверстиями, установленная на колёсную базу с одной-единственной осью. При этом угол наклона этой самой пластины относительно земли можно настроить при помощи специального механизма, просто покрутив ручку. Что интересно, этот механизм — единственная не деревянная деталь во всей конструкции.

Наконец, установив этот агрегат по направлению в поле, Жак достал из этих же саней то, над чем он работал в последнее время. Полуметровая деревянная труба диаметром сантиметров семь с четырьмя металлическими пластинами в роли оперения и металлическим же носом в виде конуса. Жаку удалось создать лишь по нашему с Максом описанию целую ракету.

— Шьер Александр, вы не желать произвести первый выстрел? — С предыханием и неким волнением спросил француз. Я благодарно кивнул и принял от него ракету. А ничего такая, тяжёлая. Килограммов пять точно будет.

Подойдя к пусковой установке, я загнал ракету в один из стволов. Снаряд был спроектирован таким образом, чтобы диаметр основной части, с топливом в виде прессованного пороха, был меньше диаметра отверстия. Но вот за счёт массивных стабилизаторов в хвосте и наконечника ракета проходила лишь с небольшим, но нужным для точной стрельбы сопротивлением. Что касается пороха в качестве топлива, то тут, путём экспериментов, Жак смог установить, что гораздо эффективнее будет делать не сплошной заряд пороха, а лишь вдоль стенок ракеты. Таким образом по середине оставалось полое пространство, которое позволяло одновременно сгорать большему количеству пороха и выделять таким образом больше энергии. Когда же весь порох догорал, по задумке начинала

тлеть легковоспламеняющаяся стенка между носовой частью с боевым зарядом и основной с топливом. Порох в носовой части детонировал, опять же в теории, спустя десять секунд после запуска ракеты.

Наконец, завершив зарядание и выставив пусковую установку на максимальную дальность под углом примерно в сорок пять градусов, я подпалил фитиль и, от греха подальше, отбежал к остальным наблюдателям. Через пять секунд, стоило мне повернуться, фитиль догорел до порохового заряда и тот, молниеносно сгорая, выбил предохранительную стенку в хвосте ракеты и та с невероятной скоростью, издав напоследок приятный треск сгораемого пороха, устремилась вперёд. Гвардейцы и Генрих, привыкшие к новшествам, всё же издали удивлённый «Ох». Жак же молчал, замороженно наблюдая за своим изобретением, лишь чуть-чуть приоткрыв рот.

Пролетев, наверное, чуть меньше двухсот метров за каких-то шесть ударов сердца, ракета воткнулась в плотный сугроб. Я отсчитывал секунду за секундой. Семь... Восемь... Девять... Десять... Постоял, щурясь в дымящуюся точку, ещё некоторое время, после чего перевёл взгляд на Жака. Тот взволнованно прикусив губу, так же стоял, не понимая, почему не детонирует основной заряд. Я уже набрал воздуха в грудь, чтобы поинтересоваться у инженера, с чем может быть связан подобный просчёт, как вдруг... БУМ! Вздымая снег, раздался долгожданный взрыв. По мощности его можно сравнить со взрывом ручной гранаты. И, словно в подтверждение моих слов, снежный покров возле эпицентра взрыва покрылся множеством мелких следов от осколков металлического наконечника.

— Отлично, Жак, отлично! — Радостно хлопнул я по плечу француза. — Теперь бери с мануфактуры людей и организуй производство. К концу месяца нам нужно пол сотни таких вот ракет.

— Пол сотни?! — Встрепенулся Генрих. Майер подошёл к пусковой установке и, оценив количество отверстий, присвистнул. — Это если одна такая вот...

— Ракета, — Напомнил я ему.

— Да, ракета. — Стушевался Майер. — Если она одна делает такое, — Генрих указал на небольшую воронку в двух сотнях шагах от нас. — То я боюсь представить, что будет, если зарядить сюда все десять.

— Должен сказать, шьер Александр, что эти «ракеты» есть очень не точное оружие. — Вклинился в разговор Жак.

— А если таких штукovin, — Я положил руку на пусковую установку. — Будет пол дюжины полностью заряженных и они одновременно дадут залп? — Я ухмыльнулся. По рядам гвардейцев прошёлся возбуждённый шепот. Генрих подошёл ко мне и, взглянув в глаза, хмыкнул.

— Подобная сила может обратить в бегство большую армию или вынудить к сдаче целый город. — Майер в задумчивости прикусил губу. — Какого же врага ты хочешь поставить на колени?

— Любого, который встанет у меня на пути. — Решительно ответил я.

В целом, наверное, ценность ракетного оружия пока очень сильно переоценена. Ведь у него в данный момент есть масса недостатков. Во-первых это довольно дорого. Ведь на каждую ракету уходит порядка пяти килограммов пороха. А сила такого оружия лишь в массовом применении. К тому же, пока это всё очень ненадёжно. Ведь топливом, опять же, служит порох, а он сам по себе вещество довольно нестабильное. Вот захочет он вдруг не сгореть, плавно выделяя нужное количество энергии в сопло ракеты, а взорваться, детонируя

соседние и приводя к большой катастрофе. Да и пусковая установка из дерева, это как-то несерьёзно, что-ли. Так что, пока это всё находится в стадии активной разработки и едва ли может быть массово внедрено в доктрину современной войны.

Впечатлённые новой силой, гвардейцы, ещё не до конца отошедшие от эйфории ружей, принялись за тренировки с новой силой. Из Москвы хлынула волна настораживающих вестей. Говорят, будто бояре в кремле мрут как мухи при загадочных обстоятельствах. Сколько людей, столько было и мнений. Кто-то говорил, что царь, не оправившись от болезни, стал бредить и своим тайным соглядатаям отдавать такие указания, видя в каждом из бояр угрозу для престола. Кто-то говорил, что это сами бояре начали делить тушу убитого медведя в лице державы. Да так активно, что уже, наверное, каждый второй именитый род пролил свою кровь. Мне же это было скорее в плюс. Ведь чем меньше претендентов на власть останется к моменту смерти Ивана Васильевича, тем меньше будет после этого разборок и борьбы за власть.

Уж лучше пусть к власти тут же дорвётся один из родов, вроде Романовых или каких-нибудь Шуйских и стабилизирует обстановку в кратчайшие сроки. Вот только есть ли сейчас эти самые Романовы и Шуйские? Ведь история другая... Черт, всё время об этом забываю. Ну, значит придёт к власти другой удачливый представитель знати. И тогда, может быть, даже без интервенции обойдётся. Хотя, конечно, это вряд-ли реально. Шведы хоть и получили по зубам, но мир с ними не заключен. А значит, в течение пары лет стоит ждать выпада с их стороны. Но вот если этот выпад произойдёт в то время, когда на троне будет сидеть сильный правитель, а страна будет единой — можно в целом не волноваться. А если всё пойдёт по худшему сценарию... Об этом я и думать не хочу.

Не хочу я и строить из себя героя-попаданца, который поднимает Россию с колен. Да, это очень заманчивая перспектива. Хотя бы потому, что это чертовски интересно и утоляет жажду моего не очень-то широкого патриотизма. Однако это ещё и очень опасно. Ведь те попаданцы из книжек зачастую вселялись в тела царей, князей, наследников. А я? Да я тут до сих пор инородный объект. Даже при всей моей репутации и наработанным связям вся моя деятельность — есть здоровенное такое пятно на привычном для всех фоне. А ведь я бы мог и не рыпаться и, получив аж целую вотчину, залечь на дно, играя роль обычного такого помещика. Но нет же, сдался мне этот посвящённый социализм, массовое производство, борьба с голодом и антисанитарией в рамках целой деревни.

Да, я рискнул. Но что я получил в итоге? Мануфактуру, где трудится пять с половиной дней в неделю полторы сотни мужчин, женщин и детей, выдавая просто невероятные показатели производства. Да не просто работают, а за зарплату. И получают они такие деньги, которые им до моего прихода и не снились. И вот уже маячит на горизонте проблема сельского хозяйства, ведь крестьяне могут и отказаться сеять вовсе, полностью перейдя на работу на мануфактуре. И это, наверное, для меня скорее плюс. Ведь окупаемость моего предприятия благодаря совокупности удачных факторов просто бешенная. А значит, я могу поднапрячься ещё больше и организовать ещё и поставки зерна с юга страны, продавая его своим же рабочим и отбивая таким образом часть их зарплат обратно в свою казну. Да и крестьяне, ещё летом кидавшие навоз и месившие сохой грязь на полях, очень быстро привыкли к хорошим условиям и сейчас уже чувствуют себя как бы на класс выше.

Не проходит ни единого приёмного дня, в который ко мне с очередной идеей не пришёл бы кто-то из бывших землепашцев с огнём в глазах и желанием открытия уже своего дела. Да, это зачастую не что-то грандиозное и почти всегда плохо продуманное. Однако

планирование я всегда беру на себя. Мне же нужен лишь их опыт и связи с другими мастерами в соседних деревнях, которые могут быть привлечены в Борки на хлебное место.

Вот решит какой-нибудь мужик начать посуду глиняную делать. А тут вдруг оказывается, что этим ещё его дед занимался, а потом дети этого деда, так уж сложилось, расселились по деревням и сейчас в соседнем селе дядя этого крестьянина нет-нет, а кустарством гончарным промышленяет. Вот только ни времени, ни возможности у него для этого нет. А навык есть. И тут я этому мужику и бюджет распишу, и землю выделю на окраине села и даже отсрочку по долгам дам, если надо будет. А сам долг, разумеется, дам без процентов, чтобы его дело развивалось как можно быстрее. Ведь чем богаче мой народ, тем богаче я сам.

И всё же правильно говорил в своё время (и в своей реальности) Иосиф Виссарионович: «Кадры решают всё». В последние месяцы я ощутил весь смысл этой фразы. Ведь я ничего в том же гончарном деле не понимаю. Зато есть те, кто понимает, но денег не имеет. А я-то эти деньги как раз имею. И к тому же имею базовое понимание о ведении бизнеса из двадцать первого века. Конечно, я не то чтобы супер предприниматель, однако понимаю в этом явно лучше большинства людей в веке шестнадцатом. Уж такие банальные истины, как спрос и предложение, мне известны. А то, что гончару нужна глина, кузнецу — железо, а ткачу — ткань, это само собой разумеющееся.

Через неделю после испытания проекта «Град», Жак рапортовал уже о двух десятках полностью отшлифованных ракетах, а Тихон со своим отрядом юных плотников закончили на досуге вторую пусковую установку. Думаю, всей этой системе можно и дать название «град». А что, весьма символичное название, которое носила довольно старая, но эффективная система залпового огня ещё советских времён. Хотя, конечно, это для моего времени она старая. А будь у меня хотя бы один такой аппарат здесь, да боеприпасов к нему... Эх, нет, это уже слишком большой рояль. Нужно работать с тем, что есть.

Собственно, если бы я решил бросить все силы на проект РСЗО, то по итогам недели результаты могли бы быть и лучше. Однако я считаю, что в текущих реалиях лучше сконцентрироваться на том, что проверено и многократно отработано. Время сейчас работает отнюдь не на нас, а значит нужно как можно быстрее вооружить ополченцев ружьями и одеть всех в тёплые мундиры, чтобы иметь в будущем базу для защиты того, что было нажито за всё это время.

Однако в конце недели вся немногочисленная военная сила села, вся сотня ополчения и три с небольшим десятка молодой гвардии, совершив марш-бросок в полной боевой разгрузке на привычный полигон в ближайшем лесу, принялась за привычные учения. Залп следовал за залпом, самые разные, но заученные команды выкрикивались ежеминутно, а ещё недавно кажущаяся бесформенной толпа сейчас весьма уверенно перестраивается, то растягиваясь в две линии, давая единый слитный залп, то вставая в квадратное каре, готовится к обороне, оцетинившись штыками. Боевой строй формировался таким образом, что гвардия находилась посередине, в самом сердце строя. Самые дисциплинированные бойцы должны были подавать пример ополченцам, а в случае тяжёлой ситуации в бою — поднимать боевой дух своей стойкостью и непоколебимостью. И всё это под несмолкаемый барабанный бой, среди клубов дыма, сопровождалось ни с чем несравнимым запахом пороха.

А пороха в такие дни сжигалось порядка нескольких десятков килограммов, по несколько сотен грамм на каждого солдата. Но я не жалел волшебного порошка. Пусть эти

учения и влетали мне в копеечку, даже при том, что производили мы его в основном сами, а производство выросло с пары килограммов в сутки до целых двенадцати. Я планирую полностью изменить представление о слове «ополченец». В моём понимании это не оборванец с вилами, которого погнали на войну ни за грош, оторвав от земли. Для меня это — опытный, неплохо обученный солдат среднего достатка, костяк армии. Костяк, а не косяк! А именно таковыми, в виде косяка, они предстали мне как в русской, так и в шведской армии. Хотя в случае со шведами, наверное, их соотношение было значительно меньше. Да, мои ополченцы — не регуляры. Не те, кто посвятил службе всю свою жизнь и в совершенстве овладел военным делом. Но это, главным образом, и не обычные крестьяне. А вооруженные ружьями и имеющие общее представление о дисциплине и тактике, а также о строевой подготовке, они и вовсе — страшная сила по местным меркам.

И вот, спустя почти два часа непрерывных тренировок, комбинаций марша ногу в ногу, стрельб и упражнений на физическую силу и выносливость, вспотевшие и уставшие, но при этом довольные собой ополченцы, шустро выстроились передо мной в три шеренги, подобно серой стене. Слева от них, отдельным чёрным пятном мундиров, построились гвардейцы. Каждому из них на отдельное обучение было передано три-четыре ополченца и сейчас они стояли, довольные не только собой, но и своими подопечными.

Жак со своими подопечными заканчивали заряжать оба «града», каждый по десятку ракет, направленных под углом в сорок пять градусов в сторону нескольких десятков соломенных чучел в двух сотнях шагов дальше, на другом конце полигона. Двадцать ракет. Первый полноценный пуск, который должен показать ополченцам и, в меньшей степени, гвардейцам, всю силу этого примитивного реактивного оружия.

— Друзья! — Обратился я ко всем солдатам. — Сегодня вы станете свидетелями первого испытания нового оружия, что собрали наши добрые размышлы и мастера, за что я выражаю им свою честь и благодарность. — Я коротко склонил голову перед Жаком и его командой, распределяя ответственность за неудачу между всеми нами. Тот лишь робко улыбнулся, представляя рабочим две чудные по местным меркам штуковины на колёсах. — Это то, что способно битб врага за две сотни шагов, во много сильнее пушек. А зовётся сия прибуда, — Жак, поняв условный знак, поджёг общий фитиль обеих установок. Я, стоя спиной к ракетницам и лицом к солдатам, развёл руки, как Тони Старк в известном моменте из фильма. — «Град»! — Зашипели быстро сгораемые фитили и... Два десятка ракет поочерёдно, с разницей в пол секунды стали вылетать из стволов с непередаваемым звуком. Звуком сгорания восьмидесяти килограммов пороха в считанные секунды

Пролетев положенное расстояние, они стали падать прямо туда, куда мы и целились. Площадь поражения, конечно, была очень большой, однако мощные стабилизаторы всё же уменьшили её как можно больше. Через десять секунд после пуска стали раздаваться хлопки не очень мощных, но впечатляющих взрывов. Те, что взрывались в трёх шагах от чучела или ближе, заставляли их падать, а то и вовсе разлетаться на куски. Многочисленные осколки накреньяли их, выбивали плотную солому целыми кусками.

Все удивлённо зароптали. Казалось, только вбитая в головы ополченцев железная дисциплина не позволяла им сейчас же разбежаться в стороны. Они стояли, многие с открытым от удивления ртами. Кто-то крестился, кто-то — бормотал молитвы. Но без эмоций не остался никто.

Общая площадь поражения составила около пятисот квадратных метров. Причём в основном по вертикали, из-за не равных граммовок пороха и веса ракет в целом. Однако

фурор нового оружия в глазах ополчения и даже гвардии был неоспоримый и колоссальный.

4 апреля 1506 года.

Весна! Ну наконец-то начал таять этот бесконечный снег. Наконец-то повеяло теплом, показались участки голой земли, на которых постепенно начинала прорастать трава. Конечно, из-за того, что снег начал в быстром темпе таять, повсюду растеклись ручьи и стали появляться громадные лужи, которые ограничивали многие работы и столь необходимые тренировки. Зато это позволило ополченцам сосредоточиться на работе на мануфактуре и, таким образом, в кратчайшие сроки снабдить себя порохом, оружием и даже одеждой, а также под завязку забить две наши кустарные реактивные установки аж двумя комплектами ракет для каждой. Один комплект осколочно-фугасных, которые мы уже испытывали в феврале. А второй — новый, зажигательных, с использованием легковоспламеняющегося высокоградусного спирта в керамическом наконечнике. Оскар не так давно развил мою идею с перегонкой и, добавив немного своих знаний в этом деле, собрал некий гибрид из современной задумки и исполнения шестнадцатого века. Кустарщина, опять же, конечно. Однако для технических нужд, обеззараживания и в качестве горючей жидкости получаемый в ходе перегонки продукт вполне подходит.

За последний месяц также несколько раз испытывали воздушный шар, выявляя недостатки и добавляя новые, полезные элементы. В общем, нам удалось изрядно облегчить корзину за счёт упрощения конструкции, а в самый последний раз мы с Максом вдвоём поднялись на нём на высоту в три десятка метров и благополучно спустились. Само собой, никто здесь в здравом уме не горел желанием быть первыми испытателями. Однако когда мы вернулись, самые прогрессивные ассистенты сами с огнём в глазах стали рваться в небо. Вот уже неделю Максим уделяет пол часа свободного времени на обучение десятка добровольцев особенностям воздушного шара. В целом, Макс освоил этот сверхсовременный по местным меркам агрегат лучше меня. Да и времени ту него было больше. К тому же, он на пару с Жаком принимал непосредственное участие в его создании, работая как над печью, так и над корзиной. Сам же француз хоть и восхищался своим творением, больше отдавал предпочтение проектам, априори летать не умеющих, чуть ли не ежедневно модернизируя то механизмы ружей, переставляя какую-нибудь маленькую деталь под другим углом и меняя цифру в названии ружья, как будто было внесено что-то концептуально новое, то экспериментировал с ракетницами, пытаясь создать простой механизм для изменения угла наклона относительно земли. У общем, без дела инженер не сидел. А как сошёл лёд, так он и вовсе не вылезает со стройки первой в деревне водяной мельницы по его проекту, заложенной на берегу в полусотне шагов от мануфактуры. Дать ему много людей я не мог, а потому сейчас вместе с ним работала всего лишь дюжина крестьян.

Сегодня я как обычно носился от места к месту, преимущественно на мануфактуре, раздавая указания и, по мере возможности, общаясь рабочими и узнавая, как у них дела. Я стал делать так относительно недавно. Эта мысль вообще пришла ко мне случайно, когда, задержавшись возле одного из кузнецов чуть дольше обычного, я заметил, что тот стал работать заметно усерднее и с нескрываемой улыбкой на лице. Вот и сейчас, во время ежечасного десятиминутного перерыва я общался с одним из рабочих сборочного цеха, который ушёл на этот самый перерыв на три минуты позже абсолютно осознанно, в очередной раз проверяя качество собранного кремневого замка. Он был вовсе не обязан

этого делать и, когда я спросил у него, почему это он проявил такую дотошность в ущерб себе, немолодой крестьянин удивил меня до глубины души.

— Так ведь, господин-командир, — Это обращение я ни разу не вводил. Оно как-то само закрепилось за мной в обществе рабочих-ополченцев и сейчас что-то менять было бы не то чтобы проблематично. Просто мне самому такой вариант от чего-то очень правильно. — Я ж сам в ополчении нашем славном состою. И с ружья с таким же замком стреляю. Вельми хорошая вещица, то верно. — Мужик по привычке провёл рукой по месту, где ранее наверняка была густая борода, но, не обнаружив её на месте, вместо этого пригладил усы. — Однако ж ежели вдруг когда супротив татей каких в бой идти, а замок энтот, что я не углядел и не так собрал, у родом со мной стоящего и заклинит? А ежели не токмо у него, но и многих других? Вона как на учения то по началу ходили, так почти у каждого к десятому выстрелу пружина соскакивала. — Я припомнил первые совместные учения. И вправду, тогда не то что к десятому, порой и к пятому выстрелу механизм нуждался в пересборке. А у первых ружей ещё и крышка механизма намертво прикручена была. Так, что без инструмента не откроешь и не помнишь ничего. С тех пор боковые крышки механизмов стали делать легко съёмными, одной рукой при желании можно открыть. А после сборки из ружья делают не один выстрел, как раньше, а десять. И только если без проблем эти десять выстрелов оно отстреляет, тогда его на склад и отправляют. И на учениях отдельно ополченцев учили тому, как быстро, прямо на поле боя, починить механизм, если поломка несущественная.

— Молодец. — Кивнул ему я. — Приказываю отдыхать тебе ещё десять минут. За справный труд и заботу о воинской годности ополчения.

— Служу Отечеству! — Не громко, но четко сказал он. Вообще ополченцы не обязаны отвечать также, как и гвардейцы. Однако многие из них, даже из немолодых мужиков, замороженно смотрели на чудных пацанов, которые и стреляют и бегают и перестраиваются гораздо лучше них. И подражали им, конечно, не без этого.

День гвардейцев же давно перестал состоять лишь из тренировок на силу, выносливость и точность. Теперь как минимум половину всего дня они не махали саблями, не кололи штыками и не стремились к рекордным и пока едва достижимым четырём выстрелам в минуту. Вместо этого они учились. Где-нибудь и как-нибудь. То я, то Макс, то Жак с Оскаром, который наконец стал переходить с немецкого на русский, все мы как минимум пол часа в день (а зачастую и больше) уделяли гвардейскому отряду, обучая, по мере своих сил, математике, логике, химии, физике тактике и стратегии, базовому латинскому, немецкому и французскому языкам. В общем, потихоньку вытаскивая из них образованных людей, а не просто головорезов.

— Командир! — Окликнул меня с другого конца цеха Иван. Лейтенант быстрым шагом спешил ко мне с явно срочными новостями. Иначе бы он не стал срываться на бег и звать меня, находясь так далеко. В последнее время я стал уделять внимание ещё и этическому воспитанию гвардии. Таким простым правилам, как, например, что офицеры не бегают вне тренировки. Потому что в мирное время это вызывает смех, а в военное — панику. А все они, по сравнению с ополченцами — именно офицеры, которыми вторые восхищаются и которым подражают.

— Докладывай, лейтенант. — Спокойно сказал я, когда мы встретились.

— Сотник Григорий прибыл.

— Как? — Удивился я. — Сегодня же только вторник. — И правда странно. Григорий

не всегда по воскресеньям мог являться на всеобщие учения со своей сотней, а уж в будние дни... В последнее время так вовсе он не появлялся, поскольку по городу прошла новая волна слухов о судьбе Отечества, которые умело ловил и впитывал, как губка, Лаврентий, мой личный Берия, и которые так странно совпадали с волнами репрессий среди полковых офицеров, доходивших пару раз даже до сотников. Воевода продолжал ставить угодных себе людей. И чего это он так всполошился? Наверное, беспокоится о том, чтобы во время какой заварушки рядом с ним были только верные люди. Ну, это дело правильное.

— Он один прибыл. Говорит, код «Чёрный»... — Тяжело сглотнув, буркнул Иван. О том, что такое «код 'Чёрный'», знали немногие. Он, как командир гвардии, Максим, как мой ближайший сподвижник, сотник Григорий и Лаврентий, как самые оперативные информаторы. И принёс мне эту новость именно Григорий. Ну да, до народа такое доходит с небольшим запозданием, поэтому не удивительно, что Григорий узнал об этом раньше Лаврентия. Код 'Чёрный' значит только одно. Царь умер.

Царь умер, а это означает лишь одно. В скором времени, наверняка, начнётся какой-то треш. А может и не начнётся. Вот соберутся умные бояре в Москве, созовут какой-нибудь там земский собор и выберут царя из другой династии. А может просто другого Рюриковича. Благо их по всей земле русской наплодилось очень много. Вот только такой расклад очень маловероятен. В борьбе за власть Московская верхушка, скорее всего, проспит момент, когда к столице подойдёт враг. И очень может быть, что подойдёт он через Новгород. Конечно, полякам, наверное, нет дела до какого-то там северного торгового центра. Их больше привлекает Москва. А вот Шведы наверняка воспользуются случаем и постараются оттяпать себе кусок пожирнее. Впрочем, над этим всем я уже не раз думал, планировал, прикидывал шансы. Сейчас главное наблюдать за ситуацией в городе и тихонько брать как можно больший разбег, чтобы в один момент ка-а-а-к...

— Ваня, собирай гвардейцев у поместья. Загрузка полная. Одвуконь.

— Есть! — Коротко кивнув, он рванул на выход. Я же поднялся на второй этаж, где Максим сейчас работал с Оскаром.

— Макс, — окликнул я его, стоя в дверях «лаборатории». — Код «Чёрный». — До этого весёлый, он враз сделал серьёзное лицо и, кивнув мне, пошёл выполнять всё по плану. Вообще за эти месяцы сложилось так, что в моё отсутствие управление мануфактурой брал на себя Максим. Вот и сейчас, код «Чёрный» предполагал, что пока я лично займусь разведкой снаружи, Макс проведёт полную мобилизацию населения, разделив рабочие дни и дни тренировок ополчения поровну. Также он должен будет увеличить производство пороха, патронов и отлив пуль. Всё для того, чтобы привести народ в полную боеготовность.

Мы с Григорием встретились возле моего поместья, где уже готовился к отправлению отряд гвардии.

— Ты знаешь? — Сухо спросил он.

— Да. — В такт ему ответил я. — Что теперь будет?

— То мне не ведомо, Александр. — Вздохнув, буркнул он. — Однако ж в Новгороде, старые традиции вспоминая, вновь вече собирать стали. Всех, кто землю в городе имеет, созывают, дабы решить, что теперь делать.

— Когда? — С нетерпением спросил я.

— Завтра с утра, со звоном колокола в Софийском соборе все старшие мужчины города, а за неимением оных — их жёны, соберутся за стенами детинца, на площади, куда ты пол года назад толпу собрал, дабы татя московского покарать.

— Хорошо. — Я коротко кивнул, прикидывая, что теперь делать. — Ты тоже там будешь?

— Нет, Саша, мне вече с детства токмо плохим вспоминается. Как к Москве Новгород отошёл, так все собрания народные разгонять стали, князей да посадников, опять же, царь ставить стал. А сейчас так ведь и не скажешь, под Москвой Новгородская земля, али нет. Старое время ещё не позабыто, как бы народ супротив боярской власти не ополчился.

— Я тоже этого боюсь. — Честно признался я.

— Я вот чего спросить хочу у тебя, Саша. — Бывалый воин вдруг как-то по-детски замялся. — Ежели я на вече не поеду, дозвожь мне здесь, у тебя, в Борках покамест остаться, да учения малого полка твоего, ну хотя бы посмотреть. Уж больно справно они у тебя раз от разу всё делают. И стрельбу ведут и построения разные, что ромеи когда-то давно. Ну мне то порою дьяки да священники сказывали, что в грамоте дюже сильные и древние свитки читали.

— Да какие вопросы, Григорий? — Отмахнулся я. — Конечно, конечно! Смотри на здоровье. — Я ударил в бока своего коня, от чего тот лениво зашагал вперёд. — Ну, бывай, Григорий. Время не ждёт. — Сотник положил руку на мою, останавливая движение.

— Великой силой станет армия, что по твоим устоям упражняться начнёт. — На последок шепнул он мне. — Ну, с Богом! — Я благодарно кивнул сотнику и, дав знак Ивану, рванул по улице сразу рысцой.

— Взвод, рысью, за мной! — Последовала команда лейтенанта и три десятка лошадей, сливая топот копыт в единый монотонный звук, рванули следом.

В Новгород мы прибыли поздно вечером. Гвардейцы, потеснившись, разместились в старых бараках и, частично, в доме. Назначив привычным образом трёх дежурных, которые должны были меняться каждый час на трёх других, я улёгся спать. Вече... Хм. А много ли я о нём знаю? И вообще, что там могут решить?

Как оказалось, вече — это собрание в самом, что ни на есть прямом смысле слова. Просто собралась огромная, вечно гомонящая толпа мужиков, дабы решить важные вопросы. А то, что большинство из них понятия не имеют о том, что такое раздробленность, чем она грозит и как её избежать, похоже, никого кроме меня не волновало. К слову, когда Григорий говорил, что допускаются к голосованию лишь землевладельцы, старшие в роду мужчины, он не врал. Ибо на въезде в детинец пропустили лишь меня одного, а всех гвардейцев вежливо попросили остаться снаружи. И не ясно, была эта вежливость вызвана высоким воспитанием стражников или угрожающим видом чёрной тучи гвардейских мундиров и угрожающе торчащих из-за спин штыков ружей. Я даже удивился. Как же, без проверки документов или хоть какого-то подтверждения? Они что, всех подходящих под критерий в лицо знают? Однако, как позже оказалось, подобная честь оказывалась далеко не каждому. У большинства простых горожан действительно проверяли, кто они есть и сверяли данные по каким-то, одним им известным длиннющим спискам.

Впрочем, меня сейчас мало беспокоила вся эта бюрократическая волокита. Протиснувшись поближе к деревянному помосту, откуда, по всей видимости, должны были вноситься предложения. И, похоже, сделал я это как раз вовремя. Туда стали подниматься богато одетые люди, среди которых я узнал посадника, воеводу Михаила и нового, пришедшего вместо гостя из будущего, епископа Новгородский, с которым я так и не успел наладить контакт. Было и ещё несколько людей, мне незнакомых или знакомых, но очень уж смутно, так, что я даже не придал этому значения.

Тем временем зазвонил колокол, до этого сиротливо стоящий на помосте и народ разом заткнулся, уставившись на тех, кто стоит выше.

— Слушай, народ Новгородский! — Начал епископ. — Давеча в Москве отдал душу богу царь наш Иоанн Васильевич. — По толпе прошёлся возбуждённый шёпот. Всем отлично известно, что прямых наследников у царя нет. — Сегодня мы все собрались здесь, перед собором святой Софии, дабы решить судьбу Новгородской земли. Я предлагаю вам решить, как будем мы устраивать власть теперь, когда нет над нами никаких иных владык. Покамест бояре Московские царя пригодного на престол не посадят, следует нам пред лицом врага злого свою правду держать и не дать земле нашей святой попасть в лапы иноверцев. Предлагаю вам, народ славного города, вернуться к старым устоям, когда все князья и посадники народом выбирались, да им же и прогонялись. — Повисла тишина. Однако продолжалась она не долго. Вскоре люди начали буквально выкрикивать своё мнение касательно этого предложения. Да так активно, что сложно было разобрать что-то конкретное, лишь читался иногда общий, где-то положительный, но чаще отрицательный тон. Вот, оказывается, что значит голосование по местным устоям. От слова «голос» и никак иначе. Ни тебе избирательных бюллетеней, ни здоровой демократии. Тоже мне, республика!

Однако спустя несколько минут активного «голосования» стало ясно, что народ, в большинстве своём, не хочет вновь разделять власть. Не знаю, насколько это верное решение, однако против большинства, как говорится, не погрёшь. Вновь ударил колокол и народ замолчал.

— Раз народ Новгорода не желает вновь возвращаться к устоям торговой республики, — Начал епископ после того, как воцарилась тишина. — Тогда, наверное, вы желаете видеть единого властного князя, что землю Новгородскую будет держать в твёрдых руках? — И тут ситуация оказалась полностью зеркальной. Народ, в основном, стал голосовать за единоличное правление одного человека. Примерно через минуту ещё раз ударил колокол. — Хорошо! — Продолжил свою речь епископ. — Тогда нужно избрать человека, который до установления порядка на всей земле русской княжить в Новгороде станет. — После этого епископ стал планомерно озвучивать всех кандидатов на эту роль, которые вышли с ним на деревянный помост. И главными претендентами оказались, как я и думал, воевода и посадник. Вот только если за первым числилось лишь пара неуверенных военных побед, а также неплохая знатность рода, то про второго в народе ходила только самая хорошая молва. Он, по сути, и выполнял роль князя всё это время. Только армией не командовал. А всё остальное делал и делал, стоит признать, весьма успешно. Да и епископ ему явно благоволил. Не удивительно, что в минуты голосования его имя выкрикивал чуть ли не каждый второй.

В последний раз ударил вечевого колокол.

— Значит, решено, — Властно произнёс церковный служитель. — Волей народа Новгородского, князем полноправным до воцарения в Москве законного царя, назначается посадник Дмитрий, сын Ивана, рода Белгородцевых. — Епископ утвердительно ударил посохом по деревянному помосту и народ радостно загомонил. Вверх полетели шапки и я сам, на волне всеобщей радости, заулыбался. Ну, может и обойдётся смута. Тут я от чего-то бросил взгляд на спину уходящего вместе со всеми кандидатами, Михаила. Он обернулся, коротко взглянул на новоиспечённого князя и как-то странно, не по-людски, оскалился. Буквально на мгновение, но я этот жест уловил. А может, и не обойдётся...

Глава 16. «Время действовать»

14 апреля 1506 года.

Через десять дней после избрания князем на время неразберихи в государстве бывшего посадника Дмитрия Белородцева народ стал потихоньку затихать. Казалось, все поверили, что кризис миновал и сейчас Новгород сможет отбить нападение любого возможного противника. С самим новоиспечённым князем мне пообщаться не удалось, хотя, наверное, я бы смог этого добиться при желании. Однако у меня были пока что и более важные дела в Борках. Дмитрий, как я понял, человек весьма прогрессивный по местным меркам, хоть и не молодой. О народе думает, авторитет имеет. Так что, пожалуй, пока что беспокоиться не о чем.

Но отменять начатую мобилизацию я не торопился. И перед народом как-то неудобно, да и установленная стабильность сейчас имеет откровенно зыбкое положение. Власть в лице князя имеет легитимность лишь у простого народа. Это, конечно, весомый плюс, но вот только важно эту самую легитимность иметь ещё и среди высокопоставленных людей. А вот местная знать, как ни крути, в последние десять дней наверняка смотрит на Дмитрия мягко говоря косо и хищно. Ну не знакомы люди с продвинутой демократией, что уж тут говорить. Не то чтобы мне какой-то проверенный источник донёс о том, что князя знать недолюбливает. Просто это, как мне кажется, очевидно. Ведь не только бояре в Москве готовы родину продать ради власти и богатства. Подобная картина сейчас чуть ли не в каждом городе каждого государства рисуется.

Сейчас же я лежал в снегу, в обнимку с ружьём, укутавшись поглубже в воротник мундира. В лесу снег тает медленнее и если в поле сейчас белели снежные островки, то здесь — напротив, маленькие участки голой земли показывались в местах, где солнце пробивалось сквозь ветви чаще. Да, Майер выгасил меня на охоту. Хоть я и говорил ему, что у меня много дел, но Генрих стоял на своём, находясь в восторге от убийственной эффективности ружья, которое я ему подарил пару недель тому назад. Да не на простую охоту он меня выманил, а с собаками. Грейхаунд — прекрасная порода для этого. Невероятно быстрая, сильная и довольно выносливая. Сегодня же, помимо двух собак Генриха, в загоне лося участвовали и трое бывших щенков, а сейчас уже просто очень молодых собак, которых Майер любезно передал мне и которые скоро отправятся со мной в деревню.

Вдруг вдалеке послышался многоголосный лай, который стал стремительно приближаться к нашей позиции. Помимо меня в разных точках залегли ещё пол десятка гвардейцев, ведь ружья хоть и довольно убойные, однако шкура лося — это не человеческая плоть и одного попадания может не хватить. Майер же координировал действия собак, как их хозяин. Между тем лай становился всё громче. Я упер приклад ружья в плечо, сконцентрировавшись на направлении звука. По задумке собаки должны гнать добычу по оврагу, а мы, находясь на возвышенностях с обеих его сторон, вести огонь с выгодных позиций. Конечно, грейхаунд — порода, которая в первую очередь применяется для охоты на мелкую и быструю дичь. Однако Генрих, не смотря на свой возраст, имел отличное представление как о искусстве благородной охоты, так и о дрессировке, а потому без труда переучил молниеносных охотников в собак для загона крупного животного. Впрочем, это не означает, что их теперь не получится использовать для охоты на зайца. Уж побегать эти

фурии любят больше всего.

Меж тем молодой лось оказался в поле моего зрения. Псы послушно преследовали его, соблюдая дистанцию и не подставляясь под раздачу мощных копыт и не менее мощных рогов. И вот лось уже тчжело пробегает нужные пол сотни шагов, находясь в наилучшем для выстрела месте. Я плавно жму на спуск... Бум! Приятный хлопок, предшествующий вырвавшимся из ствола пороховым газам легко бьёт по ушам, а ни с чем не сравнимый запах обжигает нос. Я, к большому сожалению, не вижу результата своего выстрела, потому как дымный порох при детонации не очень-то способствует обзору. Зато сразу после моего, последовали, один за другим, четыре хлопка.

Когда дым выстрела рассеялся, моему взору предстало могучее, пышущее здоровьем и некогда жизнью тело здорового лоса, который сейчас лежал, истекая кровью и издавая предсмертное мычание. Собаки продолжали лаять на него, уже скорее для виду, понимая, что тот уже не жилец, но по прежнему дисциплинированно держа дистанцию. Я встал со своей позиции, вслед за мной поднялись и остальные стрелки из засады, отряхивая снег, которым мы были припорошены.

Мы подошли к телу умирающего лоса. Он вяло перебирал ногами, а из его тела, сразу из четырёх точек, сочилась густая кровь.

— Вон! Пшли отсюдава! — Отгонял грейхаундов вовремя подоспевший Майер. Собаки неохотно притихли и присмирели.

Я подошёл ближе к бьющемуся в последней агонии животному. Могучий зверь, опасный соперник, представляющий невероятную опасность для агрессивно настроенного человека. Вот только нас было больше. У нас были собаки и, что самое главное, смертоносные ружья, пять выстрелов из которых не смогли убить его на месте. Плоский штык вошёл в горло. Зверь замер и мерно, принимая свою участь, в последний раз закрыл глаза. Под ложечкой как-то неприятно засосало. Мне не то чтобы стало жалко лоса. Отнюдь, это же охота и мы здесь для этого и собрались. Но когда мы с Генрихом вдвоём шли на кабана пол года назад, имея при себе лишь пару посредственных арбалетов, я такого не чувствовал. Страх, эйфорию победы — да. Но не это чувство. Тогда мы рисковали, а сейчас... Сейчас всё было спланировано и даже в случае промаха нашим жизням ничего бы не угрожало. Как-то это подло, что-ли...

В деревню мы возвращались лишь с Генрихом и Иваном. Остальные гвардейцы принялись обрабатывать тушу лоса. Этот процесс занял бы не менее часа, но мне хотелось поскорее вернуться домой. Даже не так. Мне хотелось поскорее убраться с места удачной, но не принесшей толком никакой радости охоты. Собаки, довольные собой, трусили следом за нами, с любопытством озираясь по сторонам и, казалось, даже улыбаясь. Вот так и не скажешь, что ещё недавно они с диким лаем загоняли могучего зверя, трусливо прячась от его вялых атак, огрызаясь из далека и вынуждая его идти прямо в нашу ловушку.

Вдруг, словно из ниоткуда, нам на встречу из-за поворота выехал одинокий всадник. Крупный и плечистый, он неспешным аллюром двигался по середине дороги. Иван привычным образом напрягся и невзначай так потянулся к ружью. Генрих, краем глаза заметив это, лишь саркастически хмыкнул, не выражая большой тревоги относительно каждого встречного человека. Да, стрелять из седла гвардейцы тренировались отделено, однако производимые мануфактурой стволы мало походили на кавалерийские карабины, а потому такая стрельба была едва ли эффективной.

Когда расстояние между нами и всадником сократилось настолько, что можно было различить черты лица, я коротко бросил лейтенанту «отставить». Всё потому, что в мнимой

угрозе я узнал своего относительно нового соратника, Евпатия.

Евпатий владел соседней деревушкой, что находилась чуть более, чем в двух вёрстах от моей. Людей в ней насчитывалось едва ли сто пятьдесят человек, а то и меньше. Впрочем, Евпатий — молодой помещик. Ему всего-то двадцать три года и он не имеет таких строгих консервативных устоев, как многие наши соседи. Ему чуждо само понятие ограничения свободы человека. Таких вот энтузиастов было не много. Пару недель назад я отправлял посыльных во многие десятки, если не сотни, сёл и деревень, предлагая взаимовыгодное сотрудничество. Предлагал приехать, посмотреть, как работает мануфактура. Приняли приглашение немногие, а заинтересовались и того меньше. Большинство лишь покачало головой, поохало, поахало и удалилось в своё имение. И правда, ну учудил сосед, оторвал крестьян от земли и приучил к ремеслу. Чудно, забавно, ну и ладно. Но были и те, кто загорелся. Немного, всего несколько человек, но были. Среди них был и Евпатий. Мы с ними в тот же день стали планировать общий проект, вложения, считать прибыли... А потом царь умер. Потом мне стало как-то не до этого. Мне, но не им. Загоревшись столь новаторской идеей, помещики уже вовсю скребли по сусекам, планируя строительство собственных мануфактур.

— Здорово, Евпатий! — Поприветствовал одного из первых либералов на Руси. Именно так я в душе его окрестил. Ну не нравилось мужику ограничение свобод, даже если речь идёт о крестьянах. Он и свою выгоду, конечно, во всём видел, удивляясь эффективности наёмного труда на примере моей деревни. Впрочем, Евпатий был ещё и патриотом, каких поискать. В общем, у нас с ним и ещё несколькими прогрессивными помещиками нашлось очень много общего.

— Здравствуй, Александр! — Отозвался он.

— Ну как дела с мануфактурой? — От моего вопроса Евпатий прямо-таки расцвёл.

— Замечательно дела! Вот вчера ряд заключил с артелью немецкой, чтобы крестьян зазря не дёргать. А сегодня вот, нашёл, где лес для стройки взять.

— Ну, хорошо, если так. — Удовлетворённо кивнул я. — Однако ты всё же подтяни и своих людей. Только с плату, само собой. Чтобы к наёмному труду привыкали. А ежели с инструментом или гвоздями помощь нужна, так не стесняйся, у меня того навалом. Сам видел, как быстро штамповали по зиме.

— Вот спасибо! — Обрадованно подскочил он. Так, что его скакун, хоть и явно был в расцвете сил, недовольно фыркнул.

— Ну, бывай, Евпатий! — Я положил правую руку со сжатым кулаком на сердце. — «Про либертатэ попули!» — Гаркнул я условную кодовую фразу на латыни, составленную в тот самый день мною и всеми вотчинниками, заинтересованными в инновациях. Как в экономических, так и в политических.

— «Эт патрие!» — С готовностью и гордостью выкрикнул он ответ, повторяя мой жест. Ну а что, надо же как-то налаживать полезные связи с местными силами. Пусть не с крупными, так с мелкими уж точно.

Мы прибыли в Борки к полудню. Где-то далеко на полигоне звучали одиночные, но множественные хлопки выстрелов. Это Максим решил заняться индивидуальной стрелковой подготовкой ополчения. Говорит, точность стрельбы оставляет желать лучшего. Я, конечно, хотел в случае боестолкновения брать плотностью огня, но так, пожалуй, даже лучше. Основной отряд гвардейцев же, в данный момент, находился в местной церквушке. Но не на исповеди и не на служении, а на очередных занятиях. Так уж вышло, что в Борках в данный

момент гораздо больше людей, знающих иноязычную грамоту и письмо. А вот на русском писать умеет лишь местный поп, да мало-мальски староста. Вот только Ефиму, при всём желании, сейчас не до этого. С внедрением новых законов, политики налогообложения и прочих реформ немолодой уже староста не всегда мог найти время на себя, постоянно координируя действия населения и выполняя функции целой администрации с собственным архивом.

А вот священник, пусть не сразу, но взялся за обучение ребят из гвардейского взвода грамоте. И те постигали её с не меньшим желанием, чем прочие науки и языки, которые им преподавали плохо говорящие по-русски Жак и Оскар. И сейчас я прибыл в местную церковь, что возвышалась над деревней каменным столпом, дабы понаблюдать за качеством их обучения.

Местный священнослужитель хоть и не лез в мои дела, смиренно сидя у себя в церкви, однако подход к обучению у него был уж очень консервативный. Вот и сейчас мне пришлось собственноручно вносить изменения в его систему образования.

— Отец Мефодий, ну я же объяснял! — Вновь сокрушался я. — Больше свечей в учебном классе! Не нужно экономить на качестве обучения людей.

— Но то есть расточительство...

— А доска? — Прервал его я. — Ну я же выдал вам хорошую, большую учебную доску. И мел с ней в придачу. — Упорный священник никак не хотел принимать прогрессивные методы, ворча что-то в свою бороду. Да, он — единственный, кому я позволил оставить на лице всю растительность, не облагая штрафом. — Так, я завтра заеду, чтобы всё было, как я указал. — В ответ Мефодий лишь серьёзно кивнул, давая понять, что к указаниям моим впредь отнесётся более ответственно.

Вдруг снаружи, через открытые широкие двери церкви, послышался стук копыт. Я пошёл посмотреть, кто это так торопится на богомолье. В дверях я столкнулся с запыхавшимся Лаврентием. Хоть он и скакал верхом, всё равно от чего-то вспотел и сбил дыхание.

— Что стряслось, сержант? — Не смотря на мнимую стабильность, установившуюся в городе и за его пределами, мой спящий (в хорошем смысле этого слова) агент оставался в городе и выполнял всё те же задачи, спокойно выслушая и, что тоже немаловажно, высматривая.

Сержант принял стойку и отдал честь, ударив кулаком в грудь. Да, пожалуй, этот жест скоро нужно будет вводить в официальный обиход. Выглядел мой личный Берия хоть и слегка растрёпано, но от того не менее серьёзно и, как всегда, с не по годам пронизательным взглядом.

— Командир, докладываю, — Ровным голосом отчеканил он, как будто мгновение назад не хапал жадно ртом воздух. — В Новгороде, сегодня, ранним утром был убит князь Дмитрий. — Я сокрушённо рухнул на ближайшую скамью. Как?.. Так быстро? Но...

— Кто? Как? Есть подробная информация? — Я тяжело сглотнул, хотя во рту было абсолютно сухо.

— Я сам был на месте убийства. — Начал доклад Лаврентий. — Тело тогда, конечно, уже убрали, но по рассказам в груди и животе было много колотых ран. Украшения, коих у князя было немного, все остались на месте.

— Место преступления? — Продолжил я заваливать разведчика вопросами.

— Гончарный конец, тёмный закоулок возле самой стены. — С готовностью отчеканил

он. — На месте преступления во многих местах примята трава. Возможно, хотя даже скорее всего, нападавших было несколько. Также вокруг места убийства есть следы крови. Много где: на снегу, на траве, даже на стене.

— Князь защищался. — Сделал вывод я.

— Да. Это вновь говорит о том, что нападавший был не один. — Я вспомнил того лося, что мы завалили на охоте. Большой и могучий, он отмахивался от назойливых мух, пока не попал в нашу ловушку. Так и Дмитрий. По одиночке недоброжелатели были ему на один зуб. Но стоило им объединиться...

— А что охрана князя? — Спросил я.

— Он её выбирал не сам. Возможно подкупили, чтобы в нужный момент смотрела не туда. А может...

— Может и сама его убила. — Догадался я, до бела сжав кулаки. — Есть информация о том, кто его охранял?

— Так точно. Всю охрану новому князю благородно выделил от полка воевода. — Повисла звенящая тишина. Пазл сложился.

— Думаешь?..

— Уверен. — Лаврентий подхватил моё опасение и раздул его до большого пожара.

— Тогда пора действовать.

Я быстрым шагом вернулся в изрядно посветлевший учебный класс, где отец Мефодий уже осваивал доску и мел.

— Вынужден прервать твой урок, отец Мефодий. — Я выудил из общей стопки самый приличный желтоватый лист бумаги, потом ещё один, но уже не взирая на качество. Первый я положил перед священником, а второй дал Лаврентию.

— Пиши письмо Григорию от моего имени. Пусть сегодня же собирает своих людей и валит из города сюда, в Борки. Под любым предлогом, не важно. — Доходчивый разведчик коротко кивнул и, выудив из своей наплечной сумки перо, сел за один из столов, одолжив у сослуживца чернила. Я же повернулся уже к священнику.

— Пиши, отец Мефодий. — Немолодой поп сноровисто взял перо и, мастерски обмакнув его в чернила так, чтобы те не капали, принялся меня слушать. Я давно уже думал, что может произойти подобное. И планировал все возможные исходы и мою реакцию на них. Не ожидал, только, что жизнь перспективного князя так быстро оборвётся. — Пиши так: «Здравстуй, Михаил, воевода Новгородский. Пишу тебе я, король Шведский, Финляндский и Норвежский, Олаф...»

Интерлюдия.

Ночь с 15 на 16 апреля 1506 года.

Новгородский детинец.

В эту ночь Михаил позднее обычного возвращался в свои покои. Он шёл по стене детинца, как вдруг, пройдя в тень одной из башен, заметил нечто странное. В лунном свете, проходящем через широкую бойницу башни, виделась чья-то тень. Воевода бросил взгляд на её источник. Человеческая фигура, вся в чёрном одеянии, с воротником по самые глаза, сидела прямо в окне бойницы. Михаил хотел было уже поднять тревогу и атаковать странного, но от того не менее злостного нарушителя. Однако тот, вместо того, чтобы принять бой или хотя бы попытаться сбежать, лишь выпрямился и, достав откуда-то свиток с тяжёлой алой печатью, бросил его воеводе. Тот сноровисто поймал послание. Странная тень не атаковала и не убегала, а лишь терпеливо ждала. Михаилу стало интересно. Он сломал

замысловатую печать, какую ранее никогда не видел, развернул письмо. Сначала его глаза сузились, силясь разобрать в тень кривые буквы. Потом расширились, когда он понял, что там написано. Когда же он поднял глаза обратно на чудного гонца, того уже не было в окне бойницы. Михаил посмотрел по сторонам, но нигде не нашёл той таинственной фигуры, что передала ему столь важное для его жизни послание.

Тогда воевода выглянул в эту самую бойницу, одновременно подивившись, как этот странный человек вообще мог протиснуться а неё. Он посмотрел вниз, однако никаких следов и движения не обнаружил. Тогда, перекрестившись и сплюнув три раза через плечо, он вновь взглянул на письмо и воодушевлённо, с каким-то нездоровым блеском в глазах, рванул обратно. Туда, где всё ещё пировали сотники.

А стоило ему тогда посмотреть наверх, он бы заметил, как, держась за зацепленную к башне верёвку, упёршись ногами в стену, неподвижно стоит та самая «тень», что пролезла в узкую бойницу. Лазутчик облегчённо выдохнул и, выругавшись не по-русски, посмотрел наверх, где, присев, находился его сообщник, только уже более здоровенный во всех аспектах.

— Бьёрн, шайтан тебя подери, а ну вытаскивай меня отсюда!

Глава 17. «Сжигая мосты»

16 апреля 1506 года.

Сегодня утром Борис проснулся как всегда рано. По весне всегда приходится тяжело и сын почётного ремесленника знал это не по наслышке. Хлеб дорожает, многие болеют, а купцы только-только начинают прибывать, как обычно выставляя порой бешенные цены на зерно. Впрочем, их семью голод касался очень редко. Всё же они считались сравнительно зажиточными жителями Новгорода и гордились не только своей близостью к самому величественному в округе детинцу, но и тем, что могли себе позволить место под солнцем.

Отец Борьки имел свою собственную мастерскую, которая кормила их большую семью даже в самые неудачные годы. Но и сам Борис вот уже второй год помогает отцу в его ремесле. Пока не очень сильно, потому как мал ещё, хоть и гордится своими тринадцатью годами отроду безмерно.

Сегодня же он, отработав, наверное, целый час с отцом, вырезав две большие ложки и сколотив целый табурет, с невероятной гордостью принял от матери чарку кваса из ледника. Боря бросил взгляд на краснокаменные стены детинца. Да-а, повезло же им все-таки жить здесь. Ведь снаружи было ещё две крепостные стены, а они так удачно расположились здесь, в паре сотне шагов от последней цитадели города, у самых её ворот.

Вдруг, у этих самых громадных ворот показалось какое-то движение. Боря сначала подумал, что ему показалось. Но, как оказалось, створки ворот и правда начали медленно открываться, а из них рысью выехало около сотни всадников. С такого расстояния сложно было определить даже обмундирование людей, не то что их лица. Сначала Боря решил, что это дядька Григорий, старый отцовский друг вновь повёл свою сотню к какому-то помещику, в его село за два десятка вёрст от Новгорода, на какие-то непонятные Борису учения. Он часто говорил с отцом, советуя ему, если станет совсем тяжело, хотя бы на время переехать в это самое село. Вроде бы то звалось Борки, хотя Боря точно этого не помнил. Мало ли деревень вокруг города разбросано? А дядька Григорий уж очень дивно говорил про то село. Будто тамошний помещик крестьян своих ремеслу разному обучил, да деньгу им платит за их труд. Барщину отменил под чистую, а оброк стал брать по особому: дескать, кто больше имеет, тот и платит больше. А кто не имеет вовсе, тот от самого помещика хлеб получает на проживание. И свободны его крестьяне, почти как горожане самого Новгорода. Но Борька в те рассказы слабо верил. Он хоть и дитё пока что, однако даже ему известно, что крестьяне так хорошо жить ну никак не могут.

А меж тем группа всадников уже пересекла ров и сейчас двигалась по дороге, направляясь на улицу, где находился и их дом. Боря вдруг вспомнил, что дядька Григорий ещё вчера спешно собрал свою сотню и уехал, не дав никаких объяснений. Отряд меж тем разделился на несколько групп поменьше, человек по двадцать.

Два десятка всадников, которые направились на их улицу, стали разбиваться на группы по три-четыре человека и, спешившись, стучаться во двory. Выйдя из мастерской, странное действие заметил и отец.

— Боря, ну-ка давай в избу. — Сердито буркнул он, когда и в нашу калитку настойчиво постучали. Боря не знал, что это воинам из полка не спалось ранним утром, но он вдруг почувствовал неладное и, надув губы, неуверенно зашагал в дом.

Он вслушивался в разговоры во дворе, пытаясь разобрать хоть слово. Отец явно с

недовольством ворчал, но ответа, похоже, не получал.

— Да что ж вы, ироды, делаете? — В конце концов сорвался на крик отец. Потом, то ли от обострившегося от страха и любопытства слуха, то ли ещё от чего, Боря услышал глухой удар и совсем безразличное «Ты уж не серчай, Василич».

Боря осторожно вышел из избы, когда голоса снаружи стихли. Отец, держась за голову, сидел, растерянно озираясь по сторонам. Боря побежал к нему, краем глаза заметив открытый погреб.

— Папенька, что стряслось? — Испуганно спросил он, повиснув на плече отца.

— Ничего, Борька. — Меланхолично протянул в ответ отец. — Ничего. Ты иди, да матери скажи, пусть вещи собирает, а сам Дымку запрягай. Справишься? — Боря растерянно закивал и, немного отойдя, рванул исполнять поручение.

Он забежал в дом и, передав такой же взволнованной и ничего не понимающей матери указания отца. После чего, стрелой вылетев из дома, Боря побежал в сарай, где стояла, мерно пожёвывая сено, их старенькая, но по прежнему очень полезная кобыла Дымка. Проходя мимо распахнутой двери в погреб, Борька ужаснулся: тот был пуст. Абсолютно. «Весь хлеб, что они с отцом(хотя, конечно, больше всё-таки отец) добывали честным трудом, попросту исчез. Это что же получается?.. Это войны с полка учинили? И с остальными дворами тоже самое сейчас делают? Как же так? И папеньку тоже... Они? Так ежели им не хватало хлеба, так попросили бы по-людски! Разве ж папенька бы отказал им? Но зачем же... так?» На глазах паренька навернулись слёзы. Что же теперь? Как они без хлеба?

Он стал готовить Дымку к поездке, как учил его отец. Запряг лошадь в старую скрипучую телегу, подведя её под уздцы, открыл ворота сарая и сноровисто вывел запряжённую Дымку на улицу. В течение пятнадцати минут они всей семьёй грузили в повозку свой немногочисленный скарб, а потом, без всякого промедления, двинулись в путь.

Уже после обеда семья потомственного ремесленника прибыла в деревню в пятнадцати вёрстах от Новгорода. Напуганная беспределом прямо в стенах города, да ещё и от тех, от кого подобного совсем не ожидали, от тех, кто призван защищать горожан, семья Борьки на время переехала к брату матери. Будучи зажиточным крестьянином, который, конечно, уступал горожанам-ремесленникам в зажиточности, однако без проблем принял их, изрядно удивившись столь необычной историей.

Однако жизнь в этой деревеньке, где едва ли проживало больше двух сотен человек, была не очень-то сладкой. Брату матери повезло, его проблемы простых селян почти не касались. Он был в относительно неплохих отношениях с местным вотчинником, которые построились лишь благодаря его несомненной пользы для последнего, и, хотя и вынужден был платить неподъёмный, на взгляд Борьки, оброк. Впрочем, остальным селянам жилось здесь ещё хуже. Все они поголовно вынуждены были частенько голодать, работать на земле своего барина едва ли не больше, чем на своей, а плюсом к этому очень часто попадали под нещадную плеть за любой, даже малозначительный проступок. Последнее показалось маленькому Боре совсем удивительным и каким-то... Ненормальным? Да, конечно и в городе нередко случалось так, что и взрослых и детей наказывали за их проступки телесно. Однако там это были именно что наказания, да и те исполнялись порой с небрежением и скорее в целях воспитательных. Когда же Боря узнал, как часто местные крестьяне подвергаются подобному, он невольно поёжился.

Когда семья Борьки наконец разместилась на новом месте, солнце уже клонилось к закату. В этот день на маленького сына ремесленника свалилось очень много всего. Когда

выдалась минутка отдыха, Боря вышел во двор. Здесь, в деревне, дворы в основном не ограждали высокими заборами, как это делали в городе. Огорожен был лишь дом помещика, который, на фоне крестьянских изб, напоминал целый дворец.

Как же много сегодня пережил непривыкшее к переменам сознание парня. Сначала ранее невиданный разбой от тех, от кого подобное ожидалось меньше всего. Затем переезд в совершенно незнакомое Борьке место. Ему, родившемуся и жившему почти всю жизнь за стенами города, пришлось вдруг переехать в деревню, где всё было ему так или иначе чуждо и незнакомо. Он от усталости облокотился спиной на калитку, прикрыв глаза. Казалось, будто в его голове кто-то стучит в барабан. Ритмично так: тук-тук-тук, бум-бурубум-бум-бум... Или это не в его голове? От этой мысли мальчик подскочил, растерянно озираясь по сторонам. Дом брата матери стоит на самом краю деревни, а дальше начинался лесок, из которого шла извилистая дорога. Именно оттуда доносился странный звук. Боря выбежал к дороге, чтобы найти лучшее место для обзора. Как выяснилось, много кто также услышал странный стук и, так же как Борька, вышел на дорогу утолить своё любопытство. А кто-то уже, похоже, даже увидел источник этого звука, указывая в сторону леса, широко разинув рты и глаза. А вскоре увидел и сам Боря...

Такого тринадцатилетний парнишка не видел и не слышал нигде. Ни в рассказах священника о древних временах, когда по всей Европе железным маршем шагали ромейские когорты. Ни в словах купцов, шедших что с юга, что с севера. Ни даже в фантазиях своих сверстников, представлявших себя славными воинами, сокрушающих любых врагов. Нет, это было нечто иное...

Стройные колонны по пять человек в ширину шагали нога в ногу по влажной дороге под чёткий барабанный бой. Все равны как на подбор. Впереди шли, как показалось Борьке, ребята, лицами не сильно старше него самого. Все они были одеты в суконную одежду вороного, чёрного цвета. На ногах добрые сапоги чуть ли не по самое колено с блестящими шпорами. Они не просто шли, они чеканили нога в ногу строгий марш. А что это у них лежит в правой руке, опираясь на плечо? Борька никогда такого не видел. Сложно было сказать вот так сразу, но, как ему показалось, они шли с какими-то, невероятно схожими друг на друга, странными копиями из дерева и железа. Их, в вороных одежках, было всего шесть рядов. За ними лишь немного менее стройным маршем шли около двух десятков рядов в точно таких же, но серых одеждах. На них не было высоких сапог со шпорами, но были такие же странные копы. В их числе молодых было уже значительно меньше, чем в первых. Большинство являлись, по сути, уже взрослыми мужчинами, хоть от чего-то не имели бород.

За ними из леса вышли конники. Не больше сотни, они, одетые и вооружённые заметно разношёрстнее, чем «чёрные» и «серые», также старались идти ровными рядами. Но разве заставишь бестолковую скотину идти нога в ногу? Вдруг, Боря понял, что конники эти — сотня дядьки Григория. А вон и он сам, во главе своей сотни!

Далее двигались многочисленные телеги, крытые белоснежной парусиной. Борьке казалось, что удивляться больше нечему, как вдруг, подходя к деревне, колонна сменила строевой шаг на обычный походный, а барабан заиграл что-то, похожее на мелодию. И тут вся пешая колонна запела в один голос...

Слышишь, как птицы кричат на заре,
Плачут о горе на нашей земле?
Встанет ли солнце в назначенный час—
Это зависит сегодня от нас.

Счастье зависит сегодня от нас.

Несмел рассвет, кровав закат, и ветер зол и рьян,

И поднял меч на брата брат, и льется кровь славян.

Разрывается снаряд, ночи без сна.

Лица яростью горят, вера сожжена.

В нашем доме не спят, в дом пришла война.

Пройдут тяжёлые года, осядет горький дым,

И песни главные споём мы за столом одним

Про великие бои прошлых веков,

Те, где предки полегли, где пролили кровь,

Где прогнать мы смогли общих нам врагов.

Интерлюдия. Александр.

Отлично! Наше продвижение в первый день превзошло даже самые смелые ожидания. По правде говоря, двигались мы не весь день. Вся моя небольшая армия, состоящая из тридцати гвардейцев, ста двадцати ополченцев и семи десятков конников Григория отправилась в путь лишь в обед, когда план окончательно сработал и ловушка для воеводы захлопнулась. Он поверил в подлинность письма, написанного якобы шведским королём и сейчас разорял близлежащие к детинцу подворья горожан. Он готовился к тому, чтобы закрыться в крепости с почти тысячей своих солдат и ждать, когда придёт Олаф, чтобы сдать ему город за обещанное щедрым королём в замен. Вот только для меня это — отличный повод выступить «за правое дело», раз и навсегда покончив с Михаилом и со всем гадюшником, что разросся в полку, вместе взятым.

Следуя составленному плану, мы двигаемся не напрямую в Новгород, а описывая крюк на северо-запад. Сделано это не просто так. Дело в том, что все пять моих сподвижников-помещиков живут именно в это секторе. А их поддержка понадобится мне, чтобы склонить чашу весов влияния в мою пользу.

Одна из задач похода — спровоцировать такие народные волнения, которые были бы выгодны как мне лично, так и моим либерально настроенным соратникам. А сделать это я решил самым радикальным, но при этом действенным способом — через свободолюбие людей, а точнее самой массовой части населения, крестьян. Да, пока что крестьяне не успели вкусить всех тяжестей крепостничества, поскольку оно само ещё не обрело столь бедственный оборот. Но при этом ещё живущее поколение помнит времена полной свободы крестьян, когда они не были прикреплены к своей земле и когда никакие помещики и вотчинники были не вправе решать их судьбы. На это я и решил сделать ставку...

Сейчас мы, под барабанный бой и песню группы «Арктида», так подходящую по смыслу, входили в очередную деревушку, помещик в которой был занесён в мой чёрный список. В этот список я заносил тех вотчинников, которые выделялись особой неприязнью к крестьянам. Тех, с кем следовало расправиться, но при этом создать из запуганных ими крестьян самых разъярённых несправедливостью бунтовщиков. За сегодняшний день мы уже побывали в одной из таких деревень. И сейчас солдаты знали, что делать.

Колонна подошла к двухэтажному особняку помещика. Я двигался среди всадников, но когда пришло время, не спеша проследовал к началу колонны.

— Стой! — Скомандовал Иван, шедший во главе взвода гвардейцев. Барабанный бой резко стих и повисла звенящая тишина. Толпа крестьян, вышедшая поглазеть на ранее невиданное, кучковалась по обочинам, не решаясь что-либо сказать или, тем более, сделать.

Я выехал перед строем и, осмотрев крестьян, точно таких же, как и в предыдущем селе, взял самодельный, но весьма эффективный рупор из бересты и, приложив его ко рту, заговорил отрепетированную речь:

— Крестьяне! Меня зовут Александр и я — помещик из села Борки, что в десяти верстах отсюда, ближе к озеру Ильмень. Должно быть, вы слышали о нём. — По толпе прошёлся редкий шёпот. Действительно, молва о селе, в котором людей за одну осень прибавилось едва ли не в двое, шла уже давно. — Мои крестьяне — свободные люди. Они работают и получают за то от меня плату. Они пахут и сеют только на своей земле, а оброк мне платят скромный, ничуть их не отягощающий. Правильно я говорю? — Обратился я к ополченцам.

— Так точно! — Стройно и бодро ответили они.

— Астафий, иди сюда, — Позвал я кузнеца, который за зиму успел стать десятником в ополчении. — Скажи людям, хорошо ли ты живёшь?

— Хорошо, командир! — Бодро отозвался он. — Вельми хорошо! Как Александр пришёл, так он и кузнецу мою перестроил и людей мне дал, и железа с углём. А платит мне за труд мой вельми щедро.

— Вот! Кем он был столько лет и зачем? Слаб душой и моралью закован! Кем он стал после всех перемен? Сам теперь он диктует законы, встав с колен! — Я монотонным речитативом зачитал ещё один куплет из песни группы, по которой очень фанател в прошлой жизни. После чего я кивнул Астафию и тот, коротко поклонившись, вернулся в строй.

— Они служат в моём ополчении. Опять же, за плату. Я сделал их свободными, дал им возможность жить, а не выживать. Я стремлюсь к тому, чтобы мои люди были сыты. Чтобы на их столе всегда был хлеб, а в избе — мир и тепло. — И снова по толпе прошёлся шёпот. Но уже другой, более активный. — А что ваш помещик? — Я указал на величественный дом, за слюдяными окнами которого явно кто-то двигался. — Добр ли он с вами? — Несколько самых смелых с дальних рядов отрицательно побормотали, большинство же лишь печально опустили головы. — Даёт ли хлеб в голодный год за просто так, чтобы вы не голодали? — Теперь уже больше людей гораздо смелее говорили твёрдое «нет». — А платит ли он вам за ваш труд? — И вот, на волне возмущения, большинство уже не просто говорило, а кричало об отсутствии справедливости. — В таком случае, почему же он до сих пор не предстал перед лицом справедливости?! — Толпа уже откровенно бесновалась, выкрикивая что-то нечленораздельное, но явно радикальное. Я кивнул Ивану и тот принялся раздавать указания своим бойцам.

— Первый десяток — берите лестницы и через забор. Второй и третий — оцепить периметр. В случае сопротивления — огонь на поражение.

— Есть! — Стройно ответили сержанты и устремились выполнять указания.

— Эй, мил человек! — Окликнул меня какой-то бойкий старичок. — А далеко-ль вы путь держите?

— Мы идём в Новгород, попутно чиня справедливость и освобождая крестьян из рук алчных помещиков. Там, в городе, воевода продался свейскому крулю и стал грабить горожан почем зря. А как этот круль к стенам города подойдёт, так воевода ему ворота и откроет. И станет свей землю Новгородскую в свою веру обращать огнём и мечом, священную православную веру уничтожая. — Люди замороженно слушали, как вдруг за забором поместья раздалось несколько выстрелов. Народ испуганно загомонил. — Сохраняйте спокойствие! — Прокричал я. Спешившись, я снял с лошади своё ружьё без

шпыка и показал людям. — Это — ружьё. Оружие, которое стреляет с помощью пороха. Как пушка, только меньше. — Я дал знак и из повозок принесли глиняный горшок на деревянной палке. Солдат, встав в двадцати шагах от меня, вытянул палку в сторону и, зажмурившись, отвернулся. Я привычно прицелился и, почти сразу нажав на спуск, легко поразил цель, от которой салютом полетели осколки. Народ вновь глухо загомонил, а кто-то даже перекрестился. Те же, кто обратил внимание, что подобными ружьями вооружены все солдаты, за исключением конницы Григория, то ли от восторга, то ли от ужаса открыли рты.

Тем временем из калитки под руки вывели помещика. Толстый и бородатый, он, сверкая разбитым носом и харкая кровью, проклинал всех и вся. Когда его проводили мимо меня он, взглянул мне в глаза, притормозил. Гвардейцы с новой силой толкнули его в спину, после чего он засеменил вперёд.

— Командир, штурм проведён успешно. Все целы, ликвидировано трое мужчин, оказавших сопротивление. — Отрапортовал Иван.

— Вооружены?

— Так точно. Двое с саблями на нас выскочили и один из лука стрелял, да больно косо. Ребята его почти сразу и сняли.

— Хорошо, молодцы. — Кивнул я.

— Служу отечеству! — Выкрикнул лейтенант, ударив кулаком в грудь.

Тем временем помещика уже поставили к забору. Он еле стоял на ногах, пошатываясь. Мне даже на мгновение стало его жалко. Впрочем, вся эта жалость мигом исчезла, как только я вспомнил рассказы крестьян о его зверствах и беспределе, который он чуть ли не ежедневно учинял. Нет, в новом мире таким людям не место.

— Крестьяне! — Вновь обратился я к народу. Скажите мне, хотите ли вы впредь видеть этого человека вашим помещиком?

— Нет! — Нескладно, но уверенно прокричала собравшаяся толпа. Я кивнул лейтенанту и тот, подозвав троих гвардейцев, стал отдавать им указания, выстраивая напротив осуждённого.

— Теперь для вас настанет новая жизнь! — Я поднял к небу сжатый кулак и люди, повторив мой жест, восторженно загомонили.

— Это бунт? — Растерянно спросил помещик, снова взглянув на меня.

— Готовсь! — Крикнул Иван и три гвардейца взяли ружья на изготовку.

— Нет, — Коротко, но достаточно громко бросил я.

— Цельсь! — Последовала вторая команда.

— Это революция.

— Пли!

Глава 18. «Набирая обороты»

17 апреля 1506 года.

Жизнь сына Новгородского ремесленника Борьки в последние дни менялась с ранее невиданной быстротой. Сначала удар в спину от своих же воинов, которые должны были защищать жителей города но, по всей видимости, продали свою верность и, пограбив горожан, отбирая чертовски дефицитный хлеб, заперлись в детинце. Как отец проклинал их... Таких слов Борис ранее и не слышал.

Потом они, собрав пожитки, перебрались к брату матери в деревеньку недалеко от города, в котором в последнее время отнюдь не всё гладко. В деревне Борьке не очень понравилось. Как-то всё очень медленно и неспешно. Хотя хлеба было в общем-то в достатке, но вот остальных благ и Борису и, наверняка, остальной его семье, не хватало. Но виду никто не подавал.

Однако их размеренная жизнь в деревне не продлилась долго. Уже вечером дня, когда они прибыли, в деревню вступили таинственные «тёмные кафтаны», как их окрестил по началу Боря, в сопровождении с дядькой Григорием и его сотней.

Сын ремесленника тогда очень сильно удивился, наверное, всему, что было при них. Начиная с железной дисциплины и походного строя, напоминавшего сплошной тёмный гранит, заканчивая, как выяснилось, очень даже красивыми, тёплыми и качественными, хоть и небогатыми «мундирами». Позже Борька узнал, как на самом деле называется их одежда из чёрного и серого сукна. Мундир имел глубокие карманы, шёл сплошным слоем до колен, а на поясе перевязывался кожаным ремнём, на котором у воинов висели бумажные свёртки, о предназначении которых Борька пока не имел ни малейшего представления. У воинов в чёрных мундирах всю голень закрывали высокие сапоги. Те же, кто носил мундиры серого цвета, на ногах имели не сапоги, а башмаки, но и те весьма неплохие, какие Боря видел разве что на ногах некоторых немецких купцов.

Но больше всего Бориса удивила не одежда воинов, а их оружие. У них не было ни мечей с саблями, ни луков или самострелов. Даже щитов он не видел у пехотинцев. Зато у всех, как на подбор, были удивительные, незнакомые Боре штуковины. Приклад, как у самострела, а в остальном — сплошные новшества. Стальная трубка, закреплённая в деревянном основании и необычные штуковины ближе к прикладу. А на конце — острый, в две пяди, плоский клинок, прикрепленный к той самой стальной трубке. Было ещё много маленьких деталей, которых Боря то ли не заметил, то ли не придал им значения. Ну, подумаешь, чудные копья, мало ли чего немецкие оружейники удумают? Но когда Борька сначала услышал, а после и узрел истинную силу этих штук, именуемых ружьями, он, как все собравшиеся селяне, удивлённо ахнул.

Как оказалось, эти «ружья», которыми были вооружены все поголовно пешие воины, стреляли также, как стреляет пушка: небольшой металлический шарик вылетает из ствола от взрыва пороха. Конечно, Боря не видел, как стреляет пушка, но представление о порохе имел и о стрельбе из пушек слышал как от дядьки Григория, так и от отца, что по осени ходил биться со свеями. Однако пушка — большая, тяжёлая приبلуда, а ружьё — вот оно, два аршина в длину, казалось, подъемное даже для Борьки, который хоть и отличался не дюжей силой среди ровесников, но всё же никак не мог считаться взрослым.

А с теми воинами пришёл таинственный для Борьки и для всех остальных собравшихся

Александр. Только для отца Бориса он не был незнакомцем, потому как осенью он, как и Борькин папенька, также выходил против шведов и, как сказывал отец, «бился вельми добро, да много русских душ спас, да нехристей погубил не мало». Ещё он рассказывал, что когда воеводу в большой сече ранили, Александра, хоть тот дворянином тогда не был, за его ум и воинскую справность сотники да десятники, посоветавшись, назначили войском командовать. А после похода, когда царское войско свеев в конец разбило, бают, что сам царь этому самому Александру дарственную на село выписал. То самое, Борки, куда за последний Юрьев день, как рассказывали, стеклоь несколько сотен крестьян. Ранее невиданные числа для выхода крестьянского.

Но, в общем, до того дня как для Борьки, так для его отца история Александра и села его представлялась очень смутно, возможно даже сказочно, лишь из рассказов не очень знающих людей, которые, как водится, любят преувеличивать. Знал Боря и про игру заморскую, что учинял не раз этот иноземец рядом с торговой площадью, где ранее самые добрые вои на кулаках силами мерились. А однажды они с папенькой даже пришли поглядеть на эту игру. Правда, не с удобных скамей, а из-за забора, потому как все места к тому моменту были уж давно заняты.

Но в тот день, когда он со своими людьми к деревне пришёл, Боря узнал, как всё есть. Ему казалось, что Александр этот чудные вещи говорит, однако слушал его, как и все, с интересом не детским. Говорил он, дескать, действительно крестьяне его свободны и за труд он им честным серебром платит. И что они же у него в ополчении служат, за что свою копейку также имеют.

Потом говорил про то, что воевода в конец обезумел и продал землю Новгородскую свеям. Что готов он впустить нехристей в город, как только те появятся. Правда, Борька слыхивал, что свеи — те же латиняне, а нехристь — лишь круль их. Однако что латиняне, что язычники ни у Борьки ни у остальных православных тёплых чувств не вызывали. Народ поохал, повздыхал и, конечно, поверил. Ну как же не поверить, когда уже столько вестей о погромах за второй стеной пришло. Да и пехотинцы его выглядели ну очень уж убедительно.

Но самое интересное началось после, когда Александр этот стал местных селян ловко против помещика местного подначивать. Борька сначала подумал, что это бунтарь простой, но после вспомнил его историю, ещё раз взглянул на его воинов, пышущих здоровьем, с ружьями наперевес. И как-то раздумались эти мысли сами собой.

А народ тем временем потихоньку свирепел. Так, что Боре в один момент стало очень уж не по себе. И вот, когда селяне были готовы лично выгрызть свою свободу, двое воинов Александра под руки вытащили из двора помещичьего побитого дворянина. Честно говоря, у Бориса этот дядька и целый не вызывал положительных эмоций. Толстый, хмурый и вечно недовольный. А уж побитым на него и вовсе не хотелось смотреть. Его поставили к забору собственного поместья, что грозно возвышалось над деревней. Тогда Александр спросил у народа, хочет ли он и дальше терпеть этого помещика. Ответ последовал незамедлительно. Боря даже вздрогнул, когда толпа вокруг него разразилась отрицанием. После этого Александр кивнул своему, по всей видимости, сотнику и тот, подозревая троих воинов, стал строить их напротив забора. Боря догадывался, что произойдёт далее, но ему было интересно, о чём в последние секунды своей жизни говорит осуждённый с дворянином. Однако из-за гула толпы расслышать он смог лишь последнюю команду сотника. После звонкого «Пли!» трое воинов слитным залпом разрядили свои ружья в помещика, о котором Борька меньше, чем за день успел составить однозначно плохое впечатление.

Когда всё закончилось и крестьянам объявили свободу, все воины и сам Александр встали на привал прямо недалеко от деревни. Судя по всему, долго задерживаться они не собирались, а лишь остановились не надолго, скорее ожидая, пока их предводитель разберётся со всеми делами. А все свои дела Александр, как понял Боря, вести умел. Вместе с тем, чтобы отвечать на вопросы всех селян по отдельности, он выцепил из толпы старосту, который, как показалось Боре, был отнюдь не старым и долго с ним беседовал.

Как оказалось, объявленная свобода вовсе не означала для крестьян вседозволенность. Он лишь подарил им свободу передвижения, возможность заключать браки по своему усмотрению, а также гарантия сохранения жизни и возможность трудиться за достойную плату. Если же кто решит учинять разбой и нарушать свободу других людей, такой человек считается разбойником и татем. А таким свободу даже Александр, увы, гарантировать не может. И даже маленькому ещё Борьке было ясно, что мысли этот необычный воевода несёт здравые, хоть и ранее неслыханные. И люди поддержали все его доводы, богом поклявшись «верно служить делу свобод для всех без исключения, не учиняя разбоя и не проявляя чрезмерную жестокость.»

Среди селян было также несколько таких, кто желал вступить в ряды «серого ополчения». Таковым, к удивлению Бори, стал и его отец. Папенька всегда был человеком, лёгким на подъём. Даже когда пришла весть о том, что swei идут на Новгород, он едва ли не первым пожелал записаться в ополченцы. Вот и сейчас он, вместе с ещё полудюжиной мужчин, беседовал со старостой, который передавал все слова Александра, удалившегося уже к своим людям.

Как оказалось, принять в ополчение он крестьян не может. Дескать, у него служат только люди, вельми обученные ратному делу. Однако рвение примкнуть к правому делу считается похвальным, а потому он предлагает всем, кто желание на то имеет, поехать в его вотчину, в Борки. Там, говорит, жилья им пока нет, но на улице их никто не оставит и дерево да инструмент для стройки дадут. А после, как обживутся, начнут их и ратному делу тренировать и ружья эти самые собирать научат.

Отец, обрадованный таким предложением, Во второй раз за день велел семье собирать вещи, которые Борька ещё час назад разгружал из повозки. Но староста сказал, что раз уж нашлись те, кто желает помочь делу, то торопиться им не следует. На следующий день по утру им выделили пятерых дружинников из сотни Григория и они, под охраной, как какие купцы богатые, двинулись в путь.

Интерлюдия. Александр.

Революция шла полным ходом. Вообще, назвать всё это именно революцией, наверное, всё же было нельзя. Я лишь хотел убить несколько зайцев разом: ликвидировать продажную знать, заработать авторитет и имя, которые наверняка пригодятся мне в случае наряженной ситуации и, что важно, если не принять, то хотя бы закрепить для общества идею уничтожения всякого крепостничества в зародыше.

Наверное, не нужно быть гением, чтобы понять, как ограничение свободы большей части населения может затормозить развитие страны. А вот если получится максимально безболезненно внедрить либеральные идеи, пролив при этом совсем немного крови самых несогласных, то дальнейшее будущее сулит только самые лучшие перспективы. Ведь если крестьяне получают свободу — они со временем начнут богатеть, увеличат потребности в большем диапазоне товаров, а я им эти товары дам. Выставив соответствующие цены, разумеется.

Впрочем, монополию на эффективное производство я в ближайшее время всё же утрачу. Но это не то чтобы плохо, ведь потребителя в скором времени хватит и на меня, и на моих сподвижников-дворян, что сейчас, официально дав свободу своим крестьянам, массово распространяли либеральные идеи по всей округе. Конечно, консервативное дворянство, составляющее абсолютное большинство, было настроено резко против идеи революции. Они держались за власть, не желая расставаться с правом владения крестьянами, при этом, как слепые котята, не видели собственных выгод от этого решения.

Однако были и такие помещики, которые не спешил принимать решение, а лишь наблюдали. Зачастую моя заранее спланированная пропаганда работала на отлично, с лёгкостью склоняя самых нерешительных на мою сторону, обещая взамен помощь с организацией производства. Если ещё неделю назад на моей стороне было лишь пять не очень крупных дворян, то теперь их число возросло до нескольких десятков. Всё чаще моя небольшая армия, войдя в очередное село и не столкнувшись с каким-либо организованным сопротивлением, радушно принималась не только местными жителями, но и помещиком, поспешившим объявить на их радость полную свободу. И всё реже приходилось обращаться к крайним мерам и вычёркивать из чёрного списка очередное имя.

Мне также повезло с тем, что многое поместное дворянство состояло в числе сотников и десятников полка, который, запершись в детинце, иногда совершал молниеносные набеги на город, грабя, а иногда и убивая местных жителей. А я в это время спокойно входил в их деревни и объявлял крестьян свободными.

Многие из молодых(а иногда и не очень) мужчин выражали особенное рвение в борьбе с фактическим рабством, противоречащим священным догмам православия и подходили ко мне с просьбой принять их в мою освободительную армию. Но я не торопился разбавлять своих вымуштрованных и привыкших к огненному бою людей неотёсанными крестьянами, а потому предложил им альтернативу.

Ещё до начала восстания мы с пятёркой самых преданных новому, свободному делу, дворян договорились о том, что делать с такими революционерами сельской местности. Половину таких вот добровольцев я направлял в Борки, где они должны были сначала отстроить себе жильё, а потом встать на рабочие места ополченцев. Оставшийся в селе Макс займётся их приёмом и организацией.

Вторая же половина людей направляется в сёла и деревни этих самых пяти дворян. В них уже начали закладывать мануфактуры по образцу таковой в Борках. Для минимизации конкуренции, мы с ними договорились, что каждый станет работать в своей сфере. У меня и у Евпатия планировалось развернуть массовое производство ружей, к другому дворянину переселить суконных дел мастера из Борок, который сшил для моего войска мундиры. Четвёртому, вместе с обученными плотниками, я щедро передал ещё и чертежи с образцами повозок, чтобы он начал производство относительно современных на сегодняшний день телег. Последнему, но не по значимости, дворянину я поручил производство инструментов, гвоздей, орудий труда, плугов и прочих мелочей, без которых строительство стабильной экономики, способной обеспечить сильную армию, было бы затруднительно.

Разумеется, для всего этого нужно было сырьё. Главным образом сталь, порох, шерсть, дерево и многое другое. И если с деревом и железом можно было мало-мальски обеспечить себя за счёт местного производства, то с остальными возникали разной степени проблемы. Именно поэтому я заранее сделал Мстиславу, чьи корабли по весне устремились на север, а повозки — на юг, кучу заказов, за которые предстояло отвалить намеренное количество

денег. Впрочем, всё это должно очень быстро не то что окупиться, но ещё и вывести в плюс меня и моих сподвижников, с которыми мы делили общий бюджет «на дело революции» и с которыми эту самую революцию учиняли.

Сегодня утром нашу колонну догнал Генрих. Выход из города, по сути, был свободен как никогда, поскольку полк, без поддержки ополчения, просто физически не мог контролировать ни внешнюю, ни даже вторую стену, закрывшись в кремле. И вот, поблёскивая на утреннем солнце латным нагрудником, истинный германский воин предстал передо мной во всеоружии, при трёх оруженосцах, которые, несомненно, также неплохо управлялись со смертоносной сталью.

— Чудное дело ты учиняешь, Саша, — Неуверенно начал Генрих, прищоривая своего тяжёлого, боевого коня, так же одетого в лёгкий доспех, защищающий голову и грудь.

— Всё спланировано, друг мой, — Поспешил успокоить я Майера. — Поверь мне.

— Если бы я не верил, то не выступил бы с тобой на это дело. — Ухмыльнулся он.

— Не сомневайся, на нашей стороне правда и народ. — Подставив лицо под луч апрельского солнца, сказал я. — Ты общался с предателями? — Иначе, как предателями, я не называл укрывшийся в детинце полк.

— Я послал к ним своего человека под белым флагом, предлагая переговоры. — Поморщился Генрих.

— И что же?

— Он вернулся побитый. — Хмуро отозвался Майер. — Михаил молчит.

— Ну что ж, — Задумчиво протянул я. — Раз молчат переговоры, говорить будут ружья.

— Хватит ли голоса ружей в борьбе с такой силой? — Задумчиво протянул Генрих.

— У нас не только такие голоса, — Уверенно ответил я, взглянув на повозку, в которой, под навесом из белой парусины, виднелась ракетная установка. Потом перевёл взгляд на вторую, которую занимала величественная корзина воздушного шара.

Я обернулся к шагающим позади нас солдатам. Они, с улыбками на лицах, быстро шагали по недавно просохшей дороге. Не знающие горечи поражений, моя маленькая армия, уверенная в своих силах и в том, за что они идут сражаться, с каждым днём всё выше поднимала голову и свой боевой дух. Они всё это время бесперебойно ели, почти не страдали болезнями, благодаря налаженной гигиене и, что самое важное, побеждали. Пусть пока лишь малые, но очаги сопротивления, один за одним, рушились под их стальным маршем, а любой, кто решал оказать сопротивление, вдоволь пробовал на вкус свинцовые пули и стальные штыки. Они завалились кровью врагов. Эффективнее, конечно, закалка своей кровью. Однако я к таким крайностям прибегать не намерен. Они чувствуют силу в своих руках и моей голове. Они мне верят и я их не подведу.

— Мы своё слово скажем, — Утвердительно кивнул я, подняв голову и пытаюсь заглянуть за горизонт, увидев там белые стены Новгорода.

Глава 19. «Первое возмездие»

23 апреля 1506 года.

Сегодня вечером мы наконец подошли к Новгороду. За прошедшую неделю нам удалось взять под свой контроль более двадцати деревень и сёл. Какое-то сопротивление встречалось лишь в первые пару дней. Далее же, стоило местным жителям услышать вдалеке барабанный бой и увидеть чёрную тучку авангарда, как те сразу же выходили целыми семьями из своих изб, встречая необычных, но от того не менее желанных солдат, которые освободят их от неподъёмных налогов и позорного ограничения передвижения.

Дворяне же с каждым днём всё чаще выбирали спасительный вариант: присоединиться ко мне и принять все условия. В последний день и вовсе удалось избежать ненужного кровопролития, лишь формально приняв от помещиков клятву в верности революции. Конечно, я прекрасно понимаю, что верность их очень уж условна и положиться я могу лишь на пятерых помещиков, которые были изначально заинтересованы в свободе всех крестьян. Однако пока что главная для меня цель — получить выход на большой рынок и, сбросив финансовые оковы, сколотить из полученных средств нормальную военную силу.

В строящиеся мануфактуры, как мухи на мёд, тянутся свободные крестьяне, желая заработать на чудном и непонятном, но очень прибыльном деле. И когда они втянутся, получают сырьё и начнут переводить его в товар — тогда запустится процесс массового производства и эту экономическую машину будет уже не остановить. Она попросту превратится в огромную жаровню, в которую нужно будет лишь успевать подкидывать уголь, дерево, шерсть и железо, а на выходе принимать поставленное на поток оружие, одежду, инструменты и транспорт.

Начинала воплощаться в жизнь моя мечта, которую мы с Максимом продумывали долгими и холодными зимними вечерами, исписывая в расчётах драгоценную бумагу и подолгу дискуссия над мелкими деталями производства. Мечта, которая заставила меня разобраться в тонкостях самых разных направлений: от производства войлока и конструкции телег, до механизмов кремневого замка и состава пороха. Мечта, которая продолжит сбываться, возможно, даже после моей смерти. Мечта превратить эту землю из поставщика леса и пушнины, за спиной презираемого на западе, в великую кузницу мира, где будет коваться новое государство. С новыми устоями, порядками и законами. Государство, о котором с придыханием и страхом будут твердить все: от английских баронов, до османских султанов. От французских вельмож, до арабских шахов. Государство, которое в будущем изменит мир.

Мечта, как говорится, мечтой, но чтобы её осуществить — нужно для начала обозначить более мелкие цели, достигая которые по итогу прийти к мечте. И следующая моя цель — Новгород. Одновременно ключ и от развитого запада, и от богатого востока. Кладёзь купцов, готовых купить и, что тоже не мало важно — продать.

Сюда же я планирую в дальнейшем переместить все мануфактуры вместе с рабочими. Всё же задача сельских жителей — кормить город. А с внедрением нового стального плуга вместо деревянной сохи и, что самое главное, новой системы налогов, позволяющей бедным крестьянам поправить своё положение за счёт зажиточных, со следующего года стоит ожидать рекордных урожаев. Конечно, Новгородская земля не отличается плодородностью, однако пока я не могу рассчитывать лишь на импорт продовольствия, а потому придётся

как-то кормить внезапно для всех появившийся класс рабочих, медленно, но уверенно выманивающий крестьян.

Мы вошли в город следующим утром, как и полагается, стройными рядами, с песней и, как бойцы уже привыкли, под множеством удивлённых взглядов местных зевак. Нам никто не смел помешать, а главные ворота внешней стены остались открытыми, хотя сначала несколько человек наверху зашевелились, завидев уж очень организованный, в сравнении с купеческими караванами, обоз. Многие люди в городе узнавали меня и приветливо махали руками, а кто-то даже истого крестился, завороченно глядя на ровный, как по линейке выровненный марш.

Первым пунктом на нашем маршруте был мой участок, где нам предстояло оставить все повозки с провизией, воздушным шаром, ракетными установками и запасами патронов и ружей. Поместье стоит возле второй стены, однако, к моему счастью по другую сторону от детинца. Потому как за второй стеной, как рассказывали беженцы и горожане, полк уже изрядно пограбил всё, что только можно. А ведь Олаф в своём письме не давал таких указаний. Здесь же, в поместье, я выставил охрану аж из десяти человек. Кто знает, какие у Михаила связи в городе? А терять стратегические запасы я никак не хотел.

Стены Новгорода были построены таким образом, что контролирующая детинец войска полностью контролировала и единственную переправу через реку Волхов. А это значит, что сейчас все купцы, идущие по воде и желающие выставить свой товар на торг, вынуждены лишаться едва ли не половины всех своих покупателей. В общем, у кого детинец — тот контролирует переправу с основной части города в торговую. В целом, реку шириной не более двухсот метров можно переплыть и на лодке, а купцы могут швартоваться и у основной половины города. Однако факт остаётся фактом — пока детинец у предателей, торговля будет нести большие убытки.

К моему удивлению, стоило мне расположиться в моём первом в этом мире поместье, как уже через пол часа сюда прибыл и Мстислав. Всегда меркантильный купец сейчас выражал своим лицом крайнюю степень искреннего страха.

— Саша, что происходит? — Отрешённо спросил он, бледнея. — Почему полк уже седмицу как разбойничает над честными купцами и ремесленным людом?

— Воевода предал нас, Мстислав. — Положив руку на его плечо, произнёс я. — Он продался шведскому королю и сейчас ждёт его войско, чтобы открыть ему ворота города.

— Но... — Мстислав опустил взгляд. — Как же ж так?

— Вот так, дружище. В трудные для страны времена все предатели вылезают из своих щелей. Но главное в этот момент не растеряться и начать давить их одного за другим, понимаешь?

— Да. — Уверенно буркнул он. — Что от меня требуется?

— Для начала расскажи какие новости из Москвы и вообще из других городов. — Остудил его пыл я. — Что говорят купцы с юга?

— Всё худо в Москве, Саша. — Понуро буркнул Мстислав. — Бояре за власть дерутся, как волки за последнего зайца в худой год. Города всё чаще князей новых выбирают и объявляют себя отдельными от Москвы княжествами. Тверь и Владимир уже отделились, выбрав собственных князей. Те говорят, что присягнут только законному Рюриковичу или тому, кого народ сам царём выберет. В Туле и Рязани народ волнуется и скоро наверняка тоже князей своих изберут. В общем, плохо всё, Саша. — Серьёзно проговорил Мстислав.

— Да уж, нехорошо, — Задумчиво протянул я. — А много ли сейчас купцов с Европы,

что на кораблях пришли?

— Да сейчас всего две галеры стоят в порту, — Задумался Мстислав. — И обе из Ганзы.

— А пушки есть на них? — Я припомнил, что в прошлом году на торговых кораблях хоть иногда, но замечал небольшое количество пушек.

— На одной, — Утвердительно произнёс Мстислав. — Всего три штуки. Той галеру мой знакомый купец уж несколько лет в Новгород водит. И только в этом году он не сумел толковых сделок заключить из-за разбоев в Новгороде.

— Отлично, — Обрадованно вскочил с места я. — Вот что, Мстислав. Переправляйся снова на тот берег и скажи ему, что я могу возместить его убытки, если он сдаст мне в аренду пушки со своего корабля и своих пушкарей.

— Боюсь, те пушки для осады негодны, — Покачал головой он. — Малы они, да токмо по другим кораблям из них добро стрелять выходит.

— А я и не по стенам стрелять думаю. — Ухмыльнулся я. — Мстислав, уловив идею, улыбнулся и, конечно, согласился. Мы с ним ещё немного пообсуждали план действий, как вдруг наш разговор прервал настойчивый стук в дверь. Это был Григорий.

— Саша, там перед двором люди собираются. — Растерянно сказал он.

— В каком смысле? — Не понял я.

— Думаю, тебе лучше взглянуть самому. — Я встал из-за стола и быстрым шагом вышел на балкон.

За невысоким забором собирались десятки людей. Причём были там не только мужчины, как я ожидал, но и несколько женщин. Сказать наверняка, как они были настроены, было нельзя. Однако, судя по сплошному гомону, можно наверняка утверждать, что они мягко говоря, взволнованы. Я ещё пару мгновений постоял на балконе второго этажа, рассматривая собравшийся так внезапно возле моего дома народ и уже хотел было спуститься к ним и поинтересоваться, что привело их ко мне, как вдруг шум разговоров стал потихоньку стихать. Люди, один за одним, замолкали или по крайней мере переходили на тихий шёпот, указывая в мою сторону и сверля меня сотнями глаз. Через пол минуты установилась окончательная тишина.

— Коль хотите говорить, люди добрые, — Прокричал я, надрывая голос. — То пускай от вас один человек речь держит, да всё, что вы хотели, со мной обговаривает. — Люди с новой силой зашептались. Я выставил им неожиданное условие, однако из своего опыта я знаю, что говорить с толпой чрезвычайно нелегко, а вот с одним представителем этой самой толпы — в разы проще. Через минуту выставили перед толпой невысокого мужичка средних лет. Он вошёл во двор, где я встретил прямо возле калитки, дабы не терять времени. Солдаты тем временем оцепили территорию и невзначай так держали ружья наготове.

Как оказалось, народ собрался не по причине всеобщего недовольства моими действиями, как я сначала подумал. Напротив — люди пришли за помощью. Несколько минут назад из детинца выехал очередной отряд и дружинники принялись за привычный грабёж. Народу за второй стеной почти не осталось, однако те, кто всё же не решился покидать свои дома, сейчас находились под угрозой. Люди, припомнив мне те дни, когда я получил шефство над армией, находящейся в нокдауне и то, как я буквально вывел людей из захлопывающегося капкана, стали просить вновь повести их в бой. И я не мог им отказать.

— Лейтенант, поднимай гвардию, — Скомандовал я Ивану, готовясь к первому серьёзному боестолкновению. — Ширина построения — десять человек. Глубина — три. — Узкие городские улицы просто не позволяли ещё сильнее растянуть построение.

— А ополчение? — Озадаченно спросил лейтенант.

— Они пойдут разрозненным строем в двадцати шагах от гвардейцев. Сотня Григория будет замыкающей. Задача ясна?

— Так точно! — Спешно отчеканил он. — Вопросов не имею.

— Выполнять! — Иван убежал исполнять мои указания, а я остался наедине с представителем от горожан.

— Мы тоже хотим помочь. — Уверенно заявил он. — У многих за второй стеной родня и друзья. Они вельми натерпелись разбоя от Михайловых татей и хотят возмездия. — Мужчина говорил твёрдо и уверенно.

— Спокойно, — Остудил его пыл я. — У вас ещё будет шанс отомстить. А сейчас иди к людям и скажи, чтобы покамест по домам расходились, да к битве готовились. Женщин я воевать не отправлю, но вот мужчины нам не помешают. Только скажи, что каждый при себе должен иметь еды, потому как кормить всех желающих я не смогу. Ещё копье и хоть какой-то щит. Хорошо бы, конечно, и бронь какую, да ещё чего, но ежели копья со щитом не будет, то уж не серчай, не пушу я вас сражаться.

— У меня на складе, — Вклинился в разговор внезапно вышедший из дома Мстислав. — Под сотню самострелов лежит, что должны были в Ригу идти, но из-за Михаила я всё никак не могу корабль отправить.

— Отлично! — Радостно воскликнул я. — Давай на торговый берег. Грузи самострелы на галеру того купца с пушками и на всех вёслах плывите обратно.

— Добре, Саша. — Серьёзно кивнул Мстислав и стремглав устремился к берегу реки Волхов.

— А ты, — Вновь обратился я к Мужу, которого выставили горожане для разговора со мной. — Как я понял, человек не глупый. Чем в городе занимаешься?

— Так ведь, — Он замялся от внезапного вопроса. — Я до всего этого разбоя несколько кузниц имел, одну даже в детинце. Там и оружие и сбрую ковал для полка. Правда, когда всё это началось, я в другой своей кузнице был, за второй стеной. Тогда ко мне один из десятков, что грабить вышли, прискакал, да всё железо вывез. Подчистую. — Мужик грустно опустил взгляд.

— Это ничего, — Я сочувственно положил руку на плечо некогда богатого владельца сети кузниц. — Вот выбьем предателей и тогда наступят для Новгорода светлые времена.

— Надеюсь, Александр. — Поднял он взгляд.

— А сейчас иди и организуй ополчение. Помнишь, да? Копье и щит. — Мы пожали руки и кузнец удалился. Я же седлал коня и, когда настроенные самым радикальным образом горожане разошлись по домам, повёл гвардейцев на улицу.

Моё поместье стояло прямо на той улице, которая вела к воротам второй стены и далее — к главным воротам детинца. Мы без труда прошли стальным маршем до ворот, где нам, опасливо поглядывая на донельзя стройные ряды, ворота открыли ополченцы-горожане. Да уж, если бы Михаил хотел, он легко взял бы под свой контроль весь город. Однако контролировать такое количество людей для людей, численность которых менее тысячи человек, задача, мягко скажем, нетривиальная.

Шагнув за ворота, мы как будто попали в другой мир. Если между первой и второй стеной жизнь была ключом даже в условиях очень ограниченной торговли, то за второй линией крепости мы обнаружили полнейшее запустение. Не было людей, постоянно снующих по улицам. Дым шёл лишь из пары-тройки печных труб, а скотины не было слышно

вовсе. Уже отсюда дальше по относительно прямой улице виднелись массивные красные стены детинца.

Не сбавляя темпа, под барабанный бой, гвардейцы и ополчение из Борок отбивали слитный стальной марш. Я не боялся, что нас заметят. Напротив, я хотел, чтобы первое боестолкновение было как можно более показательным. Возле некоторых дворов недвусмысленно стояло несколько лошадей. Похоже, в них сейчас учиняют разбой над последними горожанами те самые летучие отряды, которые вот уже неделю кошмарят всех жителей между второй стеной и детинцем.

Замедлив шаг своего коня, я приблизился к Григорию, ведущему свою сотню в арьергарде и указал ему на каждую лошадь у двора отправлять в этот самый двор двоих своих воинов. Тот воодушевлённо кивнул и принялся раздавать указания своим подопечным. Вот к небольшому двору, возле которого мирно щипали травку три скакуна направились сразу шесть одетых в кольчуги по колено и вооружённых длинными клинками и небольшими круглыми щитами солдат Григория. Они подошли к калитке, как та открылась и показался бородатый явно не возрасту мужчина лет двадцати пяти в стёганке и с короткой саблей на поясе. Увидел бы такого на улице — обошёл бы стороной, не иначе. Он по инерции хамовато дёрнул головой, спрашивая у названных гостей, чего им надо и, наверняка, выясняя, кто это там барабанить вздумал. Сомнений не было, это — грабитель Михаила. И у ведущего воина, похоже, сомнений также не возникло, потому как он, брезгливо пнул дружинника воеводы, который больше походил на бандита и вихрем влетел во двор. За ним туда ворвалась и остальная штурмовая группа. Сотня Григория не раз упражнялась вместе с гвардейцами, в тренировки которых входил и штурм закрытых помещений, а потому сейчас они напоминали заправских бойцов «S. W. A. T.» из какого-нибудь американского фильма. Настолько организовано и бесцеремонно они врывались во дворы и нещадно крошили в капусту тех, кто совсем недавно ворвался сюда же, но уже чтобы пограбить честных людей.

Тем временем дальше по улице вся поредевшая сотня, вышедшая на очередной рейд, стала спешно собираться в единый кулак, общей численностью около полусотни воинов. Намерения у них были явно недружелюбные. Ну, нам же лучше. Не дожидаясь моей команды, лейтенант отдал команду «Стой» и барабан, отбив мелкую и частую дробь, затих. В наших рядах повисла звенящая тишина. Пол сотни всадников метрах в ста пятидесяти от нас же напротив — пытались всячески подначить себя разного рода криками и улюлюканьем. Тоже мне, лихие казаки.

— Лейтенант. — Окликнул я Ивана. — Дадим полный залп.

— Так точно, командир, — Весело выкрикнул он. — Накормим гадов свинцом! Первая шеренга — Ложись! — Первая линия гвардейцев в одно движение опустилась на колено, а во второе — на живот, приняв боевую готовность. Всё чётко и без лишних движений. — Вторая шеренга — на колено! — Последовала вторая команды и вот уже вторая линия встаёт на колено и берёт ружья на изготовку. Тем временем конница предателей начинает движение в нашу сторону, вальяжно набирая обороты и, по всей видимости, не представляя, какую опасность может нести горстка пехотинцев без брони и с какими-то странными, но отнюдь не угрожающими палками. Лёгкой победы хотят? Ну, мы сейчас посмотрим.

Дистанция примерно сто метров — противник идёт быстрой рысью, обнажая сабли.

— Взвод, готовсь! — Командует лейтенант и второй и третий ряд выставляют штыки вперёд. Три десятка курков одновременно встают на взвод.

Дистанция семьдесят — противник переходит на галоп и ещё громче раздаются лихие

кличи. И как они до сих пор столь архаичной доктриной атаки битвы выигрывали? Или это Михаил понабрал всяких неучей, которые только грабить могут более-менее достойно? Я сумел получше разглядеть противника: кольчуги дай бог у половины, у остальных стёганки, но и те отнюдь не у всех. Щиты, однако у большинства, но качество их, судя по всему, оставляет желать лучшего. В общем, ничего, что могло бы послужить преградой для пятнадцати граммов свинца. Да и идут самые матёрые и хорошо одетые всадники в первых рядах. Глупо, первыми же и полягут.

— Цельсь! — Звучит вторая команда и слитный звук ружей, переходящих в последнюю перед выстрелом стадию заставляет меня поёжится. Я и сам взял своё ружьё без штыка, этакую кавалерийскую версию обычного пехотного, и тоже прицелился, выбрав своей целью одетого в кольчугу воина в первом ряду.

Дистанция шестьдесят. Пока рано. Пятьдесят. Нет, я должен увидеть крошки хлеба в бородах на их жирных мордах. Сорок. Ну, вот теперь можно. Словно прочитав мои мысли, Иван отдаёт излюбленную всеми команду.

— Пли! — Три десятка стволов одновременно изрыгают пламя, дым и смертоносный свинец. Если бы я не сидел на лошади, то облако дыма надолго заволокло бы мне обзор. Однако тот дым, что появился после моего выстрела, рассеялся довольно быстро и я увидел результат залпа. Как там, в Лермонтов писал? «Смешались в кучу кони, люди...» У нас тут конечно, не Бородино, но тоже неплохо. На узкой улице упавшие замертво лошади стали преграждать путь тем, что на полном скаку шли за ними, из-за чего те стали спотыкаться и хороня под своими тушами своих же всадников. Другие же скакуны, не получившие пулю в грудь, стали повально артачиться и тормозить. Всадники уводили их от столкновения с трупами других лошадей и упорно вели на нас, хотя на их лицах уже не было ни тени былой уверенности. Не было и лихих кличей. Их сменили стоны и крики боли.

— В штыки! — Крикнул лейтенант. Первые два ряда встали на ноги и выставили ружья вперёд. Невозмутимо. Чётко и слаженно. Как будто не лежали в полусотне шагах от них десятки людей и лошадей, истекая кровью в своей, наверняка, последней агонии. — Шагом, марш! — Взвод невозмутимо зашагал вперёд, а барабан застучал, помогая бойцам взять ритм стального марша. Они уверенной поступью шли вперёд. Некоторые всадники, развернув лошадей, дали дёру, но пара десятков всё же отважно двинулись вперёд, уже не успевая перейти на галоп. Они пытались рубить гвардейцев саблями, но те были слишком коротки. Штыки бойцов были длиннее и они хладнокровно вонзали их в предателей-грабителей, стаскивая их с лошадей и, перешагнув через раненных, оставив их для тылов, продолжали отбивать чёткий марш, раз за разом ударяя штыком в единичные очаги сопротивления. Первый реальный бой с ружьями, очевидно, был разгромно выигран.

Когда всё закончилось, я обратился к своим солдатам с речью. Сидя в седле, я, на волне эмоций и адреналина, вероятно, был похож на Ленина, когда тот говорил со своего броневика о свершившейся революции. А возможно, я был даже более эмоционален.

— Сегодня предатели лишились почти сотни своих бойцов. — Я указал на сложенные в кучу трупы в одном исподнем. — Сегодня мы начнём излечивать город от зловерной опухоли, что вылезла прямо в его сердце. — Указал я в сторону детинца. — За свободу и правду!

— За свободу и правду! — Также искренне кричали мне сто пятьдесят глоток, вздымая вверх свои ружья.

— За веру и честь! — Продолжил я.

— За веру и честь! — Последовал мне ответ.

— За наше отечество, братцы! Ура!

— Ур-р-а-а! — Казалось, что эхом кричат даже улицы. Будто бы весь город, всем своим существом, поддержал наше дело. Дело революции. Революции не красной и кровавой, а светлой и праведной. Провозглашающей справедливость и человеческую свободу.

Глава 20. «Кошки-мышки»

Сразу после разгрома отряда грабителей-предателей мы стали приготавливаться к долгой осаде. И гвардейцы, и моё «рабочее ополчение» и даже сотня Григория привычным образом, отведя в сторону лошадей, везущих повозки со всем походным и не очень барахлом, выставляли телеги полукругом в сторону стен детинца, чтобы те, в случае чего, играли роль укрытия и преграды для неприятеля. Внутри же импровизированной крепости из повозок стали размещать палатки, разводить костры (по одному на десяток человек) и заниматься привычным походным бытом. Сначала я подумывал отдать приказ заселять многочисленные пустующие дома, однако быстро отмёл эту идею. Сейчас нам больше всего важна организация и мобильность. А если все расселяться по избам, то в случае чрезвычайной ситуации те мгновения, что солдаты потратят на сбор, могут стать фатальными для всех нас и поставить под угрозу всю операцию. Так что только классический походный лагерь! Дёшево, сердито, но зато невероятно эффективно в наших условиях.

Всего у противника, если он вдруг поверит в себя, есть два варианта для атаки: напрямую из ворот, попадая под множественный обстрел или, обойдя стену из повозок, дворами зайти к нам в тыл. В обоих случаях противник вынужден будет спешиваться, потому как ни через телеги, ни через дворы и узкие проулки конница не пройдёт. Только в первом случае враг попадёт под множество залпов, а во втором рассеет свои силы, что многократно облегчит нам задачу. В общем, если воевода решится на атаку, я окончательно разочаруюсь в нём, как в толковом командире. Конечно, лихости ему не занимать, но вот сухого стратегического расчёта я от него пока не видел ни разу.

Наш лагерь упирается в жилые дома с обоих флангов. Между стенами детинца и «крепостью» из телег примерно метров сто пятьдесят, не больше. На такую дистанцию без проблем бьют арбалеты, что производятся на мануфактуре. А вот не особо технологичные луки, которыми были вооружены воины полка предателей едва ли могли хотя бы приблизиться к этой дистанции. А уж о прицельной стрельбе на такое расстояние говорить совершенно точно не приходится. По левому флангу от нас, примерно в сотне метров, протекала река Волхов. Наверное, забравшись на какую-нибудь возвышенность, отсюда даже можно увидеть те самые два корабля, которые причалили к противоположному берегу. Однако сейчас обзор закрывали многочисленные дома, большинство из которых были совсем недавно покинуты местными жителями, которых то и дело донимали набеги грабителей Михаила. Если же взглянуть направо, то можно заметить одни из двух ворот, ведущих в детинец. Одни находятся прямо рядом с мостом через реку, а вторые с другой стороны крепости, сверху напоминающей окружность. По фронту же, за рвом с водой, высились красные неприступные стены.

Отряды налётчиков, один из которых был почти полностью уничтожен пол часа назад, в основном обходились без кровопролития, лишь забирая всё под чистую зерно, драгоценности и немногочисленный скот, который за второй стеной можно было встретить нечасто. Однако иногда всё же горожане оказывали сопротивление, на что настойчивые предатели без тени сомнения отвечали, хладнокровно наказывая тех, кто посмел не повиноваться.

— Интересно, — Задумчиво протянул Генрих, когда мы осматривали выросший на пустом месте палаточный лагерь. Он бесцеремонно осматривал всё, что вызывало у него

интерес. Начиная от палаток, выстроенных строго по подразделениям в прямые линии, описывая причудливые кварталы, заканчивая посудой, из которой посменно ела моя небольшая армия. Осматривал отдельные шатры, где под строгой охраной хранился бесценный порох и не менее бесценное зерно. Со всех сторон осмотрел пусковые установки, которые, выгрузив, установили ожидать своего часа под навес. После чего он лишь задорно сверкнул своими зелёными глазами и как-то удивлённо цокнул языком, прислонившись к стене повозок и уставившись в сторону детинца.

— Что скажете, герр Майер? — Улыбнувшись, спросил я.

— Всё это так, — Он вздохнул, оглядываясь по сторонам. — Так необычно. Строго организовано, всё на своём месте. Конечно, твоя гвардия и раньше всё делала с завидной чёткостью, но селяне... Ты и их обучил. — Восхищённо произнёс он.

— Да, Генрих. Я считаю, что так и должна выглядеть армия.

— Это очень... — Он в очередной раз задумался. — Как-то очень не по-русски. — Хохотнул он. — Вся эта чистота, чёткость.

— Эх, дружище, если бы вся Россия жила вот так, весь мир говорил бы по-русски. — Усмехнулся я. Майер в очередной раз с опаской посмотрел на детинец.

— Господи, как же такую махину штурмовать то? — Рассеяно спросил он.

— А мы и не будем его штурмовать. — Одними губами улыбнулся я, положив руку ему на плечо.

— Тогда как? — Спросил он. — Возьмём измором? — В голосе Генриха энтузиазм боролся с искренним непониманием.

— Идей предостаточно. — Протянул я, бросив взгляд на пусковые установки, фугасные и зажигательные ракеты к ним и сложенный в собственную корзину воздушный шар. — В конце концов по ту сторону стен в большинстве своём мародёры и грабители. От бывшего полка почти ничего не осталось.

— Неужели? — С сомнением произнёс он.

— Михаил долго работал над тем, чтобы построить полностью лояльный себе состав. Жертвовал опытными воинами, набирал откровенных бандюганов, ради наживы готовых продать душу дьяволу. Григорий рассказал много интересного. Как воевода копал под самых упорных сотников, обвиняя их в измене, как вовсе не церемонился с десятниками.

— Это так подло. — Вдруг заметил Генрих.

— Кому война, а кому мать родна. — Печально вздохнул я. — Что-то меняется, но что-то остаётся прежним. Границы меняются, но чёртова власть место себе всегда найдёт. Ясно одно — по ту сторону стен в среди командиров вряд-ли много действительно честных людей. А если такие и были, они уже либо сидят в темнице, либо... — Я печально вздохнул.

— Но это же не значит, что воевать они вовсе не умеют. — Заметил Генрих.

— Кой-как умеют, конечно, — Согласился я. — Но всё же ими движет жажда наживы. Они хотят хорошо жить, а смерти многие из них боятся.

— Значит, просто тати? — Усмехнулся Генрих и уже без толики страха посмотрел на детинец.

— Посуди сам: они вынесли из домов горожан все, что посчитали нужным. Сначала просто хлеб брали, а потом стали наглеть. Уводили лошадей, скот, набирали посуду и серебро. И кстати, ты заметил, что на улицах больше никто не лает?

Интерлюдия. Михаил.

Воевода Михаил стоял в башне детинца и наблюдал за тем, как в двух сотнях шагов,

буквально на ровном месте, с невероятной скоростью встаёт лагерь. В изрядно поредевшем за последний день полку обстановка с каждой минутой всё больше накалялась. Из полноценной сотни человек, под командованием двух сотников, отправленных в город за добычей, от всего отряда вернулось лишь девять подранков. Но и они все поголовно были побиты, а двое, скорее всего, не доживут до следующего дня. Те же, кто был в сознании, запинаясь, говорили о страшном враге, который чёрной стеной буквально раздавил конницу слитными залпами ручных пушек. Когда же дело наконец дошло до рукопашной, у отряда не было ни шанса. Короткие сабли едва доставали до пехотинцев, умело орудующих необычными копьями.

Воевода и сам стал свидетелем разгромного поражения своих людей. Но, что самое главное, он почти наверняка догадывался и о том, кто привёл сюда всю эту ораву, что сейчас возводила лагерь чуть ли не под стенами детинца. Ему частенько доносили, что Григорий уж очень часто стал выезжать всей своей сотней из Новгорода в вотчину Александра в десяти верстах от города. Того самого Александра, что во время похода взял на себя шефство над армией и вывел её из шведских клещей, пока сам Михаил лежал с тяжёлыми ранами. Того самого, о котором всё чаще Михаил слышал очень необычные вещи. По началу он, конечно, не верил всем этим рассказам, но когда в кабаке по десять раз на дню обсуждают большую кузницу, на которой несколько сот крестьян по найму работают да своему владельцу огромную прибыль приносят, тогда даже самый недоверчивый задумается.

Михаил нервничал. Если каких-то три десятка пехотинцев, пусть даже с ручными пушками, обратили в бегство и почти полностью уничтожили полновесную сотню всадников, то что следует ожидать от трёх сотен таких вот, одетых в тёмные рубахи воинов? А в том, что противостоят ему именно опытные воины, воевода не сомневался. Да и выжившие описывали ему одетых в чёрное солдат исключительно как матёрых вояк, три аршина в высоту и два в ширину. Михаил больше склонялся именно к этому варианту, потому как тот, что доносили ему соглядатаи за Григорием, принимать вовсе не хотелось. Ну не может же сотня конников бежать, поджав хвост, от горстки отроков? Это наверняка какие-то иноземные наёмники. Вот только откуда у Александра деньги на несколько сотен бравых вояк?

Переживал воевода ещё и потому, что в детинце сейчас оставалось лишь четыре сотни человек, способных держать оружие и при этом верных ему. Семь десятков увёл с собой Григорий, а ещё сотня сейчас сидела в темнице, потому как не решилась перейти на сторону Михаила с самого начала. Большая же часть лошадей воинов полка были разбросаны по городу и сёлам, которые им принадлежат. Да и содержать столько лошадей в условиях осады было бы непросто.

— Михаил Иваныч, — Прервал размышления воеводы внезапно вошедший сотник. Михаил бросил на него раздражённый взгляд. Тот самый хромой пьянчуга со шрамом на лице, которого Михаил поставил вместо действительно толкового воина. На нём даже шлем смотрелся как нечто неуместное. Однако воевода лишь немного жалел о том, что ему пришлось избавиться от опытного вояки, ведь его место занял более лояльный ему человек. Хоть и без опыта.

— Что? — Глухо отозвался воевода.

— Что с этими делать будем? — Робя, спросил он, взглянув на лагерь и шмыгнув носом.

— Сколько у нас коней?

— Сто тридцать две, — Задумавшись, отозвался он. Михаил же продолжал наблюдать за лагерем. Там началась какая-то необычная суэта, которая, впрочем, даже завороживала, потому как была вовсе не суматохой, а действием единого механизма. Уже через три минуты перед линией телег, выставленных перед лагерем, выстроились в три линии, растянувшись на добрые семь десятков шагов, если не больше того. Весь строй, за исключением центра, походил на сплошную серую стену. В центре же от чего-то воины были одеты исключительно в чёрное и лишь стальные шлемы блестели на весеннем солнце. Барабанный бой вдруг прекратился и вперёд выехало несколько конников, на первый взгляд безоружных, лишь с белым флагом на длинном древке.

— Чего это они? — Завороженно произнёс сотник.

— Переговоры хотят, — Сквозь зубы процедил Воевода, до бела сжав морщинистые кулаки. — Поднимай самых бравых в седло! Готовьтесь к бою.

Интерлюдия. Александр.

Этот манёвр я планировал ещё до того, как мы стали обустривать лагерь. И все бойцы были к нему так или иначе готовы. Само собой, в мои планы не входило о чём-то договариваться с предателями. Я лишь хотел спровоцировать Михаила на атаку, потому как он, на моей памяти, никогда не отличался стратегической выдержкой. Рваться в бой и вести за собой людей — вот что у него отлично получалось.

В последний раз ударили барабаны и кругом воцарилась тишина. Мы с Генрихом, Григорием и десятью отборными воинами из его сотни остановились в нескольких десятках шагов от строя, держащих ружья на изготовку. Достаточно отдать единственную команду и вся эта орава в мгновение ока скроется за стеной из повозок и после приготовится к стрельбе. Можно было, конечно, изначально оставить всех солдат за телегами, однако тогда воевода мог и не провестись. Сейчас же прямо у него под носом я развернул все свои силы, а сам, выехав вперёд с небольшим охранением, подставился под удар. Тут даже если Михаил заробеет, то его лихие сотники сами выйдут за стены, где мы перестреляем их, как кроликов.

Мы ждали уже, пожалуй, точно больше пять минут, как вдруг слева, у ворот, ведущих к переправе, показалось какое-то движение. Странно, я почему-то был уверен, что противник пойдёт из главных ворот справа. Вскоре створки ворот распахнулись и, переправившись через ров под стенами, из детинца выкатилось порядка полутора сотни всадников. Много. Чертовски много. Но в крепости наверняка ещё столько же, если не больше. Я поднял левую ладонь над головой. Сейчас уже и дураку очевидно, что никаких переговоров ждать не стоит. Порывистый ветер шумно всколыхнул белую тряпку на копье, поднятую вверх, а со стороны противника послышался голос рожка к атаке. Перед нами в землю со свистом вонзилось несколько стрел, выпущенных со стены. Все рефлекторно прикрылись щитами.

— Григорий, ты со мной и Генрихом уходишь вправо, твои люди — налево. — Не сводя глаз с набирающих скорость всадников начал я.

— Понял, — Привычно отозвался он. Я же сжал кулак до того поднятой ладони, отдавая команду пехоте. Сто пятьдесят стрелков в одно движение повернулись кругом и организованно двинулись к стене из повозок. Наша делегация-приманка же в едином порыве, срывая на галоп, устремилась туда же.

План удался. Сейчас набегающую волну, в три раза превышающую ту, что мы разбили на узкой улице, способна остановить лишь мощная пощёчина, отрезвляющая ум и сбивающая всю спесь лихих предателей. Когда до телег, за которыми уже заняли позицию рота ополченцев и взвод гвардейцев оставалось всего ничего, я мельком обернулся, оценивая

обстановку. Что-то неестественное бросилось в глаза в направлении реки, но обращать на это внимания просто не было времени. Дистанция между нами и преследованием неумолимо сокращалась и сейчас нас разделяло чуть более пятидесяти метров.

— Давай! — Крикнул я, натянув поводья в правую сторону. Сотник и Майер сделали тоже самое. Конь нехотя стал поворачивать, замедляя ход. Десять воинов же синхронно и без проблем ушли влево. Мы ушли с линии огня и теперь дело оставалось за стрелками, что наверняка уже выбрали себе цели среди бегущих быстрой рысью врагов. До меня эхом донеслась команда «Пли!», после чего, под слитный грохот, стена повозок окрасилась густым дымом, который довольно быстро рассеивался благодаря налетевшему ветру.

Примерно треть врагов так или иначе выбыло из строя. Кто-то получил пулю, под кем-то завалилась лошадь, а чей-то скакун просто споткнулся о труп впереди идущего, но упавшего, выхватив свои десять граммов свинца. Началась короткая давка, напоминающая ту, что буквально час назад я видел на улице. Только сейчас она была раза в три масштабнее. Спустя пятнадцать секунд, которые тянулись неумолимо долго, поредевший отряд собрался для нового удара. Довольно быстро для простых пьяниц и бандитов. Однако ружья уже почти были готовы к новому залпу. Но вдруг три громких хлопка раздались с другой стороны, с реки. Я обернулся, уже думая, как бы устранить новую угрозу, однако там, у берега, весело помахивала вёслами галера с флагом Ганзейского союза, а её нос был заволочен плотным дымом выстрелов. «Чертовски вовремя, Мстислав!» воскликнул про себя я. Однако куда же они стреляли? Я проследил за примерной траекторией полёта ядер и, в очередной раз восхвалив Мстислава, чуть было не подпрыгнул в седле. Они стреляли по переправе через ров! И теперь у противника остаётся лишь один путь к отступлению — через главные ворота. И вот уже звучит второй залп, в очередной раз пугающий лошадей и прорежающий ряды врага.

Проехав дворами, я оказался за стеной телег. Противник, к тому моменту лишившись половины личного состава, стал отступать обратно к воротам. Вот только переправа через ров была уничтожена. Но они-то этого не знали. А потому рванули туда, где их встретил шквальный огонь из арбалетов с борта корабля, который оставил под стенами детинца ещё добрый десяток конников.

Поняв свою ошибку, уже не внушающий страха отряд повернул назад и, прижимаясь вплотную ко рву, пытаюсь не попасть под очередной шквал свинца, двинулся к главным воротам. Однако они не знали, что ружьё — это не лук и даже не арбалет. Из него можно выстрелить куда дальше. А дистанция в каких-то сто пятьдесят метров хоть и исключала прицельную стрельбу, однако давала возможность вести огонь по площади. Тем более что плотно идущий, пусть и поредевший, отряд всадников всё ещё был весьма крупной целью. Третий залп вновь находит своих жертв. В основном падали невинные лошади, которых, безусловно, было жалко. Но всё же это война и здесь по-другому никак.

Дистанция до главных ворот так удобно составляла удобные двести шагов, что я просто не мог не подготовить на всякий случай пусковые установки, примерная максимальная дальность которых составляла как раз такое расстояние. В две установки обученные работе с ними ученики Жака зарядили по пять фугасных ракет и направили наши кустарные «грады» в сторону главных ворот. Всего десять из двадцати фугасных, то бишь разрывных, ракет, было подготовлено к пуску. Можно было, конечно, зарядить и в одну установку все десять ракет, однако в данной ситуации нам нужно как можно сильнее увеличить плотность огня.

Я подождал, пока между линией примерного обстрела и отступающими остатками

отряда предателей, от которого осталось не больше пятидесяти человек, не останется примерно двух десятков метров. Ведь ракетам нужно ещё время на полёт. Вот начали открываться главные ворота. Пора. Я махнул рукой и расчёты установок спешно подпалили заряды. Ракеты стали со свистом улетать в сторону врага, оставляя за собой след густого дыма. Секунды мучительно тянулись. Само время как будто замедлило свой ход в томительном ожидании полёта снарядов.

И вот, наконец-то ракеты стали тяжёлыми железными наконечниками вонзаться в землю, а иногда и вовсе попадая во всадников, чей строй окончательно рассыпался. Спустя мгновение заряды стали поочерёдно взрываться, неся вокруг смерть взрывными волнами и многочисленными осколками, от которых не спасала ни кольчуга, ни тем более стёганки. На врага как будто действительно обрушился смертоносный град. Лошади, которым повезло не поймать пулю или осколок, окончательно стали сходить с ума и, не обращая внимания на всадников, стали разбегаться в стороны. Лишь немногие смогли прорваться в крепость. Остальные же устремились по улицам города, скрываясь во дворах.

Поравнявшись со мной, Григорий вопросительно взглянул на меня.

— Действуйте, капитан, — Кивнул я ему, наслаждаясь едким запахом сгоревшего пороха. — Предатели не заслужили плена.

Глава 21. «Капитуляция»

Ночь с 23 на 24 апреля.

Михаил собрал всех сотников для того, чтобы решить, что делать дальше. Он долго ходил по комнате, где в траурном ожидании, приуныв, сидели все пять оставшихся сотников и несколько самых влиятельных десятников. Когда воевода наконец остановился и оглядел тяжёлым взглядом своих подчинённых, казалось, что в тишине даже послышалось робкое трепыхание тусклых свечей.

— Ну, — Надменно буркнул он. — Есть у кого мысли здравые? — Его голос эхом прокатился по залу. Большинство подопечных сидели, опустив головы.

— Сдавать надо крепость, — Вдруг без доли страха протянул один из сотников, стрельнув взглядом в сторону воеводы.

— Ты что ж такое несёшь, ирод? — Сквозь зубы проговорил Михаил. — Ежели сам круль свейский нам свою опеку предлагает, то как можем мы... — Его речь прервал удар по столу того самого сотника, который вынес смелое, хоть и витавшее до того в воздухе предложение. Этот сотник — один из немногих, кого Михаил не стал заменять, как только началась вся эта суматоха. Он ходил с ним осенью в поход, да и до того Михаил хорошо его знал. Жажущий наживы, жестокий и беспринципный. Именно такой человек был нужен воеводе и именно таких он продвигал вместо старых вояк.

— Вот, полюбуйся! — Он передвинул руку, которой ударил по столу к центру и, убрав её, явил всем небольшой круглый металлический шарик. — Мой племяш пошёл в атаку, как ты и сказал, на тех селян с палками. А вернулось лишь его тело, которое навсегда покинула душа. А это, — Он кивнул в сторону того самого шарика. — Лекарь вытащил из его груди. Говорит, ежели б не кольчуга, то и вовсе насквозь бы пробило! — Все с интересом уставились на свинцовую пулю, потерявшую былую форму после столкновения с кольчугой. Сотники и десятники оживились и зашептались, всё чаще недобро поглядывая на воеводу.

— За стенами они нас не достанут, — Уже спокойно сказал воевода. Еды на седмицу хватит, а там, глядишь, и круль свейский со своей армией подойдёт.

— Подойдёт ли? — Усомнился кто-то. Михаил хотел было уже ответить и даже набрал воздуха в грудь, как вдруг по крыше что-то несильно, но звонко ударило несколько раз. Все разом затихли и, переглянувшись, устремились на улицу посмотреть, что происходит.

Михаил в числе первых вышел во двор детинца. После тусклого света в избе глаза не сразу привыкли к ночному мраку, однако вскоре взгляд сфокусировался. Сначала он не мог понять, что происходит. Вот вроде обычная ночь, лишь облака в лунном свете простираются довольно близко к земле. Но вскоре до него дошло, что буквально с неба сыпятся мелкие камни с привязанными к ним бумажными трубками. Тот самый сотник подобрал одну такую бумагу и, развернув её, стал вчитываться в текст в ночном полумраке.

— Да уж, такого дождя я отродясь не видел. — Усмехнувшись, буркнул он и протянул Михаилу бумагу. Он также вчитался в текст, однако разобрал лишь пару слов про «воинов» «страх» и «милосердие», как вдруг его за плечо одёрнул сотник.

— Матерь божья, — На вздохе произнёс он. Его глаза округлились то ли от ужаса, то ли от удивления. Михаил уже хотел отчитать его за излишние эмоции, но рефлекторно глянул туда, куда он показывает и также застыл на месте: вынырнув из облаков и удаляясь от крепости, к земле плавно спускалось нечто. Судя по тёмным очертаниям, воевода мог лишь

предположить, что скрывается за квадратной формы очертанием, в котором проглядывались два человеческих силуэта и большим кругом, который сверху был множеством то ли верёвок, то ли палок совмещён с тем самым квадратом. В общем, было это нечто непонятное и пугающее. Однако можно было сказать наверняка, что это нечто и сбросило на их головы эти послания.

Интерлюдия. Александр.

Удачный ветер плавно пронёс воздушный шар прямо над крепостью. Сегодняшней ночью сложились многие факторы, которые и позволили нам совершить, наверное, первую в истории воздушную бомбардировку. Правда, не бомбами, а силой, которая способна ударить и пострашнее — предложениями к капитуляции. Ведь если скидывать на головы противника нечто более убойное, могут возникнуть проблемы. Во-первых, зачем мне разрушения в крепости, которую я хочу взять под контроль? Во-вторых, подобная ночная атака хоть наверняка и напугает защитников детинца, однако агитация в этом плане куда эффективнее. Теперь они знают, что каменные стены — не такая уж и весомая преграда и в следующий раз на их головы может упасть не пол сотни камешков с бумажками, а добрый десяток зажигательных бомб, которые наверняка нанесут огромный ущерб строениям внутри, потому как почти все они деревянные. Благо, создание зажигательных бомб для меня не является большой проблемой. И всё же разрушенная крепость мне, пожалуй, не нужна.

Мы с Генрихом пролетели ещё пару сотен метров и, сбросив импровизированный якорь в большой двор, стали снижаться.

— Саша, этот шар! Это же просто невероятно! — Он, задыхаясь от бури эмоций, чередовал русские выражения восхищения с немецкими, просто не находя слов, чтобы выразить свой восторг. — Сколько же пользы могут принести такие шары на войне!

— Да, друг мой, я с тобой абсолютно солидарен, — Усмехнулся я. — Вот только это отнюдь не дешёвое удовольствие.

Я окончательно перекрыл печи доступ к кислороду, от чего огонь в ней тут же стал задыхаться и мы в быстром темпе стали снижаться. Наконец дощатая корзина глухо ударилась о землю, приземлившись посреди обширного двора одного из горожан. С веранды на меня испуганно глядели две пары мужских глаз, спрятавшись и выглядывая, стараясь остаться незамеченными. Я откинул аппарель корзины и уверенно шагнул на сырую землю, стрельнув глазами в сторону испуганных горожан, которые тут же нырнули обратно в своё укрытие.

Как ни в чём не бывало, мы с Генрихом вышли за калитку на улицу. К нам уже мчался небольшой отряд из сотни Григория и ещё пол дюжины гвардейцев с повозкой, дабы забрать воздушный шар обратно в лагерь. Я лихо вскочил на услужливо подведённого мне коня и, легко и беззлобно ударив того в бока, по ночным улочкам направился в сторону огней осадного лагеря с другой стороны крепостных стен.

Интерлюдия. Михаил.

Этой ночью воевода смог уснуть лишь перед самым рассветом, да и то ненадолго. Стоило солнцу выглянуть из-за горизонта и осветить будто бы вымерший город между второй стеной и детинцем, как в его комнату настойчиво постучали.

— Кто? — Раздражённый гаркнул воевода.

— Михал Иваныч, тебе на сие взглянуть нужно! — Настойчивым, но дрожащим голосом отозвался нарушитель спокойствия. Михаил вспомнил вчерашнюю ночь. Он несколько раз перечитал то послание и, наверное, сотню раз пытался вспомнить силуэт необычной

шпуковины, что сбросило эти самые послания им на головы. В тексте же сообщений, который на всех листах был одинаковый, говорилось многое. Но главным образом о том, что: «полку даётся время до первого луча солнца. После же сего момента, ежели осаждённые не одумаются и не сдадутся на милость горожан Новгородских, да оставшиеся целые ворота не отворят, то худо будет всем защитникам, кто до конца стоять думал под властью предателя-воеводы.» Михаил, конечно, такого не потерпел и распорядился все послания собрать и сжечь. Но как же их все соберешь, когда их, почитай, что сотню по всей крепости разбросано?

Уже через пять минут Михаил стоял на стене и, так же как и многие другие собравшиеся воины, пристально вглядывался в сторону лагеря, вставшего им костью в горле. После вчерашней вылазки, которая окончилась полным провалом, воевода долго наблюдал за лагерем, который с каждым часом разрастался и грозился вскоре полностью закрыть кольцо вокруг детинца. Если с утра у осаждающих было около двух сотен человек, то сейчас их число наверняка приближалось к полноценной тысяче разномастных воинов. Это, а также то, что в конюшнях осталось лишь пол дюжины дохленьких лошадок, вынуждало Михаила окончательно забыть об атаке и полностью сконцентрироваться на защите стен, которые играют роль последней преграды между поредевшим и приунывшим в последние дни полком и непобедимых пока воинов с ручными пушками.

Между тем в лагере началась вялая суета, которую можно было бы легко спутать с обычным утренним бытом. Однако намётанный глаз Михаила уловил нездоровую активность возле трёх пушек, которые выглядывали чернотой стволов из-за стены телег, выстроенной перед лагерем. Вдруг утреннюю тишину буквально разорвало тремя выстрелами. Все наблюдатели прильнули к стенам, прячась от огня пушек. Все, кроме Михаила. Он продолжал пристально наблюдать.

Погода стояла безветренная, а потому дым от выстрелов настойчиво не хотел уходить. Все ожидали, что сейчас три ядра врежутся с хрустом в каменную стену или, по крайней мере, со свистом пролетят над головами, однако ничего такого не последовало.

— Чего это? — Заикаясь, спросил рядом стоящий воин, робко выглядывая из-за стены.

— Пустыми выстрелами били, — задумчиво буркнул воевода, не спуская глаз с облака дыма, которое никак не хотело развиваться. Однако вскоре из него показалось сначала одно только очертание повозки, а после и она сама. Это была не обычная телега: обвешанная большими прямоугольными щитами спереди и с боков, она двигалась не лошадью, а людьми, толкающими её сзади. В самой же повозке тоже что-то находилось, однако что именно, воевода понять не мог. Впрочем, это не помешало ему почувствовать неладное. В последние дни слишком много сюрпризов обрушилось на него, а потому было бы сущей глупостью не обратить внимания на подобную выходку Александра.

— Бейте по телеге изо всех луков! Горящими стрелами! — Резво скомандовал он и сам потянулся к своему луку, вынимая из рядом стоящей стойки со стрелами один из оперённых снарядов для своего оружия. Обмотав тряпицей древко стрелы у наконечника и, поднеся его к факелу, выпустил стрелу в сторону телеги. Остальные воины, пусть и с недоверием, последовали его примеру.

Вдруг, проехав около трёх десятков шагов, повозка остановилась, а в ней, за щитами, закрывающими от стрел людей в телеге, началось какое-то движение. Воины продолжали поливать укреплённую повозку огненными стрелами. Внезапно со стороны телеги раздался резкий треск и что-то, мелькая огненным хвостом, полетело в сторону крепости. Такое же

«нечто» осыпалось градом на остатки конницы вчерашним днём, только тогда за раз вылетело около десятка таких же непонятных снарядов.

Сейчас же, мир словно остановился или, как минимум, замедлился и Михаил с удивлением наблюдал, как буквально в паре метрах над их головами пролетает продолговатая трубка, уже где-то потерявшая свой огненный хвост, однако надменно подмигивающая массивным керамическим наконечником. Она пролетела ещё пару десятков шагов и ударившись о соломенную крышу одного из домов, где расселились спящие воины, вдруг резко вспыхнула синеватым пламенем, которое в мгновение ока охватило всю крышу и быстро начало спускаться к основанию избы. Все воины, до того увлечённо выпускавшие стрелу за стрелой в сторону обнаглевших осаждающих, с ужасом наблюдали, как огонь охватывает здание и как из него выбегают люди, зачастую с ног до головы охваченные огнём и падают на сырую землю, пытаясь сбить пламя, но лишь продлевают свои мучения, потому как все, кто мог бы им помочь, сейчас стараются не допустить распространения пожара на другие дома.

Михаил первым пришёл в себя.

— Ну, чего встали, остолопы? — Озлобленно гаркнул он. — Продолжайте стрелять!

Но воины уже смотрели на него иначе. Вовсе без уважения или страха. Без взгляда подчинённых, а совсем по-другому. Как-то по-волчьи: бесчеловечно и холодно. Вот один из воинов бросил свой лук на дощатый пол крепостной стены и надменно уставился на воеводу, вот тоже самое сделал второй, третий, пятый воин некогда преданного Михаилу полка...

Интерлюдия. Александр.

Как только я, скрипя сердцем, проводил взглядом первую зажигательную ракету, а та в свою очередь скрылась за крепостной стеной, едва её не задев, стрелы перестали бить по щитам на телеге. Гвардейцы у пусковой установки вопросительно взглянули на меня. Первый выстрел был пристрелочным и, так удачно, точным. В детинце явно вспыхнул пожар, о чём известил столб густого дыма, мерно тянущийся к небу.

— Командуй движение вперёд, — Спокойной проговорил я, после чего рядовой гвардеец двумя флажками отсемафорил полученную команду. Поездка-танк на человеческой тяге продвинулась ещё шагов на десять. Всё, теперь при обстреле все ракеты попадут за стены.

Я стоял, в нерешительности. С одной стороны, конечно, нужно выполнять свои угрозы и отстрелять весь боекомплект. Вот только в таком случае я спалю, наверное, к чертям собачим все здания за стеной, которые, в большинстве своём, были построены из невероятно горючих материалов. Я выждал ещё с пол минуты. Ни одна стрела так и не прилетела в нашу сторону, хотя до первого пуска каждые пол секунды то и дело раздавался стук наконечников о деревянные щиты. «Ну, наверное пора» — Тяжело вздохнув, подумал я.

— Беглый огонь, — Стараясь оттянуть момент, сказал я. Гвардеец спешно подал флажками соответствующий сигнал «ракетчикам».

— Всем боекомплект. — Испуганно глянув на меня, сигнальщик передал указание. Едва получив сигнал, гвардейцы споро принялись соединять цепочкой фитилей все заряды ракет. Ещё через пол минуты батарея доложила о своей готовности открыть огонь.

— Внимание. — Семафорист поднимает обе руки, извещая о скором залпе. — Готовься. — Левая рука сигнальщика опускается. Сейчас я отдам команду «огонь», он опустит правую руку и на крепость обрушатся все девятнадцать ракет из двух пусковых установок, почти наверняка, превратив огромную его часть в кострище.

Я уже набрал воздуха в грудь, готовясь отдать команду, как вдруг заметил что-то, выбивающееся из общей картины. Какое-то, едва уловимое, движение на стене, которое с трудом можно различить на утреннем пейзаже. Но я его заметил и помедлил с командой.

— Отставить, — Спешно прокричал я и гвардеец поднял левую руку, извещая об отмене обстрела. Я подбежал к стене повозок и снова всмотрелся в движение на стене. Робко выглядывая из бойницы, на лёгком утреннем ветерку развевалась белая тряпица. Почти тут же показал вторая такая же, а чуть позже — множество других. Тут я заметил какое-то движение прямо на башне. Человек, с такого расстояния казавшийся совсем маленьким, бесстрашно и лихо взобрался на самую верхушку башни и, выбросив с неё до того развевавшийся там флаг с витиеватым узором, стал размахивать белоснежным знаменем.

Ещё через пару минут, когда всеобщее ликование охватило сначала мой, а потом и соседние осадные лагеря, образованные ополченцами из города и немногочисленными наёмниками, пришедшими на галере с пушками и Мстиславом, единственные оставшиеся ворота в город стали медленно открываться. И вот, очень скоро, перед воротами неприступного детинца столпились несколько сотен его защитников. Безоружные, они вышли из крепости, надеясь на моё обещанное милосердие.

Само собой, я не собирался нарушать данных обещаний. И хотя защитник и малость опоздали со сдачей детинца и приняли решение о капитуляции лишь после начала обстрела, эта победа так меня порадовала, что я не стал атаковать безоружных, сдающихся на милость победителям, побеждённых. Все двести восемьдесят четыре человека, что вышли из детинца, были заключены под временную стражу в темницу крепости, а охранять их так символично стали те, кто в этой самой темнице до этого сидел. То есть та часть полка, которую Михаил ещё не успел перестроить на свой лад.

Что же до самого предателя воеводы, то его, как их оставшихся в живых сотников-предателей ждала самая неприглядная, зато весьма быстрая участь. Народ тому противиться не стал, скорее даже напротив, было много желающих собственноручно оборвать жизни предателей. Однако такого я всё же людям не позволил. Сразу после того, как наше объединённое войско вошло в город, у ближайшей крепостной стены были выстроены сотники и воевода. Приговор был приведён в исполнение на глазах у удовлетворённой толпы.

Оставался вопрос: что делать с пленными? С одной стороны, почти все они — отнюдь не опытные воины, набранные по кабакам и бандам, но с другой — ценный людской ресурс, который можно использовать на благо города. И идея буквально влетела в мою голову в процессе размышлений. Всех пленников собрали на площади, где некогда проходило вече. По периметру выстроились гвардейцы и ополчение из Борок, направив штыки в сторону пленных. Сейчас, без оружия и снаряжения, все они напоминали скорее бедных крестьян, чем воинов полка. Хотя это, наверное, от части правда. Всё же как таковых воинов среди них не было.

— Многие горожане и честные люди желают вашей смерти, — Начал я свою речь с трибуны. — Однако у вас есть шанс искупить свой долг перед Родиной. — Услышав об этом, пленники оживились. — С этого дня вы состоите в народной дружине. Все вы будете распределены в группы по три человека. Эти группы будут разбросаны по городу и станут выполнять самые разные задачи. Начиная с контроля за порядком, заканчивая тушением пожаров и помощи горожанам. Все вы будете носить на рукаве красные повязки, чтобы горожане могли вас узнать. Вам запрещается их снимать, носить любое оружие, кроме

короткого копья и любую броню, кроме шлемов. За любой разбой, нападение или другое нарушение, включая попытку скрыть принадлежность к народной дружине или побег последует немедленная казнь без суда и следствия по законам военного времени. — После этих слов по толпе прошёлся испуганный ропот, а многие понурили головы. — На кошт себе зарабатывать будете своим же честным трудом, всячески помогая горожанам, если те нуждаются в помощи. Родина даёт вам последний шанс! — Я повысил голос, выделяя серьёзность своих слов. — Так постарайтесь же не подвести её и не обделаться снова!

Глава 22. «Князь»

3 марта 1506 года.

Ситуация в городе постепенно начала стабилизироваться. Собравшееся в огромном количестве ополчение, неизвестно где доставшее так быстро столько копий и щитов, я стал постепенно распускать. Сам же, вместе с гвардией и отрядом из Борков, я принялся проводить в порядок детинец. Он пробыл в руках предателей совсем недолго, однако даже этого времени хватило, чтобы потерявший всякую честь полк успел привести его к почти полному запустению.

Вообще, народ вроде как признал во мне новую власть. Да, пока отнюдь не легитимную и самопровозглашённую. Однако никто не стал перечить мне ни когда я расположился в детинце, ни когда стал участвовать в управлении немногочисленными городскими предприятиями. В их глазах я видел лишь бесконечное доверие и какое-то необычное, даже непривычное признание авторитета, коим я сам себя вовсе и не считал.

Но нельзя сказать, что проблем не было вовсе. Процесс «революции», который так успешно расходился по сельской местности, в городе особой поддержки не встречал. Да и как таковых невольников здесь было не очень много. Холопов себе могли позволить лишь зажиточные горожане, коих, по понятным причинам, было меньшинство. И всё же я планирую в скором времени полностью искоренить среди местных такое понятие, как невольный труд. Как говорится, свободу рабочему и крестьянскому классу! Но только в рамках рыночной экономики, конечно. Во всяком случае, я понятия не имею, как здесь, без промышленных мощностей и значительных народных масс, радикально настроенных против буржуазии, можно построить социализм. А потому да простят меня ещё не родившиеся Маркс и Энгельс(рождение которых в будущем под большим вопросом), но коммунизму не быть.

Что же касается распространения революционных настроений в народе, то здесь, как утверждают мои сподвижники в многочисленных восторженных письмах, всё идёт полным ходом. Помещики уже перестали оказывать всякое сопротивление, стоило мне расстрелять чересчур ретивых поклонников рабского труда. И сейчас бывшие хозяева крестьян, что добровольно перешли на мою сторону, в своих же сёлах становились обычными наместниками. То есть они не могли судить крестьян, заставляя их что-либо делать и ограничивать их передвижение. Единственное, на что они имели разрешение, так это на сбор оброка. Денежный и натуральный налог собирался везде так же, как и в Борках: самые богатые платили больше, те, что победнее — меньше. Ну а те, кто и вовсе с трудом выживал — напротив, получал пособие. Но не стоит думать, что пособие закроет все потребности человека. Нет, оно лишь поможет ему в трудной ситуации, но уж точно не сможет полностью его обеспечить. Такая система позволит избежать ситуации, когда люди намеренно не захотят богатеть, чтобы на ровном месте получать деньги.

Конечно, стоило ожидать, что бывшие помещики начнут подворовывать и нагревать руки на новой системе. И избежать потерь вовсе скорее всего не получится. Однако можно их максимально сократить. Именно с этой целью пятеро помещиков, с которыми мы всё это и начинали, целыми днями катались по всем деревням и сёлам, тщательно обследуя крестьянские дворы и оценивая уровень их зажиточности. Она определялась количеством людей на двор, сколько из них детей, количеством скота и общим обустройством двора.

После чего, складывая всех налогоплательщиков и вычитая из суммы бедняков, которым нужна помощь, мои сподвижники оглашали наместнику то, сколько он должен передавать денег или натурального оброка. Если же крестьянский двор пытался скрыть своё истинное состояние, то в качестве первого наказания половина их имущества переходила в собственность государства. Об этом их предупреждали ещё до осмотра, чтобы самые хитрые успели одуматься. За второе же подобное нарушение штраф повторялся, только к тому же один взрослый мужчина со двора забирался на год принудительного труда без фактической оплаты.

У такой системы был один существенный минус. Люди имели свойство умирать. Причём, по обыкновению, очень неожиданно. А как собирать налоги с тех, кого уже нет на этом свете? Как-то несправедливо получается брать оброк с мёртвых душ. Для решения этой проблемы, по хорошему, нужно, чтобы был ежедневный отчёт о том, сколько человек родилось, а сколько умерло. Вот только нет у меня такого количества грамотных людей, чтобы посадить их в каждую деревню и в каждое село. А потому было решено проверять все вотчины раз в месяц, таким образом загрузив почти всех людей, понимающих в счёте и письме. А для большей эффективности нужно обучать новые кадры.

Для обучения в детинце я выделил целое здание под некое подобие школы. В ней учились все желающие, но главным образом — дети тех солдат, что отказались подчиняться Михаилу и были заточены в темницу. А также верные мне воины из сотни Григория. С учителями же думать долго не пришлось — за снежную зиму гвардейцы получили от меня огромное количество знаний в области простейшей математики сразу за пять классов современной школы. От Жака и Максима они получили неплохое, даже по меркам двадцать первого века понимание физики, от Оскара — простейшая химия (или скорее алхимия) и, что немаловажно, значительный пласт знаний в лекарском деле и травах. А от местного священника гвардейцы научились сносно читать и писать по-русски. В общем-то, преподавать гвардейцы должны были лишь эти знания, потому как для начального образования больше и не нужно. Зато когда из школы выпустятся первые молодые бюрократы, налоговая система и в целом управление должно, по моим расчётам, расцвести.

Но для крепкой и стабильной власти, помимо умелого руководства и кадров нужна ещё и силовая поддержка. Гвардия и верные остатки полка, безусловно, сейчас является весомой силой. Однако весьма малочисленной и незначительной. Мне нужны настоящие войска, обученные дисциплине и воинскому делу по образцу гвардейцев. А строить их нужно начинать как можно раньше и с максимальным усердием. Для этого я спланировал создание полноценного полка, численностью более чем в одну тысячу человек. Его фундаментом должны стать полторы сотни верных мне воинов полка из числа сотни Григория и бывших узников темницы. Ополчение из Борок же в скором времени я планировал отпустить домой, поскольку новому полку нужны были ружья, а новому государству — инструменты для строительства стабильной системы.

Три дня назад во все концы города отравились глашатаи, освещавшие открывшийся набор в «полк нового строя», куда зазывались все охочие люди возрастом от шестнадцати лет до двадцатиодного года. Исключительно добровольно. Можно было, конечно, начать собирать рекрутов в крестьянских дворах, объявив воинскую повинность. Тогда бы народу, возможно, и на пять полков набралось бы. Но всё же, как не крути, это была бы принудительная служба. Да и крестьяне хоть и составляют абсолютное большинство населения, не идут ни в какое сравнение с горожанами по уровню развития и образования. К

тому же наличие у будущих рядовых места жительства в черте города позволяло мне не заботиться о том, где будущие солдаты станут жить. Я обещал им лишь два приёма пищи и небольшое жалование, требуя взамен готовности учиться новому, преодолевать себя и беспрекословно делать то, что им прикажут. Такие необычные возрастные ограничения я также установил не просто так. У молодых и кровь погорячее, да и восприятие гораздо более гибкое. Из них можно лепить такую армию, какая мне нужна: дисциплинированную, обученную и работающую как единый механизм.

Постепенно начало запускаться производство, заложенное ранней весной в сёлах помещиков, поддержавших меня. В детинец ежедневно приходили повозки с ружьями, серой формой из сукна и порохом. На рынки, куда с голодной страстью после освобождения детинца бросились купцы из Европы и с юга, стали поступать высококачественные инструменты, которые по десять часов в день ковались на мануфактурах на равне с оружием и простенькие, зато массовые стеклянные изделия и посуду, которые наловчился делать Оскар. Скупая не жалея серебра устаревшие для нас арбалеты, производство которых в Борках только набирало обороты, купцы, наверное, считали, что крупно обманывают глупых русских, скупая у них смертоносное оружие, которое ещё не успел вытеснить стремительно набирающий популярность огнестрел, по сравнительно бросовой цене.

А в это время в детинце от зари до зари грохотали залпы ружей и раздавался барабанный бой. Сформированный из вчерашних подмастерьев, детей обедневших горожан и просто неудачников полк с каждым днём крепчал, закалялся сталью и порохом, переставал шугаться выстрелов и барабанов. Офицерами в полку назначались самые грамотные добровольцы, которых я отбирал лично, а также лучшие десятники из сотни Григория. Всего получилось шесть званий-ступеней, формирующих строгую иерархию: один полковник, три комбата, девять капитанов, тридцать шесть лейтенантов, сто восемь сержантов и девять сот семьдесят два рядовых. Каждый сержант командует девятью рядовыми, образуя десяток. Каждый лейтенант имеет под своим контролем три десятка, то есть один взвод, а каждый капитан, в свою очередь, имеет в подчинении четыре таких взвода, которые объединяются в роту из ста двадцати человек в общем. Три таких роты — батальон, над которым стоит комбат. А три батальона — полноценный полк под командованием полковника, коим стал сам Григорий. Он, не смотря на свой возраст, легко перенимал новую доктрину ведения войны и с лёгкостью находил общий язык с новобранцами. При этом в нём не было той слепой удали, которая так мешала Михаилу. Напротив, Григорий порой был уж очень задумчив и расчётлив.

Хотя тренировки и обучение шли ударными темпами, новому полку до сих пор катастрофически не хватало ружей и формы. Впрочем, эта проблема постепенно решалась, поскольку на мануфактуры с каждым днём приходило работать всё больше желающих. Чтобы потянуть на первых порах зарплаты рабочим, пришлось прибегнуть к спасительным серебряным рудникам, которых хоть и не должно быть здесь исторически, однако не воспользоваться этим ресурсом было бы просто невероятно расточительно с моей стороны. Да и нескончаемый поток купцов, которые охотно меняли наши товары на деньги, уголь и руду с запада и продовольствие с юга, неслабо помогал мне в этом невероятном скачке пятилетки за пару месяцев.

Я стоял на стене детинца и с интересом наблюдал за тренировкой второго батальона под командованием сурового комбата из числа бывших пленников Михаила, которого я назначил по совету Григория. И, похоже, не прогадал. Он гонял своих подчинённых с

невероятным энтузиазмом, но при этом отнюдь не выражал какой-то жестокости или жажды власти. И сейчас батальон из трёхсот шестидесяти человек, пока ещё вовсе не стройным шагом пытался поймать ритм, который диктовал хладнокровный барабан. Ряды, которые должны двигаться идеально ровной, монолитной стеной напоминали сейчас скорее извивающихся червей, а всё построение вот-вот грозило рассыпаться. Они в черт знает какой раз шли по огромному плацу из одного конца в другой, а в них с фронта летели десятки стрел без наконечников. Самые хитрые по началу пытались увернуться от не смертельных, но очень неприятных снарядов, однако вскоре и в их головы было донесена вся важность строгого построения на поле боя.

— Смелее, вашу мать! — Выкрикивал комбат, также шедший вместе со своим батальоном, хотя и отдающий команды, как и следует толковому командиру, следуя позади всего построения. — Выше головы! Это стрелы, а не дерьмо! — Барабанный бой резко оборвался и батальон встал, пытаясь выровнять ряды.

— Чудные дела нынче на земле русской творятся, — Произнёс кто-то позади меня. И хотя я узнал в голосе митрополита Новгородского и Софийского собора Никона, с которым мне не так давно пришлось познакомиться, я всё же рефлекторно обернулся. Отнюдь не старый священник стоял рядом и, хитро улыбаясь уголками губ, наблюдал за учениями. И как он только сумел вот так незаметно подкрасться ко мне?

— Считаешь, отец Никон, что сие не есть хорошо? — Осторожно спросил я. Вообще, как я понял, новый митрополит, что ростом и габаритами вышел даже больше меня, от чего его вид в чёрной рясе и с массивным крестом на груди внушал ещё больше неоднозначных чувств, был относительно прогрессивен и религию, судя по всему, воспринимал не просто как веру, но ещё и как мощный рычаг давления на народные массы. Да и патриотом был, каких поискать.

— Не всё, — Уклончиво ответил он. — Большие перемены способны вести на путь праведный. Однако и цену за то порой платить приходится непосильную. Что же до полка твоего нового, — Он прервался, наблюдая, как батальон берёт ружья на изготовку, передний ряд пока не очень слаженно встаёт на колени и первые две линии дают разрозненный залп холостыми зарядами в сторону обстреливающих их гвардейцев. — Господь завещал «не убий». Но когда придут язычники святую веру топтать, нам придётся сию заповедь оставить. — Никон тяжело вздохнул. — Или они, или мы. И вижу я, что сила в новом деле ратном сокрыта великая, однако ж время ей нужно на то, чтобы проявиться.

— Как дела с моей просьбой? — Сменил я тему разговора.

— Вот, — Никон протянул мне широкий лист, на котором ровным столбиком были аккуратно выведены буквы. Не те закорючки, что я видел во всех русских текстах этого времени, которые едва ли можно было сходу разобрать, а вполне лаконичные, привычные моему взгляду буквы. Взяв за основу устаревшую кириллицу, митрополит по моей просьбе и моему же описанию упростил символы, доведя их до приятного глазу вида. Да, это всё же был не тот шрифт, каким писали в двадцать первом веке. Однако очень близко к этому.

— Отлично, — С придыханием произнёс я, сжимая в руках драгоценный лист.

— Однако мнится мне, что не примут священники сей уклад быстро. — С искренней досадой произнёс епископ.

— Хм, — Я на мгновение задумался. Нет, ну а что мне дело до святых писаний? Пусть себе хоть на иврите молятся. Мне же нужна строгая практичность и лёгкость лишь в тех текстах, которые я буду читать и которые буду писать. В письмах, докладах, отчётах. —

Тогда не будем покамест их дёргать. Пушай пишут по-старинке, по заповедям священных предков.

— Свет истины льётся из уст твоих, княже, — Хитро улыбнулся митрополит. Он впервые назвал меня вот так. «Княже»? Это что же получается? Он признал меня как законного правителя? — Пойдём в храм, нам нужно многое обсудить о будущих делах. — Произнёс Никон, вырывая меня из размышлений.

Я ещё мгновение постоял в немом раздумье, но вскоре в стороне раздался быстрый топот. По дощатому полу крепостной стены спешил ко мне купец Мстислав в сопровождении Генриха и моего личного шпиона Лаврентия. Они в последние дни работали над общей задачей: Мстислав и Генрих со своими связям среди купечества и дворянства активно собирали информацию, а Лаврентий, пользуясь своими навыками и талантами контрразведчика, обрабатывал её и принимал оперативные решения, первоначально взяв на то моё разрешение. В общем, боролись с очагами недовольства, порой прибегая к довольно радикальным, но очень эффективным методам.

— Про либертате попули! — Выкрикнули Генрих и Лаврентий на не очень чистой латыни революционное приветствие, не останавливаясь, но ударив правой рукой в грудь. Эта фраза значит «За свободу народа» и была выбрана мною не просто так.

— Эт патрие! — (То есть «И Отечества») Ответил я в такт им. — Что стряслось, господа? К чему такая спешка? — Галантно поинтересовался я на непривычный мне манер.

— Саша, в порт вошёл корабль Мартина, — С улыбкой сообщил Генрих. — С ним несколько грамотных иноземцев, что пожелали служить тебе.

— Прекрасно! — Едва ли не запрыгал на месте я. Но тут я вспомнил про приглашение митрополита. Поговорить с ним мне тоже безумно хотелось. Да и прояснить момент с моим негласным титулом было нужно как можно скорее. — Вы можете проверить этих иноземцев? — обратился я к своей шпионской троице — Ежели счёт ведут хорошо, да науку или языки какие знают, то принимайте. А если просто оборванцы какие — отказывайте не раздумывая. — Лаврентий с Генрихом переглянулись и, одновременно кивнув, согласились. Они получили от меня ещё несколько распоряжений, после чего также быстро удалились встречать будущих кадров для государства. Я же, тяжело вздохнув, направился в сторону величественного Софийского собора.

Интерлюдия. Лаврентий.

До порта добрались на удивление быстро. Нужный корабль, на который указал герр Майер, и вовсе плавно покачивался на лёгких волнах совсем рядом. Встретившись с хозяином судна, Майер тепло поприветствовал его и представил меня и купца Мстислава. Меня не особо интересовал этот немецкий купчишка, хотя, конечно когда он узнал, что командир не смог его встретить, как-то странно дёрнул щекой, то ли расстроившись, то ли расслабившись.

— А я ведь хотел сказать ему спасибо за совет с квашеной капустой! — То ли притворялся, то ли на самом деле был очень огорчён купец. Я, по правде говоря, не понимал того, что он говорит, однако герра Майера, что переводил его речь для меня, слушал внимательно. — Я ведь столько людей да денег сберёг, когда у моряков зубы с кровью перестали падать! Даже хватило серебра зайти в порты Венеции и Италии! — Не знаю, что за Венеция, но наверняка большой город, раз этот купчишка так о нём говорит. Надо бы его проверить, этого «Мартина». Вот только у меня сейчас совершенно другое задание.

Вскоре с корабля на берег сошли пол дюжины мужчин в немецких кафтанах и платьях.

На фоне четырёх откровенно богатых, двое смотрелись как-то бедно, однако я не привык делать поспешных выводов, а потому, с помощью герра Майера, приступил к проверке знаний этих немецких розмыслов.

С четырьмя богато одетыми господами проблем не возникло. Двое из них владели французским, один был германцем, а последний прибыл из Англии. Да помимо своих родных, каждый владел ещё одним, а то и более, языками. Все добро считали, двое знали инженерное дело, один был лекарем добрым, а один — алхимиком. Но вот как только мы стали опрашивать первого не столь богато одетого немца, тот сразу себя выдал. Считал он из рук вон худо, а на своём родном германском и то с трудом выражался. По нашим лицам, он, должно быть, понял, что обмануть здесь никого не вышло, а потому поспешил затеряться в толпе. Оставался последний немец, который, наверное, также был простым бродягой, а не розмыслом. Он имел длинную бороду и волосы светлого цвета, а на голове носил причудливую чёрную шапку.

— Откуда вы прибыли? — Спросил я его на германском. Он на мгновение смутился, но вскоре, подумав, дал ответ.

— Я есть прибыть из Итальянская земля... — Немец запнулся, но я жестом показал, что продолжать не нужно. Если Италия, значит латынь, а в ней я не шибко силён. Зато герр Майер без проблем на ней изъясняется. Однако то, что он понял германскую речь, владея латынью, как родным языком, уже говорит о том, что перед нами не совсем дурак.

— Спокойно, господин, вы можете говорить на латыни. — Пролетел Генрих. Широко раскрыв глаза, мужчина улыбнулся.

— О, спасибо, господин! — Мне оставалось лишь слушать моментальный перевод Майера. — Я приплыл из Флорентийской республики. Был рождён близ города...

— Не нужно. — Прервал его я. — Это лишнее. Спроси у него, сколько будет, ежели взять сто двадцать шесть и прибавить семнадцать. — Генрих перевёл вопрос и итальянец, нахмурившись, почти сразу выдал ответ.

— Сто сорок три. — Перевёл его ответ Майер.

— Чем вы занимались на Родине? — Задал следующий шаблонный вопрос Генрих.

— Я был художником, — Он достал из своего громадного сундука несколько больших картин. Я взял первую попавшуюся и скривился. На ней был нарисован человек с четырьмя ногами и четырьмя руками, да к тому же ещё и полностью нагой! Я вернул её художнику и взял другую. Ну вот, это уже куда как лучше! С плоской картины на меня смотрели глаза женщины в тёмном одеянии и, слегка улыбаясь, глядели будто бы в душу. Однако, он явно мастерский богомаз, каких поискать. Иконы наверное расписывал у себя в Италии, али храмы. Командир сказывал, что у латинян много чего с православное верой схоже. Хотя и разного не мало.

— Очень интересно, — Протянул на русском Генрих, рассматривая ту самую картину нагого человека. — Только художник?

— О, нет, — Опомнился латинянин. — Ещё можете взглянуть на это. — Он достал из того же сундука несколько бумажных листов, исписанных разными зарисовками, какие я видел у французского мастера Жака в Борках. Только здесь, похоже, что-то более необычное и, видимо, невозможное. Хотя, после того, как я видел, как взлетает воздушный шар от горящих в печи опилок и как летают ракеты, сея смерть в стане врага, меня уже едва ли что-то удивит. — Я работал архитектором и военным инженером, где меня обучили многим механизмам. — С лёгкой гордостью заявил он.

— Хорошо, мы согласны взять вас на службу. — С улыбкой перевёл Генрих мои слова. — Как ваше имя? — Генрих выслушал его ответ, который едва ли мог быть одним единственным именем, после чего перевёл мне его слова.

— Меня зовут Леонардо, сын Пьеро из Флорентийского города Винчи.

Конец третьей книги.

Больше книг на сайте - Knigoed.net